

5.485.

ЕТМАНЪ БОГДАНЪ ЗИНОВІЙ МЕЛЬНИЦКІЙ

и его наслѣдники (преемники).

Написалъ

Д-ръ Николай Мв. Антонебичъ.

Часть I.

Цѣна 1 корона.

ЛВОВЪ.

Типографія Ставропигійского Института
подъ управленіемъ М. Рефця.

1909.

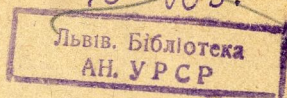
10
6
ГЕТМАНЪ БОГДАНЪ ЗИНОВІЙ
ХМЕЛЬНИЦКІЙ

и его наслѣдники (преемники).

Написаль

Д-ръ Николай Мб. Антоневичъ.

Часть I.



ЛЬВОВЪ.

Типографія Ставропигійского Института
подъ управленіємъ М. Рефця.
1909.

T3(2YK)442-452
+ T3(2YK)46



Предословіе.



Межи давнѣйшими изданіями Общества им. М. Качковскаго найдешъ, милый читатель, мои сочиненія, а именно: „Козаки“ (одна книжечка) и „Богданъ Зиновій Хмельницкій“ (двѣ книжечки съ г. 1900.) Перечитай прилѣжно тѣ книжечки а порозумѣешь лучше и предлежаще сочиненіе: „Гетманъ Богданъ Зиновій Хмольницкій и его наслѣдники“.

Хмельницкій належить безсомнѣнно до славнѣйшихъ мужей всемірной исторіи, а то яко правдивый герой, яко славнѣйшій вождь и не меньше славный политикъ. Онъ успѣлъ въ короткомъ времени собрати силу, которою не только розбилъ гордую Польшу и ослабилъ ю такъ, що она не могла ся больше поднести до того значенія, якимъ гордила ся давнѣйше; а окончательно ей паденіе было только послѣдствіемъ геройства нашего славнаго Богдана. Хмельницкій хотѣлъ только освободити народъ рускій и православную вѣру изъ подъ зависимости польской; бо онъ самъ не былъ, яко шляхтичъ польскій, ворогомъ польской Рѣчи посполитой. Если бы онъ былъ завзятѣйшимъ ворогомъ Рѣчи посполитой, то еще передъ збаражскою осадою ударилъ бы онъ цѣлою своею силою на розбитую тогда Польшу, якъ того козаки отъ него требовали,

и разорилъ бы ю совершенно. Онъ того не сдѣлалъ, бо яко человекъ и шляхтичъ польскій не хотѣлъ задати ей послѣдній ударъ. Если бы былъ Хмельницкій услухалъ козаковъ, то ледво камѣнь на камени осталбы ся въ несчастной Польщѣ, а культура ей была бы уничтожена на долги столѣтія. Хмельницкому добре было извѣстно тогдашне печальне положеніе Польщи, но онъ ю щадилъ... слѣдовательно ему належится справедливо и благодарность Польщи. Самъ польскій король, Янъ Казиміръ, былъ бы подъ Зборовомъ не уйшолъ смерти или по крайней мѣрѣ постыдной неволи татарской, если бы его не былъ спасъ ширій его пріятель гетманъ Хмельницкій! Местъ и другіи пристрастія (намыетности) были благородному Богдану чужи; не ненависть къ Польщѣ, но любовь къ народу и церквѣ русской одушевляла его въ всѣхъ его подвигахъ!

Не Хмеаьницкій, но злощастная политика польска была виновникомъ ужасного кровопролитія межи Поляками и Русинами, межи братьями славянами. Козаки, тое русское рыцарство, могли были принести и Польщѣ неоцѣненную прислугу, если бы политика польска была народною, умною. На жалъ только одинъ король польскій, а то Стефайъ Баторій, ясно видѣлъ, якую пользу могли принести козаки польской Рѣчи посполитой, если бы тѣлько Польша умѣла къ нимъ относиться по людски...

На жалъ преемники Баторія были слѣпы на его совѣты; а политику польскую вели Іезуиты и шляхта, и то въ полномъ согласію. Іезуиты не терпѣли православныхъ (шизматиковъ), а шляхта не терпѣла мужиковъ, своихъ подданныхъ, котры покидали подданство и ставали ся свободными рыцарями — козаками. А козаки ненавидѣли ни короля ни Польщи; они съ ними радо мирилися; они ненавидѣли шляхту, котра за всякую цѣну хотѣла ихъ удержати въ крѣпачствѣ; они нена-

видѣли и всѣхъ тыхъ, которые оказали ся недругами ихъ вѣры и церкви. И короли польскіи спріяли козакамъ, бо и они были подъ властію шляхты и іезуитовъ; — они могли ся надѣяти, що козаки имъ помогутъ освободитися отъ той печальной зависимости. Такъ короли и козаки мимоволѣ собѣ взаимно спріяли и ожидали взаимно другъ отъ друга помочи.

Такимъ способомъ полная побѣда Хмельницкого была бы не только принесла русскому народови и русской церквѣ свободу; она бы причинила ся до упорядкованья внутреннихъ отношеній въ Польшѣ, а тымъ самымъ до ея скрѣпленья; но всему помѣшала нездарная и скверная шляхоцко-іезуитская политика. И Татары пользовали ся скверною римскою политикою; они однако ненавидѣли и Польшу и Русь, для того старали ся одну и другую ослабити, хотя помагали, бо то имъ приносило великую корысть, разъ однимъ, а другій разъ другимъ. А предцѣнь только козаки могли защищати Польшу передъ жестокими нападками Татаръ и ихъ товаришей Турковъ; слѣдовательно здорова и умна политика приказовала полякамъ защищати, а не нищити козаковъ, своихъ природныхъ защитниковъ. Такимъ дѣломъ сталося, що шляхоцка политика принесла чувствительнѣйшій вредъ Польшѣ, чѣмъ козакамъ.

Такъ польская исторія нанесла кривду и имени нашего славного героя, котрый не виновать, що Польша съ нимъ щиро не хотѣла мирити ся; а для того и упала. На дармо упоминаль Хмельницкій Польшу, на дармо предкładaль онъ ей свои совѣты, но шляхта не хотѣла съ мужиками и шизматиками миритися; для того и упала. Що Польша обвиняетъ Хмельницкого, то намъ еще понятно; хотя цѣлкомъ не понятно намъ то, що есть голоса и на Руси, котры обвиняють Хмельницкого за то, що онъ добровольно привелъ козаковъ подъ верховную власть рус-

ского царя. Обвиняють его для того, що онъ причинился до соединенія и скрѣпленія Руси!

Сердятся небожата на Хмельницкого за то, що онъ не сдѣлалъ Украину „самостійною“, не сдѣлалъ независимымъ государствомъ, хотя у него были силы по тому; сердятся, що Хмельницкій поддался ненавистной Москвѣ. Но тутъ не Хмельницкій виновникомъ, виновникомъ исторія а собственно незнаніе исторіи.

Не подлежить бо сомнѣнію, що Хмельницкій мечталъ о независимости Украины; для того такъ усердно старался войти въ родинні сношенія съ владѣющимъ тогда въ Молдавіи господаремъ (княземъ) Лупуломъ. Ему удалось ся своего старшого сына Тимошу оженити съ Розандою, донькою молдавского господаря и сдѣлати его, по тогдашнимъ поглядамъ, достойнымъ владѣти независимымъ княжествомъ. А чей то не вина Хмельницкого, що сынъ его такъ скоро голову положилъ свою въ защитѣ своего тестя и его родины. Що Хмельницкій мечталъ о независимости Украины, свѣдчать и его сердечни сношенія съ семоградскимъ воеводою Ракоцимъ и съ Швецією, котрыи обѣщали ему помагати. Однакъ мечты его розвѣяли ся по несчастной битвѣ подъ Берестечкомъ. Тутъ бо Татары допустили ся скверного вѣроломства, бо взяли въ плѣнъ — подобного случая не найдешъ въ цѣлой всемірной исторіи — своего союзника. Такъ переконался Хмельницкій, що на помочь татарскую ніякъ числити не можъ; а що намѣряла дѣлати съ Україною и козаками польская шляхта, не было никому тайнымъ.

Такъ оставалась козакамъ только одна дорога, если щиро хотѣли спасти свою вѣру и свой народъ — и то было вѣсѣмъ ясно; — они могли найти помочь только у своего сосѣда, у московского православного царя.

Зналь то добре и славный гетманъ, но зналь онъ и политику Поляковъ и Татаръ; для

того то и не былъ певный, що его мечты о независимость Украины сполнятся. Онъ и бажалъ на всякій случай забезпечитися, для того и не дивно, що онъ и козаки отъ шести лѣтъ усердно старались запевнити собѣ помочь великого царя, отъ шести лѣтъ они просили русскаго царя, бы принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Однакъ царь не спѣшился, такъ якъ онъ не коньче вѣрилъ козакамъ, котры давнѣйше разомъ съ Поляками нападали на Москву; онъ зналъ, що и козакамъ вѣра и народность часомъ были меньше милѣ, чѣмъ собственная корысть.

Головна же причина, для которой царь не рѣшился принять козаковъ подъ свою руку, была та, що онъ былъ съ Польщою связанъ договоромъ, (Поляновскимъ) котрый то договоръ легкомышленно зривати не хотѣлъ; бо у русскихъ государей и политика основана была на законѣ христіанскомъ, на христіанской моральности, а не на началахъ скверной римской политики, которой предерживались и Поляки и Татары.

Наконецъ рѣшился русскій государь благосклонно принять прошенія козаковъ, коли Поляки на его предложенія въ защитѣ козаковъ и православія дали рѣшительный отказъ; онъ рѣшился принять ихъ подъ свою высокую руку. Такъ прійшло на конецъ до переяславскаго договора, котрый приняли съ одушевленіемъ и одногласно козаки и присягнули на вѣрность государю всея Руси.

Сердитися на то нѣтъ ни малѣйшей причины; на противъ не только совѣстни русскіи историки, но каждый культурный челоувѣкъ радуется тымъ величавымъ событіемъ. Они справедливо благословляютъ память и Хмельницкаго и великодушнаго Алексѣя Михайловича за тотъ величавый переяславскій договоръ, такъ якъ онъ соединилъ братьей и высоко поднесъ ихъ силу. Оказались скоро и благотворныя послѣдствія: скоро бо устають жестоки напады Татаръ на цѣлую во-

сточную Европу, нашъ братъ селянинъ сталъ снова смѣло управлять свою землю, бо уже не боялся дикого Татарина, котрый давнѣйше нечаянно нападалъ на русскіи и польскіи край, нищилъ огнемъ и мечемъ цѣлы области и гналъ сотками, да тысящами христіянъ въ ясырь и продавалъ ихъ въ вѣчную неволю. Цѣлая южная Русь, тѣ польскіи дикіи поля, спустошени Татарами такъ, що на нихъ кромѣ татарскихъ стадъ (табуновъ) человѣка не было, — они сегодня цвѣтущая область: тамъ великіи и богатые города, цвѣтущіе села и хуторы, численны фабрики и заводы, и то все послѣдствіе переяславскаго договора. Миліоны десятинъ плодородной земли отданы подъ культуру, управу и суть основою добробыта области, котра за владѣнія татарскаго была пустынею. Чи не слѣдуетъ намъ благословити тотъ величавый договоръ и его творцовъ?! —

Переяславскій договоръ принѣсъ явную корысть, и то дуже великую, цѣлой Руси, бо ей теперь ни Татаринъ, котрый и скоро ей поддался, ни страшнѣйшій еще Турокъ, не былъ уже опаснымъ. Русь могла спокойно дальше развиваться въ Европѣ и въ Азіи и исполнять свои культурни задачи, якіи Прввидѣніе ей назначило

Слѣдовательно должны были и козаки и Москва, а то въ собственномъ интересѣ совѣстно беречи условія договора, котрый оказался такъ благотворнымъ. Оказало ся однакъ, що съ временемъ то чудное согласіе пошатнулося, бо человѣкъ все еще слабое существо, котрымъ не здоровый розумъ, но бѣльше чувство — пристрастіе управляетъ. Задачею исторіи является для того и должность выказати, кто и для чого былъ виновникомъ нарушенія такъ благотворнаго для всей Руси договора.

1. Переяславскій договоръ.

Вѣроломство Татаръ подѣ Берестечкомъ и дальшее поведеніе Поляковъ отняло Хмельницкому всякую надѣю на мирное уложеніе спорныхъ дѣлъ. Столкновеніе Тимотея Хмельницкаго съ Калиновскимъ подѣ Батогомъ еще заострило положеніе спорящихъ и убѣдило нашего гетмана, що щирое порозумѣніе съ Поляками не мыслимо. Тимотей спѣшилъ съ численною дружиною на свою свадьбу съ молдавскою принцессою въ Молдавію, а къ дружинѣ его присоединился и знатный Татаринъ, Карачъ-мурза съ своею ордою. Нашъ гетманъ просилъ вѣжливо Калиновскаго, стоявшаго съ своимъ войскомъ надѣ Бугомъ, бы не мѣшалъ его сыну мирно ѣхати на свою свадьбу. Но Калиновскій, на злѣсть Хмельницкому нарочно поступилъ противъ предложенія нашего гетмана и напалъ нечаянно на дружину жениха. Наказанье за то было тяжке, хотя и вполне заслужено. Подчасъ нападенія на нечисленную дружину русскіи мужики, бывшіи на работѣ въ польскомъ обозѣ нарочно зажгли сѣно, и пожаръ быстро распространился... Козаки и Татары дали Калиновскому сильный отпоръ и совершенно разбили польское войско. Калиновскій палъ самъ въ битвѣ. Поляки бѣжали на всѣ стороны, а козаки и окрестніи мужики глали за

ними и съ необычайною заѣлостію, убивали утѣ-
кающихъ, и при томъ злорадно приговаривали:
„вотъ вамъ за унію, вотъ вамъ за Берестечко,
вотъ вамъ за ваши поборы!“ и пр. Двадцать ты-
сячей польского войска погибло въ той знамени-
той битвѣ, которую легкомышленно вызвалъ не-
способный, но гордый вождь. Ударъ нанесенный
тутъ подъ батожскимъ урочищемъ Полякамъ не
могъ закончиться зближеніемъ до себе непріате-
лей. А и миръ, заключенный въ Бѣлоцерквѣ, хотя
и не корыстный для Руси, былъ самыми Поля-
ками нарушенный.

Но Хмельницкій оказалъ ся еще вѣжливымъ,
онъ послалъ посольство къ королю съ заявлені-
емъ, що несчастье подъ Батогомъ зачинилъ Ка-
линовскій. Не уважаячи на то просилъ гетманъ
даже прощенія у короля для своихъ козаковъ,
онъ бо о нихъ выразился такъ: „простите ихъ,
ваше величество, если они, якъ веселыи люде,
далеко простерли свою дерзость“. Однакъ Поляки
уважали слова Хмельницкого дерзкою насмѣш-
кою, хотя и найдено въ карманѣ убитого Кали-
новского письмо Хмельницкого, дающе полное
доказательство, що виновникомъ польского нес-
частья подъ Батогомъ былъ Калиновскій. —
Хмельницкій позналъ, що для козаковъ и для
Руси не было ніякихъ видовъ на успѣхъ; зналъ
бо онъ добре, що Поляки отомстятъ за козацкій
Батогъ — зналъ онъ добре, що Татары стануть
уже явно по сторонѣ Поляковъ.

Для того снова свернулся Хмельницкій къ
царю Алексѣю Михайловичу и умолялъ, принять
его съ козаками подъ свою руку. И на тотъ разъ
царь не далъ еще своего согласія, бо былъ свя-
занъ договоромъ съ Польщою; но отвѣтилъ, що
принимаетъ на себе посредничество въ цѣли
примиренія польского короля съ Хмельницкимъ.
И дѣйствительно послалъ царь своего посланни-
ка, боярина Рѣпника Оболенского съ товарищами
(въ мѣсяцъ Юльи 1653 г.) въ Польщу, и заявилъ

що онъ простить виновниковъ, нанешсихъ ему обиду, (давнѣйшіи непорозумѣнія) если поляки изъ своей стороны помирятся съ Хмельницкимъ на основанію Зборовскаго договора и уничтожатъ унію.

На тое требованье польскіи паны заявили, що уничтожити унію не возможно такъ само якъ въ Москвѣ греческую вѣру; а съ Хмельницкимъ не стануть миритися не только по Зборовскому, но даже и по Бѣлоцерковскому договору, и приведуть козаковъ къ тому положенію, въ якомъ находилися передъ началомъ междоусобія...

На дерзкій отвѣтъ польскихъ пановъ заявилъ царскій посланникъ, що царь бѣльше не будетъ высылати своихъ пословъ въ Польшу, но обвѣститъ всѣхъ государей о неправдахъ польскихъ и о явномъ нарушенію поляками мирныхъ договоровъ, и будетъ защищати православную вѣру, святы Божіи церкви и свою честь.

Тымъ часомъ явился въ Молдавіи соперникъ Лупула, Стефанъ Гергеца, котрому за великіи гроши султанъ отдалъ Молдавію въ управленіе. Роспочалася тамъ междоусобиця, въ которой приняли участіе и Поляки и Татары. Союзники Гергецы окружили великою силою столицу Лупула Сучаву, котру храбро защищаль зять Лупула, молодой Хмельницкій. Смертельно раненый Тимоша скоро умеръ, а его козаки подъ Федоренкомъ были принуждены голодомъ передати Сучаву Гергецѣ (9. октября 1653. г.), вымывши собѣ свободный проходъ на Украину съ тѣломъ героя Тимоши. Богданъ Хмельницкій встрѣтилъ на дорожѣ тѣло сына, приказаль его везти въ Чигиринъ на погребеніе, а самъ поѣхалъ на поляковъ, которые его и ожидали. На счастье Хмельницкаго Татары, котрымъ Поляки по побѣдѣ подъ Берестечкомъ перестали платити обѣщанную дань, соединилися съ нимъ, бы-

Поляковъ приневолили до плаченъя давной постыдной дани. Полякамъ здавалося, що они подѣ Берестечкомъ сами отнесли славную побѣду и не нуждаются бѣльше въ помочи татарской; имъ здавалося, що они самы научать козаковъ, якъ слѣдуетъ. Но Ханъ татарскій потребовалъ грошей; и хотя ему быи милѣйши Поляки чѣмъ козаки, на сей разъ стануль Ханъ по сторонѣ Хмельницкого, бо еще милѣйшою отъ поляковъ была для него польская дань.

Самъ польскій король стануль на челѣ своего войска и рушилъ на Подолье въ увѣренію, що зайдетъ Хмельницкому, идучему съ помочию своему свату Лупулу, дорогу и побьетъ его на голову. Хмельницкій довѣдался о томъ и переслалъ царю вѣсть съ замѣчаніемъ, що поляки идутъ на поруганье вѣры и святыхъ церквей и додалъ: „турецкій царь прислалъ къ намъ въ обозъ, въ Борхи своего посланника и приглашалъ къ себѣ въ подданство. Если ваше царское величество не сжалится надъ православными христианами и не прийметъ насъ подѣ свою высокую руку, то иновѣрцы подобьютъ насъ и мы будемъ чинити ихъ волю. А съ польскимъ королемъ у насъ мира не будетъ ни за что“. — (Такъ были тогды козаки успособлены!)

Вороги встрѣтились на берегу Днѣстра подѣ Жванцемъ противъ Хотина, двѣ мили отъ Каменца подольского. Была уже пѣзная осень. Положенъе поляковъ было печальне; войско бо ихъ складалось переважно съ непривыкшихъ до бою воиновъ, разбѣгалось на всѣ стороны на самую вѣсть о козакахъ. Но ханъ смотрѣлъ только на одну свою выгоду и предложилилъ полякамъ миръ съ условіемъ, если ему заплатятъ заразъ сто тысячъ червоныхъ, а потому станутъ платити ежегодно на основанію Зборовского договора, извѣстную дань, а въ додатокъ дадутъ татарамъ право брати скѣлько схотятъ плѣнниковъ въ поль-

скихъ областяхъ. Притѣснены до крайности Поляки пристали на все, що Татары желали, выговорили собѣ тѣлько то условіе, чтобы Татары брали въ плѣнь въ продолженіи сорока дней только Русскихъ и не трогали Поляковъ. За то ханскій визирь обѣцалъ, що отступитъ отъ козаковъ и будетъ широко помагати познѣйше Полякамъ, но на теперъ просилъ для вида обѣцати, що Зборовскій договоръ будетъ и для козаковъ утвержденъ. Вѣдь и Татары бояли ся тогда козаковъ, хотя удавали, що дѣлають то для своихъ союзниковъ-козаковъ.

Хмельницкій довѣдался о условіяхъ того дикого договора и просилъ хана остатися съ нимъ, но ханъ, которому пріязнь польская была корыстнѣйша, отказалъ. Хмельницкій зналъ, що его силы за слабѣ, бы успѣшно и съ Поляками и съ Татарами воевати; онъ молчалъ и ожидалъ только царской помочи. 16. декабря выѣхалъ король изъ обоза, а за нимъ разбѣглися всѣ воины польскіи. Татары же въ ужасный способъ выкорыстали королевское позволеніе и безпощадно брали въ плѣнь всѣхъ, кто имъ въ руки попался, чи то Русскій чи Полякъ. Такъ съ ласки королевской опустошили татары цѣлую южную Русь ажъ по Люблинъ, и то не въ первый разъ. Такъ благоденствовали наши предки во время оно! На вѣсть о тѣхъ печальныхъ произшествіяхъ рѣшился на конецъ и царь на дѣло, а то тѣмъ бѣльше, що его посланникъ Рѣпнинъ Оболенскій вернулъ изъ Польши и доложилъ о своихъ переговорахъ. На 1. октября 1653. г. созвалъ царь Алексѣй Михайловичъ земскій соборъ изъ цѣлого государства, который торжественно отбылся въ „грановитой“ палатѣ. Тутъ думный дѣякъ (по нашему канцлеръ или секретарь Думы) изложилъ дѣло; доложилъ о обидѣ нанесеной Государю Поляками, о безуспѣшныхъ переговорахъ Рѣпнина Оболенского; о томъ, якъ гетманъ Богданъ Хмельницкій много лѣтъ просить о

принятіе подѣ державную руку, о томъ, якъ Поляки отвергли справедливое требваніе государя, а на конецъ и о послѣдней вѣсти, що султанъ зоветъ козаковъ подѣ свою власть. Въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ отвѣтъ собранія на вопросъ, чи принять гетмана Хмельницкого съ всѣмъ войскомъ запорожскимъ подѣ царскую руку?

Бояре отвѣтили: „Понеже король Янъ Казиміръ при своемъ избраніи присягъ, що будетъ защищати всѣхъ христіянъ — а не только католиковъ, и никого за вѣру притѣснати не позволитъ, а своей присяги не додержалъ, то и его подданиі освобождаются отъ вѣрности и послушанія. Слѣдовательно и гетманъ Хмельницкій и козаки — послѣ нарушенія королевской присяги — вольніи люде и отъ всей присяги свободніи. А потому, щобы не допустить до того, бы Хмельницкій прейшолъ подѣ власть Турковъ или Татаръ, слѣдуетъ принять Хмельницкого съ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, со всѣми городами и землями, подѣ высокую государевую руку“...

Гостѣ (купцы) и торговіи люде, въ отвѣтъ на предложенный вопросъ, обовязали ся помагати своими средствами въ предстоявшей войнѣ; а служивіи люде (войско) обѣщали торжественно, въ бою съ польскимъ королемъ не щадити своихъ головъ и умирати за честь своего государя.

А на конецъ патріархъ и все духовенство благословили государя и всю его державу и заявили, що будутъ молити Бога, Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ о пособіи и побѣдѣ...

По тикомъ торжественномъ и единодушномъ рѣшеніи собранія послалъ царь въ Переяславль: боярина Бутурлина, околичного Альферіева и думного дьяка Лопухина, бы приняли Украину подѣ высокую руку государя.

Послы прибыли 31. декабря 1653. года въ Переяславль, а полковникъ переяславскій

Павель Тетеря привялъ съ должною честію милыхъ гостей. — 1. января 1654. г. прибылъ самъ гетманъ въ Перояславль, и тутъ собралися всѣ полковники и достойники козацкіи — цѣлая старшина и множество козаковъ. По совѣщаніяхъ старшины козацкой съ царскими посланниками отбыла ся великая рада.

Гетманъ говорилъ: (Такъ оповѣдаетъ славный нашъ историкъ Костомаровъ)

„Господа полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское!

Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ нашего восточнаго православія, хотѣвшихъ изкоренити насъ такъ, чтобы и имя русское не упоминалось въ нашей землѣ. Но намъ нельзя бѣльше жити безъ государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, щобы вы избрали изъ четырехъ государей собѣ государя. Первый — царь турецкій, котрый много разъ призывалъ насъ подѣ свою власть, второй — ханъ татарскій; третій король польскій; четвертый — православный Великой Руси царь восточный. Турецкій царь бисурманъ, и сами знаете якое утѣсненіе терпятъ братія наши христіане отъ невѣрныхъ. Крымскій ханъ тоже бисурманъ. Мы по нуждѣ свели было съ нимъ дружбу и черезъ то приняли нестерпимы бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе христіанской крови. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ и вспоминати излишно; сами знаете, що они почитали жида и собаку лучше нашего брата христіанина. А православный царь восточный, — одного съ нами греческого благочестія; мы съ православіемъ Великой Руси единое тѣло церкви, мающее головою Іисуса Христа.

Тотъ великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси, не призрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ

намъ ближнихъ людей, съ царскою милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ царской высокой руки, мы не найдемъ отышнѣйшого пристанища; а будетъ кто съ нами не въ совѣтъ, тотъ куда хочетъ: вольная дорога.“

Роздалися восклицанія: „Волимъ подѣ царя восточного! лучше намъ умерти въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставатися ненавистнику Христову, поганину.“

Тогда началъ полковникъ переяславскій обходить всѣхъ присутствующихъ козаковъ и пытался: „Чи всѣ такъ соизволяете?“ Всѣ, отвѣчали громко козаки. Козаки кричали: „Боже утверди, Боже укрѣпи, щобы мы на вѣки были едино!“

Послѣ того прочитаніи были условія славного переяславского договора. Содержаніе было слѣдующее: „Вся Украина (козацкая земля, приблизительно въ границахъ зборовского договора, занимавшая нынѣшніи губерніи: полтавскую, кievскую, черниговскую, большую часть волынской и подольской), присоединилась подѣ именемъ Малой Руси къ Московскому государству. При томъ за поручено Малой Руси широкую автономію; ей оставлено особый свой судъ, управленіе, выборъ гетмана вольными людьми; признано гетману право принимать посланниковъ иностранныхъ и сноситься съ иностранными державами (кроме крымского хана и польского короля). Признано дальше неприкосновенность правъ шляхетского, духовного и мѣщаньскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ увеличивалось до шестидесяти тысячъ; но дозволено было принимать и больше охочихъ козаковъ. — Слѣдовательно признано козакамъ великіи права и свободы; однимъ словомъ признано малой Руси такую полную автономію, какой не находимъ у ніякого зависимаго народа. Не дивно, что все козацтво приняло съ одушевленіемъ и радо утвердило всѣ условія переяславского договора въ полномъ

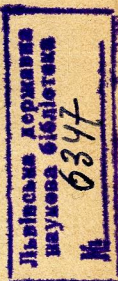
увѣренію, що освободится на все отъ бѣдствій, якіи ему грозили Турки, Татары и Поляки.

Прости милый читатель, що я утомилъ тебе пространнымъ но и вполне вѣрнымъ розказомъ самыхъ важнѣйшихъ событій нашей отечественной исторіи; — я може быти много и повторилъ того, що я давнѣйше розказалъ, я сдѣлалъ тое нарочно, бы событія важни утвердити въ тооей памяти, а всестороннимъ поясненіемъ одержати отъ тебе самостоятельный и сознательный на важни вопросы отвѣтъ, а именно: 1. чи былъ Хмельницкій благодѣтелемъ чи предателемъ Руси, а 2. чи виновникомъ печальной судьбы Польши и ея паденія былъ дѣйствительно Хмельницкій, чи въ большой мѣрѣ злостная шляхоцко-іезуитская политика? — Я бо увѣренъ, що тотъ кто нашу исторію знаетъ, съ легкостію дастъ на тѣ вопросы удовлетворительный отвѣтъ.

Въ дальшемъ оповѣданію пояснимъ ближе отношеніе новой Малой Руси до Великого Государства и узнаемъ, кто былъ правдивымъ виновникомъ познѣйшихъ непорозумѣній, а може и несогласій, якіи съ временемъ выродили ся..

Здавало ся, що договоръ переяславскій будетъ вѣчный, а не только по одушевленію, якое онъ вызвалъ, но и по его содержанію, которое незвычайно подобалося Мало-и Беликороссамъ.

Козаки познали, що ихъ силы были за мали, бы Малороссію освободити и отъ Поляковъ и отъ Татаръ, они навѣрно бы и пропали, нибудь помочи отъ сѣверной Руси. И Москва признавала, що ей помочь козацкая необходима, бо и сѣверная Русь была наражена на частіи напады Татаръ и Поляковъ; а договоръ, отвѣчающій вполне интересамъ обоихъ сторонъ заключившихъ его былъ конечно щирымъ и тревалымъ. Важность договора подносило не только политичне положеніе обоихъ сторонъ, но и сознаніе ихъ единства вѣры и единородства, якъ то въ царской грамо-



10.4.75

Львів. Бібліотека
АН УРСР

тѣ, высланой къ всѣмъ православиымъ въ царствѣ польскомъ, открыто высказано. Единородство цѣлой Руси одушевляло и козаковъ, котры тымъ и гордились. (А сегодня?!)

Мимо того всего оказали ся при блеску полнаго свѣтла и мрачнй тѣни. Сама старшина козацкая готова была станути по сторонѣ Польщи, коли бы тая только схотѣла утвердити и перевести условія зборовского договора. Впрочемъ не было тайною, що старшина козацкая, мечтающая все о шляхотствѣ польскомъ или надѣяющая ся на нее, въ глубинѣ сердца спріяла Рѣчи посполитой; належить бо знати, що нѣкое отличіе, нѣкій орденъ не давалъ стѣлько правъ, свободъ и вольностей, сколько приносило польское шляхотство. Слѣдуетъ еще прибавити, що и межи козаками находили ся и поляки; а вообще старшина козацкая на правду мечтала и о независимости Украины, хотя въ первой хвили всѣ безъ исключенія присягли вѣрность царю. Слѣдовало однакъ надѣяться, що въ сознанію опасности, грозившей козакамъ, въ виду обстоятельства, що не царь козаковъ, но козаки царя, и то черезъ шесть лѣтъ просили умильно о принятіе ихъ подъ его высокую руку, — они и твердше постоятъ за условіями переяславского договора, который былъ для нихъ необычайно выгоднымъ. Правда и помочъ козацка была для сѣверной Руси цѣнна, все таки былъ договоръ для козаковъ цѣннѣйшимъ, такъ якъ расходило ся о ихъ дальше существованіе.

Коли приходило ся заприсягати договоръ, гетманъ и козацкіи старшины домогались, бы и московскіи послы именемъ своего государя присягнули такъ, якъ всегда то дѣлали польскіи королѣ по своемъ избраніи на престолѣ. Однакъ московскіи послы отказали и заявили, що польскіи короли „невѣрни“, не хранятъ своей присяги не самодержавнй, а слово государя не бываетъ перемѣнно...“ А коли царскіи посланники по при-

нятію присяги отъ козацкаго войска розѣхали ся по городамъ и областямъ, бы отъ всѣхъ новыхъ подданныхъ принимати присягу, замѣтили съ прискорбіемъ, що только натерпѣвши ся доволѣ подѣ властію шляхоцкою, присягали съ одушевленіемъ и радо. Самое духовенство приступало неохотно къ присязѣ государю, незважаючи ни на единство вѣры, ни на сознаніе русской единородности. Самъ кіевскій митрополитъ извѣстный намъ. Коссовъ хотя и вѣжливо принималъ царскихъ посланниковъ, выѣхавши имъ на встрѣчу, неохотно поступалъ подѣ власть русскаго государя, що поясняли тѣмъ, яко-бы кіевскій митрополитъ не намѣренъ подчинити ся московскому патріярху. Все таки было замѣчательно, що ни кіевское духовенство, ни прислуга митрополита, епископовъ и монастырей присяги не складали.

Вообще смотрѣло малорусское духовенство на великорусскій народъ и его духовенство якъ на народъ грубый и темный, хотя и не дивно; бо Великороссы не давно еще выйшли съ подѣ двѣстлѣтной татарской неволи, стояли въ просвѣщенію культурѣ ниже своихъ западныхъ и южныхъ братьей, котры образовани въ кіевской академіи и въ борьбѣ съ католиками и протестантами присвоили собѣ бѣльше знанія и дѣйстви-тельно были тогды учителями своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ. Вообще мало-русская интеллигенція роспространяла и межи народомъ вѣсти, котры могли и охолодити одушевленіе: говорено що вѣра московска не совсѣмъ така якъ у нпхъ, що москали будутъ перекрещовати православный народъ и що запретять ему носити черевики и чоботы, а приневолятъ до ношенія лаптевъ (лычаковъ) употребляемыхъ москалями и пр. Такъ малѣли виды, затемнювали ся погляды на спасительный договоръ, хотя нарушенія его не было слѣдно, бо и надѣяти ся належало, що война съ Поляками распочнется снова и будетъ тѣмъ

больше ужасна, бо роспространено всюди вѣсти, що Татры цѣлою своєю силою стануть рѣшительно по сторонѣ Польщи, такъ якъ переяславскій договоръ и имъ стануль костию въ горлѣ.

Належитъ еще пригадати, що козацкая старшина и по другимъ причинамъ была недовольна, она бо явно зачала тужити за польскими горшками, за польскими вольностями. Такъ само якъ шляхта польска и старшина кезацкая не оглядала ся на короля, она привыкла до полной свободы, до необмеженной самоволи; и не дивно, короля бо польского выбирала шляхта, слѣдовательно онъ былъ отъ ней зависимый, а московскій царь былъ самодержецъ съ необмеженою властію, слѣдовательно и гордой старшина належа-ло теперъ повиновати ся и стисло придерживатись условій переяславского договора. А то не легко повиноватись тому кто привыкъ былъ приказовати и повелѣвати!

Но и самі крестьяне оказали ся не вполне довольными; такъ на Украинѣ завладѣло скоро полное розстройство: Хмельницкій якъ знаемъ, въ часѣ розгара войны съ поляками взывалъ часто своими универсалами русскій народъ до участія въ войнѣ за вѣру и свободу, и тысячи робучого народа спѣшили на то возваніе, бы защищати Украину. Каждый, кто только участвовалъ въ войнѣ былъ уже свободнымъ козакомъ, и такому не хотѣло ся уже вертати до плуга или до паньской службы. Число козаковъ возросло такъ, що подъ тымъ взглядомъ ни зборовскій, ни даже переяславскій договоръ не мѣгъ заспокоити хѣтячихъ остатись козаками. Въ реестръ не могла и половина хѣтячихъ остатись козаками псмѣститися; а каждый, не принятый въ реестръ былъ недовольный, и никто не зважалъ на то, що не ставало рукъ робочихъ, что мало засѣва-

ли и мало собирали, такъ що часто простой народъ терпѣлъ голодъ. За владѣнія Польщи, то уходило, тому договоръ съ царемъ належало стисло исполняти.

А кого не принято въ реестръ, тотъ ишолъ на Сѣчь, и тамъ его принимали; и то было головною причиною розстройства, и явного несогласія. Козакѣвъ реестровыхъ называли городовыми, а козаковъ прибывающихъ на Сѣчи сѣчовыми или низовыми. Одни и други выбирали собѣ своего гетмана и свою старшину, одни и другіи уважали себе за правдивое козацтво, освободившее Украину изъ лядской неволи. Бывають козаки низови не узнавали городовыхъ, котрыхъ на подставѣ переяславского договора уважано за правдивыхъ представителей козацтва. Они гордилися тѣмъ, що не городовы, но они избрали Хмельницкого гетманомъ, що они освободили Украину съ подъ польской неволи, хотя въ дѣйствительности у нихъ не было ни достаточного оружія ни хлѣба. Рыба днѣпровска и стада татарскіи были часто ихъ единственнымъ кормомъ. Такъ могло прійти легко межі двохъ козацкими войсками до кровопролитія. Межі городовыми козаками было много шляхтичей, гордыхъ на свои права, мечтающихъ о вольностяхъ, якими пользовалися паны польскіи; а старшина козака подѣлила ся пространными землями слабо заселенными, а даже селами, въ котрыхъ жили крестьяне. Новыи украинскіи паны заводили въ своихъ селлахъ, такъ само якъ польскіи паны, крепачтво. Они стягали изъ всѣхъ сторонъ крестьянъ. на новоселье, давали имъ поля и луги и обѣщали и дальше имъ помагати; но съ часомъ умѣли съ нихъ сдѣлати крепакѣвъ, на котрыхъ накладали чѣмъ разъ тяжшіи работы. Такъ перемѣнила ся сдобытая свобода на подданство, которое мѣстами было дуже тяжке, бо поля было довольно, а рукъ робочихъ мало. Якъ тяжкимъ было на Украинѣ крепачтво (панщина)

вѣродостойнымъ свѣдкомъ для насъ есть народный нашъ поетъ Тарасъ Шевченко, проливаючій горячіи слезы надъ бѣднымъ и жестоко утисненнымъ народомъ; а Москва оказалась въ томъ о стѣлько виновною, що въ переяславскомъ договорѣ за много признала вольностей козакамъ! Впрочемъ мало просвѣщенный и мало культурни козаки оказали ся неспособными завести государственность, а даже ладъ въ своей области. Чѣмъ бѣльше робучій народъ терпѣлъ, тѣмъ бѣльше благоденствовали козаки, котрыи умѣли всѣ тягары, налоги и податки звалити на бѣдный народъ, а сами подражаючи польскую шляхту, гуляли якъ польскіи паны.

Взорцемъ, а даже идеаломъ козацкимъ въ администраціи ихъ области было и шляхотское устройство въ польской Рѣчи посполитой, гдѣ упривилеевана шляхта была владѣтелемъ, а бѣдный народъ стогналъ подъ всякого рода тягарами.

Реестровіи козаки одѣвали звичайно польскіи контуши, носили голову высоко и мечтали о вольностяхъ, якими пользовала ся польская шляхта; одинъ другого называлъ для того и паномъ, и то для демократической Руси постыдное имя осталось и до сегодня въ употребленію. Даже рыцарскій сынъ гетмана Хмельницкого, извѣстный намъ уже Тимоша былъ на своей свадьбѣ съ молдавскою княжною Розандою, одѣтъ въ польскій контушъ, танцевалъ польскій танецъ и величалъ себе польскою рѣчію. Польская шляхта начинала говорити по французски, а наша украинская гордила ся польскимъ языкомъ.

Такъ населеніе Украины подѣлило ся на упривилееванныхъ, и на простыхъ хлѣборобовъ, званыхъ съ польска посполитыми. Костомаровъ признаетъ, що цѣлы села, въ котрыхъ жили посполитіи, отдано старшинамъ козацкимъ яко ранговіи маетки, а въ короткомъ времѣни имѣнія тѣ стали похожи на польскіи староства, хотя долго

еще и посполитѣ уважали себе за рѣвныхъ съ панами козаковъ. Съ начала посполитыи — которые давнѣйше были козаками — утѣкали передъ самоволею своихъ новыхъ панѣвъ на Сѣчь, и черезъ то отношеніе Сѣчи до гетманщины стало чѣмъ разѣ непріязнѣйшимъ. Съ ослабленіемъ „Сѣчи“ посполитыи приневолены стати хлѣборобами, а скоро и крепачами. Такимъ то дѣломъ не Поляки, не Москали, но сами козаки завели на Украинѣ тяжкое крепачтво, а собственно наслѣдники или потомки козацкой старшины. Такъ стали вольни козаки гнобителями своихъ давнихъ братьевъ, которые и помогли имъ освободити ся съ подѣ неволи польской;.... бы папаста подѣ неволю таки своихъ родныхъ!!

Но и межи старшиною, межи панами — братьями не были отношенія такъ хороши, якъ въ пѣсняхъ спѣвають. Нашъ славный Костомаровъ признаетъ, що и на Запорожію не было лучше: Запорожская чернь самовольно обирала и скидала свою старшину — а Сѣчь хотѣла владѣти въ цѣлой Украинѣ — и се льстило посполитымъ, которы и цѣлыми толпами шли на Запорожье, бы освободити ся отъ тяжкой долѣ, и сдобыти собѣ свободу. Слѣдовательно не выйшолъ съ того необходимый ладъ, ни громадскій устрой. Урядникъ избранный изъ простыхъ козаковъ (посполитыхъ), почалъ заразы удавати значного, и скоро огорчилъ на себе чернь; его скидували зъ уряду и выбрали другого, а той точнѣсенько якъ первый ставалъ значнымъ. Значнѣй уважали только на свою корысть; одинъ копалъ яму другому, но скоро самъ въ тую впалъ. Такъ завладѣла зависть между знатными (старшиною), а ненависть межи посполитыми и знатыми, котры и вели себе якъ польскіи паны.

Такъ повстала и извѣстна историческая — пословица: „Не дай Боже, зъ Ивана пана!“

Якъ видимъ отношенія внутренни на Укра-

инѣ не были такъ свѣтли, акъ ихъ новѣйшіи по-
эты представляютъ.

Знаю добре, що не одному читателю не сподобається мое оповѣданье, бо не величаю козаковъ, и мнѣ было бы пріятнѣйше ихъ хвалити, но историкѣ приказано говорити и писати правду. Правда, що за жятя Хмельницкого удержался еще якій такій ладъ, бо славного Богдана любили и почитали всѣ, такъ якъ онъ собѣ на полную признательность и заслужилъ. Но по его смерти змінилось все, не было между козаками никого, кто бы былъ способнымъ въ его слѣды вступить. Козаки на конецъ требовали въ Переяславлѣ, бы не московскіи чиновники; но они сами брали у посполитыхъ дань, такъ якъ сами себе отъ дани освободили. Однакъ добрая половина дани ишла въ долгій карманъ полковниковъ, такъ що самъ народъ волѣлъ царскихъ чиновниковъ, которые меньше кривдили робучій народъ — тоже жерело несогласія.

2. Украина до смерти Хмельницкого.

По заключенію договора переяславского от-
правилъ Хмельницкій своихъ пословъ въ Москву,
которые были приняты съ большимъ почетомъ.
Вообще принимали козаковъ въ Москвѣ любезно,
такъ якъ новыхъ подданныхъ, а то пришедшихъ
добровольно подъ владѣніе царя, хотѣли розпо-
ложить къ себѣ, съ всякою вѣжливостію. Царская
грамота однакъ не вызвала одушевленіе, хотя
признати належитъ, що бѣльше помогло успѣхамъ
царя высказанное и въ грамотѣ царской чувство
единства вѣры и сознаніе русской еди-
нородности, но интересъ козацкой старшины
требовалъ чего-то другого.

Въ слѣдъ за тѣмъ объявлено формально
Польшѣ войну, на которую поляки и горячково
приготовляли ся. Съ весною 1654. года распоча-
лася война современно въ Малой и Бѣлой Руси.
Въ Малую Русь выслали Поляки необычайно
численное войско, такъ якъ имъ росходило ся о
то, бы дерзкихъ бунтовщиковъ козаковъ вримѣр-
но укарати за ихъ измѣну.

Не ожидая пришествія козацко-московскихъ
войскъ, вступило войско польске великою силою
на Подолье и почало производить убѣйственную
рѣзню. Городъ Немировъ былъ истребленъ до
основанья. 3000 жителей скрылося въ бѣльшомъ

погребѣ (пивниця); поляки стали выкуривати ихъ оттуда дымомъ и обѣщывали пощады, если только выдадутъ старшихъ. Никого не выдали, и всѣ удусили ся въ дыму. Съ подѣ Нимиrowa поляки розойшлися розличными дорогами и отрядами, где тѣлько встрѣчали мѣстечко или село, убивали тамъ безпощадно и старого и малого, а дома ихъ сожигали. Но и русскіи защищали ся косами, или друками — бо другого оружія у нихъ не было, всѣ волѣли умерти чѣмъ поддатися полякамъ.

На першій день свѣтлого Воскресенія поляки вырѣзали въ Мушировцѣ 5.000 русскаго народа; никто не слухалъ обѣщаній и всѣ погибали защищаючи ся до послѣдней капли крови. Наконецъ прійшли козаки и отбили поляковъ отъ укрѣпленныхъ городовъ, Брацлавля и Гуманя и выперли ихъ изъ украинской области.

На Бѣлой Руси война была счастлившею для русскихъ, бо тамъ напали Поляки меньшою силою. Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ добровольно отворили Русскимъ ворота; Смоленскъ держался долше; но и онъ, — якъ только Радзивиль, ишовшій Смоленску на помочь былъ 12. августа розбитый на голову княземъ Трубецкимъ и козацкимъ полковникомъ Золотаренкомъ, уже скоро поддался царю. Воевода Филиппъ Обуховичъ сдалъ Русскимъ городъ. Въ слѣдъ за тѣмъ самъ царь вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ тѣмъ костелы замѣнити на православныя церкви, которые поляки подѣляли изъ церквей.

Скоро одержали Поляки большую помочь отъ новаго хана Махмедъ-Герей, завязаного ворага Москвы. Соединенными силами напали они снова на Подолье и начали безпощадную рѣзню: Мѣстечко Буша первое пало жертвою ихъ мести; 12.000 жителей обоого пола поплатили своею жизнью дань за свою ненависть къ Полякамъ. Якъ велика была та ненависть свѣдчатъ слѣдующи событія въ томъ нападѣ. Хотя польскіи воена-

начальники Черведкій и Ляндкоронскій хотѣли усмирить ожесточеніе русскихъ представленіями и обѣщаніями, но русскіи имъ не вѣрили и саміи зажигали свои дома, убивали другъ друга, бы живыми не попасть въ руки враговъ, Женщины кидали въ керницы свои дѣти, а за ними сами топили ся въ нихъ; волѣли бо умерти, чѣмъ поддати ся ненавистному врагу. Жена убитого сотника Завистного сѣла на бочку поро-ху сказавши: „не хочу послѣ милого мужа бы-ти игрушкою польскихъ жовнѣрей...“ и вилетѣла въ воздухъ. Седмдесятъ невѣстъ укрілося въ пещерѣ близко Буши съ оружіемъ въ рукахъ. Польскій полковникъ Целярій обѣщаль ихъ ща-дити, если выйдутъ изъ пещеры, но геройскіи невѣсты отвѣчали выстрѣлами. Тогда польскій полковникъ приказаль отвести воду изъ потока въ пещеру; и всѣ потонули, ни одна не поддала ся!... И въ мѣстечку Дешовцѣ происходила ужасная рѣзня, тамъ 14.000 русскаго народа по-гибло. Тѣ печальни событія саміи вѣрно предста-вляютъ намъ отношенія межи поляками и рус-скими. Самъ коронный гетманъ писалъ къ коро-лю: „инными средствами не дасть ся усмирить не укротимая хлопская злоба, котрая до сихъ поръ только возрастаетъ...“ Но о причинѣ той злобы гетманъ польскій не упоминаетъ! — Такъ вмагала ся вражда между двома братными на-родами, що даже старшина козацка голосно (смо-три письмо Хмельникого къ царю) — заявляла, що волить подѣ бисурманомъ умерати, чѣмъ подѣ польскимъ владѣніемъ жити. А познѣйшій гетманъ Дорошенко, коли отношенія козаковъ до Москвы охолоднѣли, стараль ся рѣшительно перей-ти подѣ владѣніе турецкое. Козаки могли Рѣчи посполитой удѣлѣти помочъ и поднести ей поли-тическую силу, но злосчастная шляхоцко-іезуиц-кая политика довела до тотакоего ожесточенія, до якого ни русскій ни польскій народъ съ приро-ды не былъ склонный.

На конецъ явился на Подолу Хмельницкій съ славнымъ героемъ, козацкимъ полковникомъ Богуномъ, и соединилъ свое войско съ войскомъ московскихъ бояровъ Бутурлина и Шереметева. И хотя войско польское было о много численнѣйше, русскіи вожди успѣли освободити область, въ котрой находили ся, отъ дальшихъ разореній. Поляки съ татарами удалилися, но не переставали свирѣпствовать тамъ, де не было русскихъ войскъ.

Въ томъ самомъ времени (1655. г.) русское оружіе оказалось о много счастлившимъ на Бѣлой Руси и на Литвѣ. Русскіи взяли бѣльшія мѣста, якъ Минскъ, Ковно а наконецъ и древнюю столицу Ягайлонѣвъ Вильну, гдѣ царь приказалъ именовать себе великимъ княземъ литовскимъ. Мѣста, въ котрыхъ жили православнѣи рады поддавали ся русскому царю, а еще сердечнѣйше принимали православнѣи селяне русскихъ яко своихъ освободителей. Не уважаючи на торжественный настрой населенія, на его радостное расположеніе, и тутъ появились мрачныя тѣни: Никоторыи московскіи вожди допускалися насилій и довели до того, що могилевскіи православнѣи мѣщане которыи недавно рады принимали московскихъ освободителей, ночью напали нечаянно на некоторыхъ вождѣвъ, звязали ихъ и скоро увезли въ Варшаву передъ польскаго короля, которому и заявили, що владѣніе польске быпо имъ милѣйшимъ. И нашіи козаки, которы помагали москалямъ, не умѣли своимъ поведеніемъ пріобрѣсти собѣ любовь Бѣлороссовъ. Старшина козака была лакомою на гроши, а до того козаки не возили съ собою потребнаго продовольствія, тѣлько область, въ котрой находилися — чи тамъ жили пріятелѣи, чи непріятелѣи, была приневолена имъ доставити потребне поживіѣніе. Такимъ дѣломъ бѣдная Бѣлая Русь была буквально ограблена своими освободителями и мусѣла терпѣти тяжкій голодъ.

Правда, що такий способъ воеванья былъ и въ западной Европѣ, где и была пословица: „война сама себе кормить“; часто практикованный. Все таки козаки чрезъ то не здобыли собѣ любви у своихъ единокоронныхъ!

Скоро показалось, що Поляки перестали быти небеспечными, бо они попали въ несчастье, изъ котораго не такъ легко могли освободитися. Родина владѣюча тогды въ Польшѣ происходила изъ Швеціи, были то тѣ сами Вазы — такъ звала ся владѣючи родина; они въ Швеціи были ревными протестантами, а въ Польшѣ ревными католиками. Вражда ихъ дойшла такъ далеко, що польскій король назвалъ себе королемъ шведскимъ, бо тамъ владѣла Кристина, донька славного шведскаго короля Густава Адольфа. Кристинѣ, котра любила искусство (штуку) и науку, сприкрила ся корона и она добровольно уступила корону и престолъ своему родственнику Карлю Х. Теперь еще бѣльше загнували ся польскіи Вазы, бо они были близшими родственниками уступившей королевы чѣмъ молодой Карль Х; и не уважали на то, що шведскій соймъ отказалъ въ правѣ наслѣдія польскимъ Вазамъ яко католикамъ. Карль Х. рѣшилъ съ оружіемъ въ рукахъ, попертый цѣлымъ шведскимъ народомъ, распочати войну съ польскими Вазами за то, що они, именно Янъ Казиміръ, называлъ себе королемъ шведскимъ.

Хмельницкій, яко ловкій политикъ завязалъ уже давнѣйше (1652 г.) пріязни сношенія съ Шведами; а понеже и въ Польшѣ были пріятелями Швеціи, именно подканцлеръ Радзівевскій, соединился даже тайно съ Хмельницкимъ и выжидалъ тѣлько пришествія войскъ шведскихъ, бы съ ними открыто начати войну противъ Польши. Кристина не желала войны; но Карль Х; якъ только вступилъ на престолъ, уважалъ за долгъ чести наказати того, кто оспаривалъ ему право, носити корону шведску.

Такъ распочалася съ лѣтомъ 1655. г. вѣйна шведская, которая для Польщи оказалось печальною. Король Х. объявилъ Польщѣ вѣйну и вступилъ въ Польшу; Познань и Варшава сдалися безъ боя, а и Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ поддался уже 7. октября. Король Янъ Казиміръ утѣкъ въ Силезію, надѣючися только на помощь Чарнецкого и цѣсаря нѣмецкого Фердинанда III, который называлъ себе защитникомъ католицизма. Хмельницкій, стоявшій въ сношеніяхъ съ королемъ шведскимъ, а то ему даже на основанію переяславского договора было дозволено, находился съ бояриномъ Батурлиномъ на Червонной Руси, де вѣйна съ Поляками, тисненными отъ сѣвера Шведами, не была уже небеспечна. Войско польске, розбите подъ Городкомъ, розбѣглося на всѣ вѣтры; а Хмельницкій съ Батурлиномъ посунулися подъ Львовъ, бы столицу Червонной Руси заняти. Ополячени мѣщане львовскіи не хотѣли поддаться, не хотѣли нарушати вѣрность королю Яну Казиміру, що дуже взволновало московскихъ бояръ, которые и домагалися, бы Львовъ брати приступомъ; на що снова Хмельницкій подъ нѣкимъ условіемъ не хотѣлъ пристати. То вызвало и первое непорозумѣніе межи Хмельницкимъ а Москалями. Кто въ томъ первомъ спорѣ былъ виновникомъ, годѣ рѣшити, такъ якъ намъ неизвѣстни мысли и тайни намѣренія Хмельницкого. Все таки тѣмъ началось недовѣріе къ Хмельницкому, а то тѣмъ бѣльше, що явился тамъ уже 29 октября передъ Хмельницкимъ пославецъ короля Яна Казиміра, Станиславъ Любовницкій, давній законный нашего гетмана.

Пригадую, що на основанію переяславского договора не свободно было Хмельницкому сноситься ни съ Поляками, ни съ Татарами; для того то и московскіи бояре начали подозрѣвати Хмельницкого, що онъ нарушилъ договоръ пе-

реяславскій, хотя оказалось, що Хмельницкій остался вѣрнымъ своей присязѣ.

Любовницкій привезъ отъ своего короля письмо, полне необычайной любезности, самыхъ лестныхъ, а даже униженныхъ комплементовъ (*maḡry Polak po szkodzie*), хотя у Любовницкого было въ карманѣ другое письмо, необычайно любезное для татарского хана, а враждебное для нашего гетмана. Вотъ вамъ высокая политика, хотя и понятно, що Поляки, знаячи правый характеръ Хмельницкого не припускали, що онъ нарушитъ присягу царю.

Весѣда Любовницкого дуже интересна, для того передаю ю вѣрно и согласно съ оповѣданьемъ нашего Костомарова: „Любезный куме, сказалъ ему Хмельницкій — пригадайте собѣ, що вы намъ обѣщали, а що мы отъ васъ одержали!? Вы обѣщывали все, согласно наудѣ іезуитовъ, котрі говорятъ, что не належитъ держати слона шизматикамъ. Вы называли насъ хлопами били нагайками, отнимали наше имѣніе; а коли мы, не могучи терпѣти всякихъ насилій, утѣкали и покидали нашихъ женъ и дѣтей, вы насильовали женъ нашихъ и сожигали нашии бѣдныи хаты, а то часто съ нашими дѣтьми. Вы сажали насъ на колы, кидали въ мѣшкахъ въ воду, вы показовали ненависть къ русскимъ и презрѣніе къ ихъ безсилію; но що всего оскорбительнѣйше: вы ругали надъ нашою вѣрою, мучили нашихъ священниковъ. Стѣлько перетерпѣвши отъ васъ, стѣлько разъ бывши вами обмануті, мы принужденіи были искати, а то для облекшенія нашей недолѣ, такого средства, какое намъ подѣ ніякимъ условіемъ оставити не належало. Пѣздно искати нашей помочи! Пѣздно думати о примиренію козакѣвъ съ полякамн!“

Такіи обвиненія не былъ въ силѣ королевскій посланецъ оправдати; онъ призналъ ихъ вполне правдивыми, но прибавилъ, що виновни-

ками тыхъ безчинствъ не былъ король, но польскіи паны; для того то и король рѣшенъ въ будущемъ не уважати тыхъ, которые походятъ отъ славныхъ и богатыхъ предкѣвъ, но тыхъ, которы окажутъ помочь королю и отечеству.

Природно, що заявленіе Любовницкого не направило Хмельницкого, который добре зналъ и не разъ самъ досвѣдчилъ, що въ Польшѣ не король, но королики, т. е. польскіи паны держали власть въ своихъ рукахъ. Слѣдовательно не могло переконати нашего гетмана и дальшее заявленіе посланника, который сказалъ: „Забудьте все минувше и помогѣтъ помазанику божому. Вы будете не козаками, а пріятелями короля. Вамъ дадутъ достоинства, коронный имѣнія; король уже не позволитъ нарушати спокойствіе тымъ собакамъ, который теперь разбѣглися и покинули своего господина“...

Хмельницкій, порадившись коротко съ своими козаками, оповѣлъ Любовницкому извѣстную намъ казку о селянинѣ и ужу, принесшему селянину счастье... и закончилъ: „Было время, коли мы разомъ тѣшились нашимъ счастьемъ, радовались разомъ нашими успѣхами. Козаки отклоняли отъ польского королевства всякіи опасности, грозящій ему и сами принимали удары отъ варваровъ. Тогда никто не бралъ добычи и дани съ польского королевства! Польскіи войска разомъ съ козацкими, всюды торжествовали. Но Поляки, называвшіи себе дѣтьми королевства, начали нарушати свободу русскихъ, а русскіи, коли имъ сдѣлалось больно начали якъ тотъ ужъ, кусатися. Случилось, що и русскихъ бѣольшую часть отсѣчено и сыновъ королевства ве мало пропало. Съ тыхъ поръ, якъ обомъ народамъ пригадаются бѣдствія, нанесены другъ другу, возникаетъ досада — и начатого примиренія не доведетъ до конца! Наймудрейшій не въ состоянію довести до твердого и вѣчного мира, якъ только въ слѣдующій способъ:

„Най королевство откажется отъ всего, що принадлежало княжествамъ земли русской, най уступить козакамъ всю Русь до Владимира; Львовъ Ярославль, Перемышль, а мы сидячи собѣ на своей Руси, будемъ отпирати всякихъ вороговъ отъ королевства польского. Но я знаю: если бы въ цѣломъ королевствѣ осталось ся тѣлько сто панѣвъ, и тогда бы они не согласилися на то. А козаки, поки стануть владѣти оружіемъ, такожь не отступлять отъ тыхъ условій. Для того и прощайте!“ —

Не конецъ на томъ: Любовницкій передалъ еще Хмельницкому драгоценный подарокъ для его жены и любезное письмо отъ королевы — Маріи-Люнзы. „Боже Всемогуцій, — воскликнулъ Хмельницкій, — що я значу передъ лицомъ Твоимъ, но вотъ якъ возвысила мене милость Твоя, що къ моей Ганнѣ найяснѣйшая королева польская пишетъ письмо и просить у ней заступничества передъ мною!“ Однакъ, свернувшись къ Любовницкому, сказалъ: „Не могу исполнити желанія ея величества; не могу нарушити тѣснаго договора съ русскими и съ шведами“.

Гостина Любовницкого у нашего гетмана кидаетъ безсомнѣнно ясное свѣтло на тогдашнїя отношенія, заразомъ свѣдѣтельствуеть о хорошемъ характерѣ нашего славного гетмана. Съ вѣроломными поляками, онъ не разъ хитрилъ, но съ русскимъ царемъ былъ онъ откровенный и сдержалъ свою присягу до самой смерти, хотя дожилъ — якъ заразъ узнаемъ — больного искушенія и розчарованья.

Съ подѣ Львова, взявши только 60.000 выкупа, скоро отступилъ подѣ предлогомъ, що татары разоряють Украину; хотя вѣроятно расположило его до того тайное посольство шведского

короля, который и обѣщалъ ему всѣ русскіи земли, якъ только утвердится въ Польшѣ. Можетъ легко быть, що гетманъ думалъ: по що тратити людей и время, коли столица Червоной Руси до-станется ему, и то безъ помочи московского боярина.

Московскіи войска разомъ съ козаками взяли и Люблинъ; но замѣчательно, що жители Люблина въ протягу одного года присягли вѣрность русскимъ послѣ шведамъ, а на конецъ и Яну Казимиру, давнѣйшему своему королю.

Годъ 1656. былъ для Польши рѣвно несчастливый; шведы бо, котрымъ помагали даже никотрѣ поляки съ Радзѣвскимъ, наносили имъ тяжкіи удары, що и склонило короля, еще разъ пробовати примиренія съ Хмельницкимъ; и въ той цѣли пріѣхалъ къ нему панъ знатный Лянцкоронскій. Отвѣтъ Хмельницкого на просьбы польского посланника былъ рѣшительный, а для поляковъ довольно больный: „П е р е с т а н ь т е п а н о в е , о б м а н ы в а т ы н а с ь и у в а ж а т и н а с ь г л у п ц я м и ; п о л я к а м ь з а и х ь в с е г д а ш н е в ѣ р о л о м с т в о н и к к т о в ь с в ѣ т ѣ н е в ѣ р и т ь ! Б ы л о в р е м я , щ о м ы с о г л а ш а л и с я н а м и р ь , б ы д о г о д и т и к о р о л ю , н о и к о р о л ь т а и л ь в ь д у ш ь п р о т и в н о е т о м у , щ о п о к а з о в а л ь н а я в ѣ . М ы с ь п о л я к а м ы н е п о й д е м ь н а н і я к іи д о г о в о р ы , д о к и о н и н е о т к а ж у т ь с я о т ь ц ѣ л о й Р у с и . П у с т ь п о л я к и о б ѣ я в л я т ь н а с ь с в о б о д н ы м и т а к ь , я к ъ и ш п а н с к ій к о р о л ь п р и з н а л ь с в о б о д н ы м и г о л я н д ц е в ь ; а т о г д ы м ы б у д е м ь с ь в а м и ж и т и я к ъ д р у г іи и с о с ѣ д ы , а н е я к ъ п о д д а н ы и р а б ы в а ш іи ; т о г д ы п о д п и ш е м ь в ѣ ч н ы й д о г о в о р ь . Н о т о г о н а в ѣ р н о н е б у д е т ь , п о к и в ь П о л ь щ ѣ в л а д ь ю т ь п а н ы ; д л я т о г о н е б у д е т ь с о г л а с ія и м и р а м е ж и р у с с к и м и и п о л я к а м и ! “ —

Однакъ ловкіи поляки умѣли пріобрѣсти со-бѣ миръ, а даже союзъ; но не въ Чигиринѣ сто-лицѣ гетмана, но въ самой Москвѣ, столицѣ

православного царя. Самѣ поляки не нашли бы вѣры и симпатіи въ русской столицѣ, однакъ они нашли собѣ сильную протекцію, котра окончательно и осягнула цѣль.

Явился въ Москвѣ посланникъ отъ самого первого государя свѣта, отъ римско-нѣмецкого императора Фердинанда III. Посланникъ Алегретти, по имени италіянецъ, но по природѣ горячій славянинъ, ловкій и хитрый политикъ, умѣлъ дѣло свое повести необычайно успѣшно, и ему одолжена Польша свое спасеніе изъ бездонной пропасти, въ которой находилася. Хитрый Алегретти сносился любезно въ Москвѣ съ всѣми, кто только могъ повліяти на ходъ дальнейшей политики.

До того зналъ онъ хорошо славянскіи языки и говорилъ хорошо по русски. Передъ боярами былъ онъ сердечнымъ братомъ славяниномъ и умѣлъ ихъ переубѣдить, что интересъ и задача Россіи и славянства требуютъ соединенія славянъ противъ общей опасности германизма, головного и непримиримого врага славянъ. Сносился онъ тоже съ тогдашнимъ московскимъ патріархомъ Никономъ, бо зналъ добре, что его мнѣніе всегда высоко цѣнилъ государь, яко глубоко вѣрующій сынъ православной церкви. Передъ патріархомъ былъ хитрый Алегретти ревнымъ христіаниномъ и успѣлъ съ легкостію переубѣдить легкокрѣпного патріарха, что интересъ русскихъ и православныхъ требуетъ соединенія христіанъ противъ общихъ его враговъ, поганъ татаръ и туркѣвъ, которыхъ по усмиренію гордыхъ шведовъ съ легкостію уничтожать. А передъ самымъ царемъ ударилъ онъ въ другую струну: обѣщалъ добродушному монарху корону польскую, которую ему и предложать по смерти или уступленію Яна Казимира польскіи паны. Интересъ Россіи требуетъ, бы согласно съ нѣмецкимъ императоромъ выступила противъ ненавистныхъ шведовъ, которые недавно (въ 30 лѣтней войнѣ)

нанесли много вреда нѣмецко-римской имперіи и огорчили христіанскую Россію, бо ю вытиснули отъ моря балтицкаго, заняли хорошіи приморскіи области, а между тѣми и богатую область великаго Новгорода, той колибели и сердца русскаго государства! Легко понятіи, що честный и вѣрующій государь, котрому льстила смиренна просьба императора и польская корона, не меньше и интересъ Руси и Славянства, рѣшилъ начати переговоры съ польскими панами. Яко польскій король мѡгъ справедливо царь и надѣяться, що отношенія Руси къ Польшѣ окончательно приведетъ въ ладъ, и що послѣдуетъ наконецъ широе сближеніе двохъ славянскихъ братныхъ народѡвъ. А если бы дѣйствительно поляки были бѡльше славянами, и не были орудіями скверной политики римской и западной, не говорю уже іезуитской, то рожевіи надѣи царя выйшли бы и на ихъ корысть; не послѣдовалъ бы навѣрно подѣлъ Польши, а славянство безсомнѣнно владѣло бы сегодня не только въ Европѣ. На жаль Польша николи не вела своей національной политики, она была католической, а не славянской, бо была подъ вліяніемъ запада, Рима и римско-нѣмецкаго цѣсарства...

Такъ отнесло ходатайство нѣмецкаго посланника, хитраго италіано-славянина Алегреттого полный успѣхъ и принесло явный вредъ и Руси и Славянству, хотя минутно спасло Польшу отъ неминуемой гибели.

Еще 1656 г. съѣхались отпущники царскіи и польскіи паны въ цѣли заключенія договора въ Вильнѣ. Польскіи паны обѣщали еще разъ торжественно, що непременно выберутъ царя Алексѣя Михайловича на польскій престолъ, котрый за то обѣщаль Рѣчи посполитой въ войнѣ шведской помагати. За поздно узналъ Хмельницкій о царскомъ намѣреніи; а его посланники,

выслани въ Вильну, бы недопустити до того, для Руси явно вредного договора, вернули по срамленіи и огорчени домо́въ. Царскіи посланники, которыи и такъ начали недовѣрѣти Хмельницкому за то, що онъ не допустилъ до занятія Львова и вопреки яснымъ постановленіямъ перееяславского договора сносилъсь тайно съ поляками, не допустили козацкое посольство до участія въ въ виленскихъ переговорахъ, заявляючи имъ рѣшительно, що Хмельницкій и козаки подданіи, слѣдовательно и не могутъ мати тамъ голоса, де рѣшають послы государей. Козацкіи посланники, огорчени на москалѣвъ, що ихъ не впущено въ шатро, въ котромъ переговорювали польскіи паны съ московскими боярами, вернувшись на Украину говорили въ присутствію цѣлой старшины гетману: „царскій послы насъ въ посольскій шатерь не пустили; мало того: до шатра издалека не пускали, такъ якъ псо́въ въ церковь Божию. А ляхи намъ по совѣсти (?) говорили, що у нихъ учиненъ миръ на томъ, що-бы вся Украина снова перейшла подъ власть поляковъ. А если все войско запсержское, со всею Украиною, не будетъ у ляховъ въ послушанію, то царское величество будетъ помагати ляхамъ бити козако́въ“. Хотя то была явная интрига и клевета, не знати однакъ, чи выдуманна козаками чи таки пущена хитрыми поляками въ ходъ; все таки цѣлкомъ природно, що такая вѣсть обурила до живого не только меньше интеллигентныхъ козако́въ, но и самого розважного Хмельницкого, котрый въ надмѣрномъ унесенію сказаль: „Дѣтьки, треба отступити отъ царя, по́йдемъ туда, куда велить Всевышній Владыка! Будемъ по́дъ бисурманскимъ государемъ, не то що по́дъ христіанскимъ!“

Однакъ и Хмельницкій скоро успокоился и выслаль письмо на имя царя, въ котромъ и свой поглядъ на дѣло выявилъ. Намъ унесеніе и боль

Хмельницкого вполне понятни; онъ бо глубоко чувствовалъ, що его поступованье было лояльне, и що онъ далеко лучше позналъ и досвѣдчилъ политику польскихъ пановъ, чѣмъ добродушный царь.

Понятно, що Хмельницкій и для другихъ причинъ былъ обуреный на поведеніе московскихъ бояръ, и то на основанію переяславского договора, котрый признавалъ козакамъ широкую автономію и далеко идущіи права. Хмельницкому могло, и то справедливо, здаватися, що ему принадлежитъ голосъ и въ внѣшной политикѣ русскаго царства. Договоръ переяславскій позволялъ козакамъ входить въ сношенія, а тѣмъ самымъ и заключати договоры и ихъ исполняти, а было бы то не возможнымъ, если ему отказано въ правѣ мѣшати въ дѣла внѣшной политики. Правда тутъ расходилося о поляковъ, съ которыми сноситься козакамъ не было дозволено; но тутъ расходилося и о шведовъ, съ которыми свободно было козакамъ сноситься и входить въ переговоры. Власне для того было Хмельницкому больно, що онъ заключилъ уже былъ прежде съ шведами договоръ и обѣщаль имъ даже значительную помощь въ войнѣ съ поляками. Такъ вышло великое и явное непорозумѣнье межи Хмельникомъ а Москвою, которое было тѣмъ печальнѣйше, що Хмельницкій былъ сильно увѣренъ, що только его политика, а то союзъ съ шведами противъ Рѣчи посполитой польской, принесетъ цѣлой Руси необычайнй корысти. Можно было тогда и предсказать, що Польша, котрую сами шведы майже розбили, а даже уничтожили, перестанетъ существовати, если шведамъ помогутъ въ дальней войнѣ русскіи. Такіи то печальнй непорозумѣнья выросли межи однородными и щирыми союзниками, а больно было Хмельницкому не только для того, що онъ шведамъ данное слово не додержитъ, и що плянъ его, погубный для Польши а спасительный для Руси, русскій царь

не позволѣть исполнити. Виновникомъ прикрыхъ обстоятельствъ не была въ дѣйствительности ни Москва, котрой здавалося, що по ей сторонѣ право, — ни и Хмельницкій, кстрому тоже по переяславскомъ договорѣ моглося здавати, що право по его сторонѣ. Виновникомъ въ дѣйствительности былъ самъ договоръ, а властиво обстоятельство, що онъ былъ не ясный и не полный; слѣдовательно и допускающій непорозумѣнія, хотя въ такомъ положенію дѣла належало уступить тому, кто былъ обовязанъ слухати а не повелѣвати. Такъ и сталося, хотя Хмельницкій и козаки не могли и не хотѣли съ тѣмъ легко примиритися.

Будучности никто не знаетъ, но тогды уже можъ было предсказати, що Польша была бы навѣрно потеряла свою независимость, если бы Москва была услухала Хмельницкого; хотя изъ становища обще славянскаго, а не исключительно русскаго, политика московская была спасительнѣйша, она была бы довела до согласія славянъ а тѣмъ самымъ до ихъ скрѣпленья, если бы Польша была додержала торжественно данное въ Вильнѣ слово! Все таки тяжкое наказанье (кара) постигло Рѣчь посполиту за вѣроломство, а легковѣрность царя не осталась тоже безъ наказанія, такъ якъ былъ жестоко обманутымъ. За тое козакамъ, а собственно Хмельницкому признано полную признательность и удовлетвореніе; оказалось бо, що его предсказанія вполнѣ сполнились, для того и исторія ставитъ его высоко надъ московскими политиками.

Въ письмѣ Хмельницкого къ царю, о котрѣмъ выше сказано, было заявлено: „Ляхи того договора (виленскаго) николи не сдержатъ; они его заключили только для того, щобы не много отдохнути и договоритися съ султаномъ турецкимъ, татарами и другими, и снова воевати противъ царскаго величества. Если они въ самомъ дѣлѣ искренно выбирали ваше царское величест-

во на престолъ, то зачѣмъ они посылали пословъ къ цезарю римскому просити на престолъ его рѣдного брата? Мы ляхамъ вѣрити ни въ чемъ не можемъ. Мы подлинно знаемъ, що они добра нашему русскому народу не хотятъ. Великій государь, единый православный царь въ подсолнечной! вторично молимъ тебе: не довѣряй ляхамъ, не отдавай православного русского народа на поруганіе!“ —

Но Москва была глуха на тѣ совѣты. Хмельницкій ясно видѣлъ, що опускается удобный случай освободити русскіи земли отъ польской власти, а до того и другіи сосѣды дѣлали ему на перекѣръ. Нѣмецкій цѣсарь съ угрозами требовалъ отъ Хмельницкаго мира съ Польщою. Турецкій султанъ и крымскій ханъ были въ союзѣ съ Польщою, имъ не Москва, но Хмельницкій былъ страшный, бо онъ явно стремился до объединенія и усиленія русской державы. Не дивно що Хмельницкій впалъ въ тоску, въ отчаяніе — а слѣдствіемъ того въ тяжкую болѣзнь. Онъ предвидѣлъ въ будущемъ давнѣйшее порабощеніе Украины поляками и прибѣгалъ къ послѣднимъ мѣрамъ, бы до того не допустить.

Въ началѣ 1657 года заключилъ Хмельницкій тайный договоръ съ шведами (Карломъ X,) и съ воеводою седмиградскимъ Ракоцимъ. На основанію того договора, котораго цѣлію былъ подѣлъ Польщи, признано Королю шведскому Великую Польщу, Ливонію и Гданскъ съ приморскими областями, а седмоградскому воеводѣ назначено Малую Польщу, Великое княжество Литовское, княжество Мазовецкое и часть Червоной Руси; а Украина съ остальными русскими землями признана была на всегда независимою и отдѣленною отъ Польщи.

Вслѣдъ за тѣмъ и выслалъ гетманъ 12.000 козаковъ подъ начальствомъ кievского полковника Ждановича на помощь Ракоцію. — Однакъ

польскій король довѣдалъ ся скоро о тайномъ договорѣ и далъ знати о томъ царю. На такую немилую вѣсть выслалъ царь своихъ посланниковъ къ Хмельницкому, бы потягнути его до отвѣчательности.

По заключенію договора Хмельницкій, чувствуячи, що его здоровье съ каждымъ днемъ слабѣетъ, созвалъ козацкую раду и предложилъ козакамъ, бы выбрали собѣ нового гетмана. Козаки, изъ любви къ своему гетману, оказали ему и дѣлами свое къ нему привязанье и избрали гетманомъ его шестнадцатилѣтнего сына Юрія. Хмельницкій съ начала отговаривалъ ихъ, но послѣ согласилъ ся, радуячися явною любовію козаковъ. Власне то было самою большою ошибкою Хмельницкого, що согласился, и то въ такъ неопытное, а даже опасное время, на выборъ неопытного хлопца, котрый мѡгъ бути тольکو и грушкою въ рукахъ честилюбивыхъ опѣкунѡвъ.

Съ началомъ мѣсяца Юля 1657 г. пріѣхали царскіи посланники, окольничій Теодоръ Бутурлинъ и дѣякъ Василій Михайловъ въ Чигиринъ съ выговоромъ, но застали гетмана такъ больнымъ, що ледво мѡгъ встати съ постели. Послы прямо заявили ему, що онъ забылъ страхъ Божій и присягу, коли на перекѡръ царю связался съ шведами и Ракоцимъ.

На тотъ упрекъ явный отвѣтилъ Хмельницкій: „У насъ давна дружба съ шведами, и я ей николи не нарушу. Шведы — люде правдиві: держать свое слово; а царское величество помирился съ поляками, хотѣлъ насъ отдати имъ въ руки; и теперъ насъ слухъ доходитъ, що онъ послалъ свое войско на помочъ полякамъ, противъ насъ, шведского короля и Ракоція. Мы еще не были въ подданствѣ у царского величества, а ему служили и добра хотѣли. Я девять лѣтъ не допускалъ крымского хана разоряти украинни (гранични) города царски. И нынѣ мы не отстуупаемъ отъ высокой руки его, якъ вѣрній

подданій, и поїдемъ на царскихъ непріятелей бисурманъ, хотя бы мнѣ въ нынѣшней болѣзни дорогою и смерть приключилася — и гробъ (домовину) повезу съ собою! Его царскому величеству во всемъ воля; только мнѣ дивно то, що бояре ему ничего доброго не посовѣтують: Короною польскою не овладѣли, мира не довершили, а съ другимъ государствомъ съ Швеціею войну начали!“

На дальшіи упрёки царскихъ посланниковъ Хмельницкій, взволнованный и видно ослабленный не отвѣчалъ, однакъ слѣдующаго дня велѣлъ призвать ихъ къ собѣ и заявилъ: „Най его царское величество непримѣнно помирится со шведами; належитъ и начатое дѣло съ ляхами привести до конца. Наступимъ на нихъ съ двохъ сторонъ: съ одной стороны войско его царского величества, съ другой — войско шведскаго короля. Будемъ бити ляховъ, чтобы ихъ до конца искоренити и не допустимъ ихъ соединитися съ посторонними государствами противъ насъ. Хотя они и выбрали нашего государя на польское королевство, но то тѣлько на словахъ, а на дѣлѣ того николи не будетъ. Они тое затѣяли по лукавому умыслу для своего успокоенія. Есть свидѣтельства, оказывающіи ихъ лукавство. Я переловилъ ихъ письма къ турецкому цезарю и отослалъ ихъ къ царскому величеству своимъ посланцемъ“.

Въ дальшихъ переговорахъ могли переконасти ся и Хмельницкій и царскіи посланники, що ни договоръ виленскій, ни тайні переговоры Хмельницкаго съ поляками и шведами не нарушали русскаго единства и патріотизма, не приносили вреда ни Москвѣ ни Украинѣ; для того и уступилъ Хмельницкій и приказалъ Ждановичу опустити Ракоція. Правда що послѣдній занявшій уже Краковъ и Варшаву, по причинѣ недостатка потребнаго войсва, вернулъ назадъ

въ свое воеводство; и отказался отъ своихъ замысловъ, черезъ що поляки много выиграли.

До того поляки не перестали дальше вести свою лукавую политику, бы только розбити патріотическій русскій союзъ; но и тая послѣдняя проба не повела ся. Тутъ бо снова Хмельницкій оказалъ ся честнымъ и характернымъ русскимъ патріотомъ, которому его идея единородства и присяга рѣвно были цѣнны и святы и онъ отъ нихъ мимо досвѣдченныхъ прикостей и разочарованій не отступилъ.

Король Янъ Казиміръ снова прислалъ къ Хмельницкому своего тайного посланника, пана Бинѣвского, который хитро отозвался до нашего гетмана слѣдующими словами: „Що вамъ пошкودить гетмане, если увольните ся отъ царской протекціи. Московскій царь николи не будетъ польскимъ королемъ. Соединѣтъ ся съ нами, старыми соотечественниками, якъ рѣвны съ рѣвными, вольны съ вольными.

Однакъ Хмельницкій яко мужъ чести достойный себе далъ польскому интриганту отвѣтъ: „Я одною ногою уже въ могилѣ, сказалъ гетманъ, и на закатѣ дней моихъ не прогнѣвлю Бога нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ я поклялся ему въ вѣрности, сохраняю ю до послѣдней минуты. Если сынъ мой Юрій останеть гетманомъ, никто не помѣшаетъ ему заслужити военными подвигами и преданностію благосклонность его величества, для того такъ мы якъ и вы, избравши его своимъ государемъ, обязаніи ему сохранять постоянную вѣрность!..“

Тотъ рѣшительный отвѣтъ свѣдчитъ безсомнѣнно о честности и чистомъ патріотизмѣ нашего гетмана; жаль только, що за скоро уступилъ и не оставилъ ни достойного себе наслѣдника ни преемника, а тогды бы и исторія наша плыла другимъ, гладшимъ русломъ. И политика русскаго царя и политика Хмельницкого была щиро русская и христіянская, для того то ни была

меньше успѣшною, чѣмъ политика нашихъ враговъ, которымъ лукавая политика римская позволяла нарушати христіанскую науку и моральность; у ней бо все было добре и дозволено, що ведетъ къ цѣли; однакъ и Провидѣніе въ судьбахъ человѣческихъ говорить часто свое вѣское и послѣднее слово!

Повторяю, що ни Хмельницкій, ни благородный царь не были виновниками минутныхъ но большихъ несогласій, а былъ нимъ самъ перяславскій договоръ за дѣла своей неточности и неясности. Повторяю, еще разъ, що за житія Хмельницкого ни Украина ни Москва не нарушила его и не дѣлали на вредъ общаго дѣла. Не прійшло бы навѣрно до несогласій, если бы только былъ при дворѣ царя довѣренный козацкій, а при дворѣ гетмана довѣренный царскій;— и если бы была бѣлая откровенность, а не скрытость и таинственность, бо общій патріотизмъ и всѣобщая идея указовала бы все певнѣйшую дорогу!

Скоро послѣ того, бо съ концемъ юля 1657 г. спочилъ нашъ гетманъ по тяжкихъ трудахъ вѣчнымъ сномъ; а 23. августа тѣло его было перенесено, отвѣтно его завѣщанію въ величавую церковь въ Субботовѣ, которую онъ самъ построилъ; на жаль тѣлныя его останки осквернили чужими, а его память даже своими! 1664 г. виднѣйшій польскій полководецъ Чарнецкій захватилъ Субботово и приказалъ выкинути на поруганіе кости мужа, боровшагося такъ уперто противъ шляхетскаго своеволія, за свободу.

И наши полуграмотныя политики не стыдятся нашего правдиваго героя, жертвовавшего жизнь свою за славу и честь русскаго народа, называти зрадникомъ предателемъ, за то, що онъ въ дѣйствительности причинился до соединенія, а тѣмъ самымъ до величія Руси. Не стыдно то, що и имя нашего первостепеннаго историка Н. Костомарова тѣмъ лжеполитики осквер-

няютъ, приписуючи ему ложную науку, будто Мало и Великороссы суть отдѣльными народами и то историка, который — и то не разъ — съ одушевленіемъ подноситъ единородство всего русскаго міра. А не только Костомаровъ, но и самъ Хмельницкій и его козаки одушевляли ся и величали ся единородствомъ, которое хита недостойнымъ русскаго имени выдается здрадоу.

Я старался, милый читатель представить вѣрно дѣятельность нашего безсмертнаго гетмана; а теперь суди самъ о немъ.

Костомаровъ бо — цѣлкомъ безсторонно — выражается о Хмельницкомъ слѣдующимъ образомъ: „Не смотрячи на важны промахи и ошибки, Хмельницкій принадлежитъ къ самымъ большымъ двигателямъ русской исторіи. Въ многовѣковой борьбѣ Руси съ Полощю, онъ далъ рѣшительный перевѣсъ на сторону Руси и нанесъ аристократическому строю Польши такой ударъ, послѣ котораго тотъ строй не могъ уже держатися въ давней силѣ. Хмельницкій въ половинѣ XVII. вѣка намѣтилъ то освобожденіе русскаго народа отъ панства, которе окончательно совершило ся въ наше время. Его стараніемъ западная и южная Русь были уже дѣйствительною властью съ восточною Русію. Не его вина, що близорукая, невѣжественная политика боярска не поняла его, свела передъ часомъ въ могилу, испортила дѣло, которое плоды его десятилѣтней дѣятельности, и на многіи поколѣнья отсрочила дѣло, которое довершило бы ся и то съ меньшимъ трудомъ, если бы въ Москвѣ понимали смыслъ Хмельницкаго и слухали его совѣтовъ“. — Такъ былъ Хмельницкій правдивымъ апостоломъ единенія Руси, какъ мы то узнали изъ его переговоровъ съ польскими посланниками; а навѣрно были бы и соединеніи всѣ области русскіи, если бы его договоры съ Ракоцимъ и съ шведами были московскіи бояре одобрили.

Все таки исторія, тотъ строгій но справедливый судія, признаетъ явно, що Хмельницкій былъ не только защитникомъ, но и двигателемъ высокой и патріотической идеи — единства русскаго міра. Онъ является въ русской исторіи участникомъ той идеи, за которую мужественно боролся, терпѣлъ и умеръ, — а мужамъ той мѣры исторія все отдавала, отдаетъ и отдавати будетъ принадлежную и даже заслуженную честь!

А римская политика поляковъ не принесла имъ благословенія. Правда по принесенію великихъ жертвъ закончила она страшную шведскую войну оливскимъ договоромъ 1660 г; въ котрѣмъ посредникомъ былъ ей давній польскій данникъ (вазаль), князь прусскій. За тую прислугу заплатила ему Польша добре, бо освободила его отъ всякой зависимости и дани. Миръ оливскій требовалъ многихъ жертвъ, бо Янъ Казиміръ отказалъ ся отъ титула шведскаго короля, отказалъ ся отъ всякихъ правъ до шведской короны и оставилъ пространнѣйшій польскій области надъ берегомъ балтійскаго моря въ рукахъ шведовъ. Но Польша оказала свою благодарность (вдѣчность) Москвѣ за договоръ виленскій, спасшій ю отъ ударовъ Хмельницкаго, тѣмъ, що звязала ся теперь съ Швеціею противъ Россіи, если она окажется опасною и Польшѣ и Швеціи. Однакъ провидѣніе иначе дѣло устроило, бо помогло Россіи отплатити ся подобною благодарностію: Швеція бо заплатила за свою дерзость Россіи дорого, бо на конецъ отдала ей не только занятіи прибалтійскіи области но и хорошую Финландію; а Польша заплатила за свое вѣроломство еще дорожше... бо своею независимостію. А и князь прусскій, собственно его потомокъ Фридрихъ П., оказалъ Польшѣ свою благодарность тѣмъ, що наибѣльше причинился до роздѣленія Польши. На томъ однакъ и не кончилось, бо подъ наставникомъ тыхъ владѣтелей прусскихъ, подъ нынѣшнемъ цѣсаремъ нѣмецкимъ, колибель го-

сударства польского, великое княжество познаньске терпитъ не выносимый гнетъ, который грозитъ полнымъ вынародовленіемъ польскому народу. Есть то затѣмъ благодарность прусско-нѣмецкая. Такъ не оставляетъ провидѣніе добра безъ награды, а зла безъ наказанія! — Такъ ловкая политика римская потерпѣла для того, що не шла дорогою христіанской науки, не опирала ся на моральности.

Згадую о тыхъ замѣчательныхъ играхъ судьбы не для того, бы докоряти полякамъ; такъ якъ они не отвѣчаютъ за ошибки и промахи своихъ предковъ; впрочемъ было бы то и не культурно и безцѣльно; а то тымъ меньше, що нынѣ поляки уже познають, що такого рода политика не только опасна, но и погубна; слѣдовательно надѣяти ся належитъ, що завладѣетъ на конецъ межи славянами перекованье, що не римская, ни шляхоцко-іезуицкая политика, но политика христіанской любви и справедливости, политика любви и взаимности славянской принесетъ прочный и вѣрный успѣхъ.

3. Гетманы: Юрій Хмельницкій и Иванъ Выговскій.

Покойный гетманъ былъ въ послѣднихъ часахъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, онъ бо переконался, що царь въ ничемъ не нарушилъ переяславскаго договора и автономіи козацкой. Царь обсыпывалъ своею милостію и подарками больного гетмана, который словомъ и дѣломъ оказывалъ вѣрность своему государю. Богданово завѣщаніе, внушающее своему сыну вѣрность царю, и послѣдній отвѣтъ, данный нимъ извѣстному польскому посланнику Бинѣвскому, свѣдчатъ довольно о его щирой преданности и царю и русскому дѣлу.

Своего молодого сына Юрія поручилъ умиряющій гетманъ въ опѣку опытнымъ полковникамъ, а передъ всѣми, долготѣльному кошовому писарю и своему пріятелю Ивану Выговскому. Выговскій былъ мужемъ гетмановой доньки Елены. Вообще уходилъ Выговскій за найспособнѣйшаго и найопытнѣйшаго межи козацкой старшиною. Правда, що его не любили прості козаки (чернь козацка) за его гордость; а онъ былъ не только польскимъ шляхтичемъ, но по убѣжденіи и — полякомъ; а жена его яко польская шляхтянка тоже съ горы смотрѣла на козаковъ. Были межи козаками и другіи поляки, которые вписы-

вали ся въ реестръ козацкій, бы свое имѣніе охоронити передъ козацкимъ грабежомъ; но они голосно не признавали ся до поляковъ; впрочемъ они по кровавыхъ нападахъ поляковъ на области козацкіи въ 1655 и 1656 гг., притихли и присмирѣли. А Выговскій самъ былъ на столько мудрый, що публично хвалился своимъ полнымъ согласіемъ съ старымъ гетманомъ. Все таки не приобрѣлъ онъ козацкой симпатіи, бо онъ былъ не только гордымъ, но и не привычно хитрымъ и лукавымъ, для того козаки его не любили, хотя гетманъ ему вполне довѣрялъ и не скрывалъ передъ нимъ своихъ тайныхъ мыслей.

Умирающій гетманъ могъ и надѣяты ся, що Выговскій будетъ вести неопытного и неспособного молодца Юрія такъ, якъ желалъ себѣ покойный.

Однакъ Выговскій не хотѣлъ быти только учителемъ и опѣкуномъ молодого гетмана; онъ — не уважаячи на не любящихъ его козаковъ — хотѣлъ быти правдивымъ гетманомъ. А до того не хотѣлъ онъ ити тою дорогою, которую указывалъ Богданъ, а дорогою, котора принесетъ ему и богатство и достоинства.

Уже выше было сказано, що старшина козацка не была довольна переяславскимъ договоромъ, члены бо ей хотѣли статися такими панами, якъ паны польскіи. Они подѣлили ся великими областями, закладывали свободы, т. е. села съ призванныхъ изъ всѣхъ сторонъ крестьянъ, которымъ радо давали землю, абы ихъ привязати до себе, а наконецъ сдѣлати съ нихъ невольниковъ-крепаковъ. А даже свободныхъ крестьянъ умѣли они сдѣлати своими подданными, бо у нихъ была сила и власть. И меньшіи мѣста перейшли поволи подъ зависимость новыхъ козацкихъ пановъ. Они однакъ добре знали, шо утилизованы ими крестьяне и мѣщане найдутъ защиту у батюшки царя; а можетъ быти, що привыкшій уже до свободы народъ насильно свержеть

наложено на него ярмо. Нови паны до которыхъ радо пристали и поляки, вписанъ въ козацкій реестръ ишли другою дорогою. Было имъ и ясно, що Польша, въ которой такіи порядки, якихъ собѣ они для своей корысти желали, уже давно существовали, радо подасть имъ руку, бы ихъ съ подѣ царской зависимости освободити. Понятно, що они радо порозумѣвали ся съ поляками, хотя и величали съ тѣмъ, що они бажають свободы и незевисимости Украины; хотя они властво бажали свободы лише для себе, а тяжкой неволи для селянъ, мѣщанъ, а даже для козацкой черни. Такъ повстала на Украинѣ партія, называющая себе конфедераціею: т. е. партія требующая полной независимости и свободы для себе; и она готова была войти съ Польщею въ союзъ, бы собѣ взаимно помагати, а на случай потребности и соединяти ся съ Татарами противъ Москвы, котра могла быти ей небеспечна.

Душою той партіи былъ вообще Выговскій, безъ сомнѣнія найспособнѣйшій изъ цѣлой старшины козацкой. Ему на руку ишолъ извѣстный намъ Бинѣвскій, которого прислано, бы козаковъ наставлялъ до Союза съ Польщею, до войны противъ Москвы; и онъ дѣйствительно обѣщалъ козакамъ всякіи блага и помочь, если только соединятся съ Польщею. Важный голосъ приобрѣлъ собѣ тогда межи знатными козаками Юрій Немиричъ, уходившій межи старшиною козацкою за умного. Онъ богатый съ роду написалъ въ молодости сочиненіе, за которое ему грозила великая кара, бо его обвиняли въ невѣрствѣ (аріанствѣ). Онъ мусѣлъ утѣкати за границу, де около десяти лѣтъ перебивалъ. Жилъ онъ долшій часъ въ Голандіи, где ему республиканскіи порядки дуже ся подобали. Коли Хмельницкій поднялъ бунтъ противъ Польши, Немиричъ явилъ ся передъ Хмельницкимъ, сталъ снова православнымъ; и умѣлъ вліяніе свое росширити. И Выговскій часто съ нимъ сходилъ, и вообще Немиричъ,

яко человекъ бывалый въ далекомъ свѣтѣ под-носилъ на козацкихъ радахъ свой голосъ. Коли его республиканскіи мечты не найши одобренія, сталъ онъ явнымъ сторонникомъ шведовъ и на-моялялъ козакѣвъ и Хмельницкого, бы въ союзѣ съ шведами сдѣлали Украину независимымъ го-сударствомъ; и гадка тая якъ уже знаемъ, подо-бала ся и покойному гетмаву, котрый и бажалъ ей осуществленія.

Выговскій началъ свои дѣвольскіи замысли переводити въ дѣло, бо числилъ на помочь ко-зацкой старшины, такъ якъ великая бѣльшѣсть полковниковъ была на его сторонѣ, а только два полковники, а именно Пушкарь и Джеджалыкъ были съ нимъ несогласны. Пушкаря любила ко-зацкая чернь, бо онъ ей радо спріялъ и высту-палъ даже въ защитѣ утигненихъ крестьянъ и мѣщанъ; Выговскій же и его поплечники черни-ли его передъ козаками, обвиняючи его въ томъ, що онъ за помочию москалевъ бажаеъ стати гет-маномъ. Джеджалыкъ же; зъ роду татаринъ, за своего несогласія съ родными присталъ до ко-закѣвъ. Онъ своею смѣлостію, храбростію и при-родною хитростію сталъ даже козацкимъ полков-никомъ; а яко такій былъ безусловно за согла-сіемъ съ Москвою, а рѣшителнымъ противни-комъ союза съ Поляками и Татарами. И его лю-били и почитали козаки, для того и уважалъ его Выговскій за своего врага, которого противни-ками были: крестьяне, мѣщане и цѣлая ко-зацкая чернь; всѣ они были безусловно вѣрни царю и переяславскому договору, а сердечно не-навидѣли Полякѣвъ. Найнебеспечнѣйшимъ про-тивникомъ его были запорожскіи козаки, и они всѣ ишли за своимъ провѣдникомъ, за атаманомъ Барабашемъ, которого тоже Выговскій считалъ своимъ небеспечнымъ врагомъ.

Такъ былъ по сторонѣ Выговского малый толькѣ гуртокъ, однакъ до него належали люде честилюбивѣ, богатѣ, интеллигенты; люди маючи

полную власть и немалое вліяніе на темное населеніе козацкой области. Такъ распочалъ Выговскій хитро и ловко и мѡгъ надѣяти ся на полный успѣхъ.

Въ дорожѣ ему стоялъ законно избранный, но молодой и неспособный гетманъ Юрій Хмельницкій, которого весь народъ щиро любилъ и надѣялся, що онъ съ часомъ и пріучится и поидетъ дорогою, указанною покойнымъ его отцемъ. Самъ Юрій былъ безусловно вѣрный переяславскому договору и царю, вѣрный указаніямъ отца и вдячный царю за удержани милости.

Первою задачею Выговского было слѣдовательно усуненіе изъ гетманства молодого Юрія, котораго онъ, хотябы для пріязни и вдячности для покойного Богдана, долженъ былъ остатися вѣрнымъ и добрымъ опѣкуномъ и учителемъ яко неопытного молодця; но у честливого злоумышленника христіянскіи и человѣческіи добродѣтели не мали ніякой цѣны.

Выговскій почалъ намавляти Юрія, бы онъ во виду всякого рода непріятелей сложилъ гетманскую булаву, такъ якъ и онъ складаеть клейнотъ своего уряда, козацкій каламаръ, бо хочеть по тяжкихъ трудахъ отпочати на старость Юрій скоро и понналъ, що онъ безъ помочи щирого пріятеля (такъ!) самъ не дастъ рады, услухалъ того щирого пріятеля, опѣкуна и учителя Выговского, и заявилъ рѣшительно, что отдасть булаву назадъ козакамъ, такъ якъ признаеть себе не отвѣтнымъ и не способнымъ для такого уряда. Того и хотѣлъ хитрый Выговскій, бо надѣялся, що своею хятростію здобудеть для себе гетманскій клейнодъ; для того и распочалъ потребнй къ тому приготвленія. Число его поплечниковъ было за мале, бы на великой радѣ здобути собѣ бѡльшѡсть голосовъ. Но отъ чого голова, подумалъ хитрецъ и началъ знатныхъ козаковъ и вліятельнѣйшихъ изъ козацкой черни щедро гостити, поити и розличными подарками

для себе унимати. Онъ велъ — бачите — пред-
 выборчу агитацію такъ, якъ мы не разъ въ на-
 шой славной Галиціи замѣчаемъ. А коли ему
 здавало ся, що уже при выборахъ побѣдить,
 созвалъ за его порядою молодой гетманъ козац-
 кую раду таки до Чигирина, где на невеликомъ
 подвѣрью гетманьского двора мала ся собрати.
 Агитація Выговского уже такъ дѣло устроила,
 що его поплечники и посѣпаки явили ся скорше
 и заняли цѣле подвѣрье, такъ що другіи козаки,
 которыи познѣйше прибыли, не нашли мѣстця
 и стояли только за парканомъ гетманьского дво-
 ра, такъ якъ и ворота того подворья были скоро
 затворени. На радѣ сложилъ Юрій гетманьскую
 булаву на столъ и отказался отъ своего достоин-
 ства. Вслѣдъ за нимъ и хитрый Выговскій сло-
 жилъ на столѣ свой писарскій клейнодъ — ка-
 ламарь, такъ якъ хочеть на старость по тяжкихъ
 трудахъ отпочати. Собраніе не надѣяло ся тако-
 го оборота и начало, якъ звычайно на козацкой
 радѣ бывало, и гетмана и писаря — просити, бы
 и дальше въ своемъ урядѣ остали. Коли однакъ
 ни Юрій ни Выговскій не давали ся упросити,
 козацка рада рѣшила бы Юрій остался дальше
 гетманомъ и упросила Выговского, бы такъ якъ
 покойный гетманъ постановилъ, былъ дальше
 опѣкуномъ, учителемъ и заступникомъ молодого
 гетмана. Такъ и кончила ся первая рада; но Вы-
 говскому было еще мало. Онъ затѣмъ не пере-
 ставалъ дальше Юрія намавлияти, бы безусловно
 отказался отъ булавы, бы отправился въ Кіевъ
 на науку, а тогда станетъ достойнымъ наслѣд-
 никомъ своего славного батька. Снова присталъ
 Юрій на совѣтъ щирого пріятели, и снова
 созвано козацкую раду; которая снова не прине-
 сла полного успѣха. Ажъ на третьей радѣ осмѣ-
 лился Юрій не только отказаться отъ булавы, но
 и заявити, що отправляется на науку въ Кіевъ
 и гетмановаги не будетъ. Однакъ любовь и при-
 вязанье козаковъ до родины славного Богдана

было такъ велике и довѣрье къ нему такъ шире, що рада наконецъ рѣшила отдать тымъ часомъ Выговскому булаву, доки Юрій не вернетъ изъ Кіева. Розумѣется, що Выговскій и тымъ былъ не довольный. Булава и каламаръ лежали на столѣ и дальше, никто бо ихъ не хотѣлъ брати, ажъ наконецъ генеральный судія Григорій Лѣсницкій взялъ булаву, держалъ ю у себе цѣлую недѣлю; а коли видѣлъ, що число его пріятелей не великое, отдалъ гетманскую булаву Выговскому, котрый отъ того часу сталъ уважати себе законнымъ гетманомъ. Хотя и Выговскій зналъ, що любовь козаковъ не цѣлкомъ по его сторонѣ, не змѣнилъ своего поступованья, а только ишолъ дальше своею дорогою, дорогою злобы, хитрости и зрады.

Роспочалося на Украинѣ смутное время несогласій, непрерывныхъ волнонй и междуособиць: ненависть межи козацкою старшиною и знатными козаками съ одной, а козацкою чернію, крестьянами и мѣщанами съ другой стороны не знала границъ. Козацкіи паны ненавидѣли Москву, московскихъ воеводъ и чиновниковъ, а козацкая чернь и крестьяне постоянно просили царя о присланье ихъ на Украину, бо только отъ нихъ надѣялися освобожденія отъ самоволи пановъ козаковъ и шляхты. Все то вело къ разоренію, къ кровопролитію, для того то и народъ назвалъ въ своихъ воспоминаніяхъ тотъ періодъ справедливо „руиною“.

Выговскій хотѣлъ тымъ печальнымъ положеніемъ воспользоватися: Онъ выслалъ торжественное посольство до польского короля и до татарского хана и увѣдомилъ ихъ о своемъ выборѣ, хотя онъ добре зналъ, що переяславскій договоръ запрещаетъ козакамъ близшіи сношенія съ королемъ и ханомъ. Онъ даже послалъ посольство на Запорожье, бы своимъ завзятымъ во рогамъ хитро и съ притворною смиренностію заявити, що его правда гетманомъ выбрали, однакъ

онъ такъ долго не прійметъ гетманьской булавы, доки достойное запорожское братство, причинившее ся наибѣяше до освобожденія Украины, не окажетъ на то свое согласіе. А въ тую самую минуту приготавлилъ онъ тому самому братству смертоносный ударъ. А въ Москву не посылалъ ніякого увѣдомленія, хотя до того былъ обязанъ; онъ повиненъ былъ не только увѣдомити царя, но просити о утвержденіе и сложити требуемую присягу на вѣрность. Онъ вѣроятно за высоко цѣнилъ свои силы и былъ занятый важнымъ дѣломъ, бо совершеннымъ уничтоженіемъ своихъ опасныхъ враговъ, а передъ всемъ полковника полтавского и Запорожія. Онъ только переслалъ воеводѣ князю Ромодановскому письмо, въ которомъ заявляетъ, що козаки хотятъ его избрати гетманомъ, но онъ не прійметъ гетманьской булавы, доки не призоветъ на то государь.

Выговскій выправилъ чѣмъ скорше молодого Хмельницкого въ Кіевъ, бы онъ не мѣшалъ дальшимъ его замысламъ. По тому выкопалъ онъ скарбъ Хмельницкого, о котромъ яко долголѣтній пріятель покойного точно зналъ. Миліонный маетокъ гетмана розмѣтовалъ на право и на лѣво, давалъ не тѣлько старшинѣ и знатымъ козакамъ, но и простымъ вліятельнѣйшимъ козакамъ, бы число своихъ поплечниковъ побѣлшити и успѣхъ въ дальшихъ намѣреніяхъ своихъ запевнити. Тотъ самъ Выговскій, котрый прежде не пилъ, началъ за краджени гроши гостити и поити даже козацкую чернь, пилъ съ нею, а иавѣтъ публично удавалъ пьяного. Тогда то козаки, одни на глумъ, а другіи таки на правду кричали: „Выговскій пересталъ бути паномъ, а сталъ справдешнымъ козакомъ!“ Однакъ Выговского никто не любилъ, никто его не поважалъ.. никто ему не вѣрилъ. Коли наконецъ на радѣ признали Выговского правдивымъ гетманомъ, онъ сразу поднесъ голову и началъ нарѣкати на Мо-

скву, що не шануеть козацкихъ вольностей, и не соромився даже захвалювати союзъ съ Шве-иами и Татарами. Скоро однакъ переконался, що великая часть козайкой старшины, якъ Лѣсницкій, Пушкаръ, Джеджалыкъ, Дорошенко и пр. рѣшительно стоятъ при переяславскомъ договорѣ и хотятъ вѣрно служить царю, Выговскій сталъ якъ разъ другимъ. Онъ упрекалъ тыхъ полковниковъ которыя нарѣкають на Москву и заявилъ, що козакамъ только въ союзѣ съ Москвою спасеніе. Онъ даже смѣлъ публично заявити, що онъ все вѣрно стоялъ за союзомъ съ Москвою, а даже покойного гетмана все отводилъ отъ союза съ Польщею и съ Шведами.

Тотъ самъ Выговскій стоялъ все подъ вліяніемъ Бинѣвского, хотя козаки того польского интриганта не терпѣли, а даже убити хотѣли. Бинѣвскій жилъ постоянно въ дворѣ Выговского, а коли его вліяніе межи знатными козаками падало, прислала Польша другого, гладшого посланника, пана Воронича, бы помагалъ дальше баламутити козаковъ и обѣцувати имъ всякіи ласки, которыми Польша Украину ущасливить.

Самъ Выговскій сегодня стоялъ подъ вліяніемъ Бинѣвского и Воронича, а завтра потаковалъ Немиричу, явному отпоручнику (агенту) Швеціи. А по заутра высылалъ уже посольство въ Крымъ, бы заявити хану щирую пріязнь козаковъ.

Наибольше ненавидѣлъ онъ Пушкаря, на котораго писалъ доносы въ Москву, въ которыхъ представлялъ его яко измѣнника, который стоитъ въ сношеніяхъ съ Татарами и намѣряетъ съ ними напасти на московское царство; просилъ о присланье воеводъ, бы сдѣлали ладъ на Укрпинѣ. И Пушкаръ не остался въ долгу. Онъ обвинялъ Выговского въ зрадѣ, такъ якъ онъ, съ Татарами и Поляками въ тайномъ союзѣ, сегодня заутра нападетъ на царское государство, и просилъ

военной помочи, бы противъ того бунтовщика достаточною силою выступити. Царь выслалъ правда своихъ людей, но черезъ то не задоволилъ ни Выговвкого ни Пушкаря. Выговскій оправдалъ ся тымъ, що нарокомъ придержуетъ у себе польскихъ постанниковъ, бы Поляковъ перехитрити.

Вообще говорилъ онъ иначе передъ своими поплечниками, иначе передъ козаками, а иначе передъ своими щирыми пріятелями, польскими посланниками.

И козаки на Сѣчи заняли ся тымъ украиньскимъ безголовіемъ, тою правдивою руиною. Барабашъ созвалъ великую раду въ той цѣли. На раду прійшли и козаки, численни крестьяне и мѣщане.

Выговскій зналъ добре о успособленію Сѣчи и о ей непріязной оппозиціи противъ него, для того выслалъ на конецъ посольство къ царю и просилъ о утвержденіи его въ новомъ достоинствѣ и о позволеніи ему сложити присягу вѣрности. Царь согласился, и дѣйствительно отбыло ся въ Кіевѣ великое торжество, записаженіе и введевіе тѣ тотъ высокій урядъ хитрого Выговского, который всѣмъ и всюди заявлялъ свою вѣрность и преданность для царского Величества. Тымъ хотѣлъ хитрый гетманъ ослабити недовѣріе къ нему, подносяче ся въ Москвѣ, а лекше уничтожити своихъ лютейшихъ вороговъ: полковника Пушкаря и атамана Запорожья Барабаша. Не переставалъ онъ при томъ ани на хвилю еднати собѣ дальшихъ поплечниковъ, даже изъ крестьянъ и мѣщанъ. Его агитаторы розсѣвали всякіи вѣсти, бы тѣлько недовѣріе противъ царя и Москвы межи народомъ розширять. Интеллигенцію волновано тымъ, що новый митрополитъ кіевскій не будетъ выбранный духовенствомъ и народомъ, а тѣлько будетъ назначеный царемъ и станетъ вполнѣ зависимымъ отъ московскаго патріарха; а такимъ дѣломъ цѣле украинске духовенство

потеряетъ свои права и станетъ ворогомъ украинскаго народа. А прецѣнь народъ радовался тымъ, що снова прийшло до щирого соединенія православныхъ, которыхъ только царская милость освободила съ подѣ вліянія іезуитовъ и уніатовъ. Смѣшно и требовати, бы одна вѣра, одна церковь подлягала двомъ церковнымъ организаціямъ, говорили умиѣйшіе; все таки некоторые дали вѣру агитаторамъ, а самъ Выговскій приказалъ епископамъ украинской области не брати участія въ выборѣ, и выборъ былъ на познѣйше отложенъ. На конецъ выбрано нового митрополита давнымъ порядкомъ, а тымъ самымъ оказалось ся, що розсѣваніи ложній вѣсти были только клеветою.

Дальше непокоили агитаторы бѣдный народъ тымъ, що ширили ненависть противъ воеводъ и чиновниковъ царскихъ, хотя власно тотъ народъ оказывалъ большое довѣріе и любовь царскимъ урядникамъ, чѣмъ козацкой старшинѣ. Народъ самъ просилъ всюды о присланіи царскихъ урядникѣвъ, бо надѣялся, що они возьмутъ его въ защиту противъ самоволи козацкой старшины и шляхты. Дальше голосили тѣ агитаторы, що крестьянамъ прикажутъ москали ходити въ лаптяхъ, запретятъ варити медъ и горѣлку, а заведутъ на Украинѣ московскіи кабаки на поруганіе христіанскаго народа. Все то однакъ непомагало Выговскому, — хѣтя темнѣйшіи якъ то звичайно бываетъ — начали недоувѣряти Москвѣ и старшинѣ козацкой.

Найцѣкавѣйшіиъ оказалъ ся полковникъ козацкій Ничай, котораго случайно выслано съ полкомъ на Бѣлую Русь. Справедливый козакъ началъ на Бѣлой Руси распоряджати ся по своему: началъ народъ взывати и наставляти, бы принялъ козацкую службу и приобѣцывалъ всякіи козацкіи вольности. Дѣйствительно нашли ся таки, що радо мѣняли тяжкій трудъ за легкій хлѣбъ козацкій, хотя вообще Бѣлоруссы не дуже

спіряли козакамъ, жіючимъ звичайно легко, но тяжкимъ трудомъ робучого народа. А коли царскій воевода цѣкавому полковнику заявить, що козаки въ Бѣлой Руси не могутъ уживати козацкихъ вольностей и правъ, бо Бѣлая Русь находитъ ся по за предѣлами области козацкой и находится подѣ властію государя; все таки Ничай выслать въ Москву зажаленіе на воеводу, который посмѣлъ нарушити козацкіи права и вольности. Ничаю, оттягающему сельскую молодежь отъ работы, утерто правда носа и выслано его на Украину за его дикіи требованія; все таки найшли ся люди, которые уперто голосили, що царь и воеводы, которые дѣлали вполнѣ законно, нарушаютъ козацкія воллности, а даже переяславскій договоръ; бо они (агитаторы) хотѣли число недовольныхъ побольшити, и вызвати несогласіе и колотъ, которого собѣ именно та конфедеративная партія желала. Замѣчательно было то незадоволенье съ московскихъ воеводъ и урядникѣвъ и для того, що самъ Выговскій просилъ о ихъ присланье, бы сдѣлати ладъ, и величался все передъ ними своею вѣрностію,... бы лекше своихъ вороговъ уничтожити и дойти до цѣли.

Выговскій сложилъ на конецъ въ Кіевѣ присягу, одержалъ царскую грамоту и сталъ вполнѣ законнымъ гетманомъ; но ни на волосъ не отступилъ изъ дороги, по которой и дальше ступалъ, хотя чѣмъ разъ нові трудности ставали поперекъ той дороги.

На великой радѣ на Запорожію, созванной атаманомъ Барабашемъ, обвиняли Выговского о вѣроломство государю, о явную зраду, такъ якъ онъ въ порозумѣнію съ Покаяками и Татарами намѣрять нечаянно напасти и на Украину и на Москву. Тутъ просили собравшіи ся о царскихъ воеводъ съ войскомъ и о царскихъ урядниковъ для защиты утисненого народа и мѣщанъ старшиною козацкою и шляхтою. Тутъ и

выбрано великое посольство, которое царю и боярамъ мало предложити прошеніе отъ Запорожья, отъ украинскихъ мѣщанъ и угнетенныхъ крестьянъ.

Полковникъ полтавскій тоже выслалъ письма и посольство въ Москву съ подобными прошеніями.

Выговскій зналъ добре и о запорожской радѣ и о намѣреніяхъ Пушкаря, для того и не стоялъ съ заложеными руками, но дѣйствовалъ по своему.

Воеводу Ромодановского, стоявшего съ войскомъ въ Переяславлѣ, где онъ на прошеніе Выговского нрѣйшолъ, посѣтилъ лично гетманъ и перепрашалъ, що ему требуемыхъ подводъ и прокормленія для войска не давалъ, бо еще не былъ законнымъ гетманомъ, слѣдовательно и власти у него на то не было. А теперь началъ воеводѣ представляти, що отъ бунтовщиковъ на Запорожію грозить и Украинѣ и Москвѣ великая опасность, бо бунтовщики связали ся съ Татарами и готови на васъ напасти; для того просилъ усердно и то черезъ два дни воеводу, бы онъ съ своимъ войскомъ и съ поляками, которыхъ ему дастъ гетманъ до помочи, напалъ на Запорожье и тамъ въ собственномъ гнѣздѣ уничтожилъ тыхъ мерзкихъ бунтовщиковъ. Воевода отказался, такъ якъ ему не позволено безъ приказа царекого воевати на Украинѣ; и хотя хитрый Выговскій, который на передъ говорилъ, що тамъ уже велика сила собрала ся, а видячи неохоту воеводы, увѣрялъ его, що на Запорожію находится ледво 5000 людей, и то безъ достаточного оружія слѣдовательно съ легкостію отнесетъ полную надъ ними побѣду. Все таки Ромадановскій осталъ при своемъ, и хитрость гетмана оказалась безуспѣшною! И дѣйствительно была то дьявольская хитрость: Выговскій былъ увѣренъ, що такимъ способомъ 1. уничтожитъ своихъ воровъ запорожскихъ разомъ съ атамономъ Бара-

башемъ, котрый былъ для него небеспечный и що уничтожить Сѣчь, тую головную крѣпость русскую, и такимъ способомъ отворить ворота въ Украину и сѣверную Русь ей лютейшимъ врагамъ, а своимъ союзникамъ-Татарамъ и Полякамъ.. 3) що вызветъ непорозумѣніе между Ромодановскимъ, царскимъ дворомъ и другими воеводами, и ослабить русскую силу; а наконецъ 4) що будетъ могъ онъ голосно кричати, що не Украина, а Москва нарушила переяславскій договоръ, для того Украина въ правѣ сорвати свою связь съ Москвою, а соединити ся съ кимъ ей любо. — Хорошій политикъ, нѣтъ що говорити.

Такиі то дѣвольскіи хитрости и интриги намѣрялъ Выговскій перевести, абы и въ Украинѣ побольшити число недовольныхъ, а тымъ самымъ свою партію скрѣпити. Современно хитрый Выговскій не залишилъ и въ другомъ мѣстѣ, рѣвножь лукаво дѣйствовати; а именно противъ ровно небеспечного ему полковника Пушкаря, котрый не только особнымъ посольствомъ старался въ Москвѣ представить Выговского въ вѣрномъ свѣтлѣ, но и собиралъ охотниковъ и козаковъ, бы на случай potreбы бѣольшою силою противъ гетмана предателя выступити. Подобно, якъ то за Хмельницкого на его универсалы тысячи охотниковъ собиралися, такъ теперъ спѣшили до батька Пушкаря крестьяне-крепаки, бы найти у того пріятеля утисненного народа, помочъ противъ гнета и самоволи козацкихъ панѣвъ. Такъ собралося около Пушкаря — якъ говорили — до 20.000 людей, котрые могли Выговскому много сдѣлати зла.

Выговскій однакъ выслалъ своихъ козаковъ подѣ Гадачѣ, взялъ кѣлькохъ такихъ охотниковъ въ плѣнь и приказалъ ихъ убити; но заразъ послѣ того выслалъ гадяцкого намѣстника Тимошу до Пушкаря и запрашалъ его сердечно до себе съ увѣреніемъ, що погодятся и будутъ снова друзьями. Пушкарь отказалъ и заявилъ: „Чи

не хочеть Выговскій мене съ собою такъ погодити, якъ погодилъ у Гадячѣ братію нашу, лучшихъ отъ себе тваришей войска запорожского, поутинавши имъ головы? але не дѣжде того! “

Тогда выслалъ Выговскій тайкомъ два полки, нѣжинскій и стародубскій, бы Пушкаря схватити и къ себѣ привести. Однакъ козаки тыхъ полковъ, якъ только узнали, въ якой цѣли ихъ выслано, не услухали своего начальства, но розѣйшлися, такъ якъ всѣ Пушкаря явно любили. Выговскій позналъ, що на своихъ козаковъ не можъ числити, для того приказалъ собрати изъ всѣхъ полковъ чужинцевъ, которыи за Хмельницкого еще толпами приходили на Украину, бы здобути собѣ славу, якъ Нѣмцовъ, Сербовъ, Поляковъ, Волховъ и выслалъ ихъ подъ начальствомъ збогатѣвшаго уже Богуна, бы нечаянно на Полтаву напали и Пушкаря схватили.

Треба было скоро и скрыто посуватися, бы ненадѣйно на Полтаву напасти. Сербинъ явился правда скоро подъ Полтавою, но тутъ заблудилъ и цѣлый день блукалъ по полтавскихъ очеретахъ. Богунъ прійшовъ подъ Полтаву около полудня 27. сѣчня 1658 г., но скоро о томъ довѣдалися Полтавцы и напали на Богуна и его товаришей подъ начальствомъ запорожского атамана Барабаша.

Барабашъ разбилъ Богунову розбѣйчу шайку совершенно: триста нозацкихъ паничѣвъ нашло смерть, многихъ взято въ плѣнь, а прочіи розбѣгли ся на всѣ вѣтры... Однакъ тая неудача Выговского не выйшла въ пользу Пушкареви. Вліятельный Лѣсницкій, который доси не спріялъ Выговскому, не хотѣлъ и Пушкаревой переваги, для того стануль теперь по сторонѣ Выговского и цѣлкомъ погодилъ ся съ нимъ.

И другіи обстоятельства причинили ся до того, що вліяніе и сила Выговского поднесли ся: Правда тысячи охотниковъ шукали у Пушкаря защиты и помочи, такъ и поднесло ся дуже чи-

сло его козако́въ; однако то не вышло ему на корысть, бо у него не было достаточныхъ средствъ, бы тыхъ бѣдако́въ всѣхъ, одѣти, вооружити и прокормити. Не дивно, що тыи бѣдаки, вооружены только дручками (для того звали ихъ дейниками или дручками), не были опасны; а до того они, абы здобути для себе прокормленіе, нападали не только на дворы, но грабили и хуторы и дома богатшихъ крестьянъ. Черезъ то власне потерялъ Пушкаръ любовь тыхъ, которіи прежде явно стояли по его сторонѣ, такъ якъ цѣла восточна Украина стояла за Пушкаремъ противъ Выговского. И прочіи спокойнѣйшіи жители козацкой области начали переходити на сторону Выговского, бо онъ былъ уже законнымъ гетманомъ, утвержденнымъ царскою грамотою.

И новоизбранный въ Кіевѣ митрополитъ, Денисъ Балабанъ стоялъ явно по сторонѣ Выговского, писалъ письмо къ Пушкарю и грозилъ ему даже церковною клятвою, если не перестанетъ вороговати противъ законного гетмана и не будетъ ему послушнымъ. Пушкаръ вправдѣ отписалъ, що войско запорожское не узнаетъ Выговского, которого выборъ былъ не законный; но то не улучшило его положеніе, такъ якъ и митрополита вліяніе розтягало ся не только на священниковъ, но и на многихъ мірянъ, которыи тоже станули по сторонѣ Выговского, а не Пушкаря.

Однакъ уже передъ тымъ дѣло цѣле было рѣшено въ Москвѣ, и то въ корысть Выговского.

Якъ уже знаемъ, що не только Пушкаръ но и атаманъ запорожскій Барабашъ выслали были письма и посольства въ Москву; бы представити тамъ Выговского въ правдивомъ свѣтлѣ, т. е. яко тайного союзника Татаръ и Поляко́въ, который и намѣряетъ за ихъ помочію Украину освободити съ подѣ вліянія царского и подѣ вліяніе польское передати. Они просили о царскихъ воеводѣ съ войскомъ царскимъ и чинновниками царскими,

бы тымъ дѣломъ не допустити до завоеванья Украины отвѣчными врагами Руси и принести помощь бѣднымъ крестьянамъ и мѣщанамъ на Украинѣ, которые попадаютъ подъ большую зависимость, а даже подъ крепачество козацкой старшины и шляхты.

Здавало ся; що тыи посольства принесуть користь великой большости населенія и причинять ся до скрѣпленья союза межи сѣвѣрною и южною Русією по мысли переяславского договора.

Надѣяти ся того можъ было тѣмъ бѣльше, що то не тѣлько лежало въ интересѣ обохъ сторонъ, но и воеводы и чиновники русскіи, познавшіи близше Украину и поведеніе Выговского, не внушали царю и боярамъ довѣрія къ гетману, стоявшему постоянно въ сношеніяхъ съ Поляками и Татарами, тыми головными врагами Руси.

Надѣяти ся можна было того, бо кромѣ тыхъ депутацій находили ся въ Москвѣ письма мужей поважныхъ, правдивыхъ патріотовъ, въ которыхъ письмахъ было выяснено печальное положеніе Украины и опасность, на якую она была наражена.

Первое письмо было отъ протоіерея Халимоненка, писано къ боярину Ртищеву слѣдующаго содержанія: „Якъ только довѣдали ся мы, що прійдетъ сюда князь Трубецкій, бы именемъ царя нами управляти, всѣ мы меньше дуже урадовали ся, урадовала ся и вся чернь, бо могла найти помочи у царя. Правда, що трохи бояли ся, бы воеводы не ломали тутейшихъ звычайевъ и правилъ, такъ церковного якъ и громадского ладу, и щобъ въ Московщину людей силою не гонили — (вотъ які сплетни, да клеветы розсѣвали межи народомъ!), але мы увѣряли ихъ, що великій государь и князь того не хочеть. И я, приклонникъ царскій, щирымъ сердцемъ бажаю, щобы уже мы познали государя праведного и его власть надъ собою... не хочуть того самъ тѣлько гетманъ та полковники съ

старшиною; а все черезъ свою алчность (зажирливость). Они бо рады самѣ владѣти (пановати) и радовати ся своимъ владѣніемъ, бо уже розласували ся своимъ панованьемъ и не хотѣлибъ оное потерять. Говорять о войсковомъ скорбѣ, но никто не знаетъ де онъ есть, и войску съ него не платятъ. Для того изволь Твоя милость просити его царского величества, щобъ непременно прислалъ своихъ воеводъ и взялъ подъ свое управленіе всѣ наши города; а противъ того никто на Украинѣ неподнесетъ ся. Се будетъ добре, а мы всякого до того будемъ наклоняти“. — Письмо простое, но вполне понятне.. оно клеймитъ самоволію козацкой старшины и открываетъ бѣды, якіи бѣдніи люде (вся чернь) терпятъ. Другое письмо, еще поважнѣйше, а то отъ о. Ивана Меширинова, архимандрита черниговского монастыря. Содержаніе слѣдующе: „Слышали мы, що пріѣдетъ къ намъ князь Трубецкій. Абы тольکو скорше урвало ся нашимъ панамъ-старшинѣ; всѣ мы того ожидаемъ, а я ожидаю, щобы единого небесного Христа царя маючи, единого и православного царя мати; дай же намъ Христе царю того дождати!“ Онъ дальше въ своемъ простомъ но щиромъ письмѣ проситъ о присланье царскихъ воеводъ и чиновниковъ, бы сдѣлали ладъ и защищали бѣдныхъ крестьянъ передъ самоволію и алчностью козацкой старшины. Онъ захвалялъ даже кабаки; которые причиняютъ ся до уменьшенья пьянства. Надѣяти ся слѣдовало, що въ Москвѣ зрѣло застановлять ся надъ важнымъ дѣломъ и отклонять грозящую опасность.

Однакъ надежда не исполнила ся; и не побѣдила правда, но мерзкая римская политика, хитрость — а собственно обманство и явне мошенничество Выговского, и перехитрило легковѣріе и добродушіе царя и московскихъ бояръ.

Положеніе Выговского и его шайки не было добре, и не тяжко прійшло бы доказати его явную измѣну (зраду), если бы Москва не была такъ легковѣрна. Тамъ бо якъ разъ тогда гостили и посланники Барабаша и Пушкаря, которы согласного обвиняли Выговского въ мерзкой измѣнѣ и предкладали доказательства. Тамъ находили ся численни прошенія, угнетаемыхъ самоволію козацкихъ пановъ и шляхты, крестьянъ и мѣщанъ, о царскую помочъ и защиту, о присланіе царскихъ воеводъ и чиновниковъ. Тамъ знали добре не только о кіевскомъ заговорѣ на житіе кіевского воеводы, боярина Шереметева, но и о другихъ скверныхъ дѣлахъ. Судьба Выговского висѣла на волоску; одно бо слово государя могло цѣлу его шайку не только розбити, но совершенно уничтожити, такъ якъ цѣле населеніе, всѣ козаки-чернь стояли безусловно за переяславскій дговоръ, а численни войска козацкіи, подъ начальствомъ Пушкаря и Барабаша, были бы рады перевели царское слово въ дѣло. Выговскій правда старалъ ся перехитрити своихъ головныхъ враговъ, пересылаючи имъ любезнй письма съ увѣреніемъ о своей щирой пріязни, на котрй Барабашъ далъ хитрый отвѣтъ, а Пушкаръ уже заявилъ свое негодованіе и рѣшительно отказался отъ дружбы съ убійцею, що для гетмана не добре ворожило. Такожъ не удало ся Выговскому переловити депутацію отъ Запорожья, которая якъ знаемъ находила ся уже въ Москвѣ.

Тымъ часомъ отбывали ся на гетманьскомъ дворѣ въ Чигиринѣ важнй совѣщанія, въ которыхъ принимали живое участіе польскіи и козацкіи паны: Были тамъ посланники польскіи, извѣстный Бинѣвскій, его помочникъ и заступникъ, Вороничъ и здается тоже Евляшевскій, головнй посредникъ, а можетъ быти головнй сочинитель гадацкой угоды. И тутъ заключила козацкая старшина съ польскими посланниками формальную угоду, правдивую первую нову эру (не львов-

скую по чигиринскую). Бинёвскій ѣздилъ часто въ Польшу, бы наклонити вліятельнѣйшихъ польскихъ пановъ до согласія на условія, на которѣ Польша никогда не приставала и пристати не могла; впрочемъ Бинёвскому не росходило ся такъ о польскихъ панѣвъ, которыхъ онъ легко переконали успѣлъ, що присяга съ конечности ихъ не вяжетъ; но передъ всемъ о меньше культурныхъ членовъ козацкой старшины, которыхъ только великими уступствами для той згоды уняти падѣялъ ся, росходило ся слѣдовательно Бинёвскому о то, бы тыхъ козаковъ затуманити, перехитрити, бы и они согласили ся на условія для нихъ весьма корыстни. — Результатъ тыхъ переговоровъ и совѣщаній обнаружился въ такъ званой „Угодѣ гадяцкой“, о которой поговоримъ ниже. На теперъ совѣщанія оказали скорый и блистательный успѣхъ, бо полную побѣду Выговского въ Москвѣ, гдѣ его судьба должна была рѣшити ся; и собственно тамъ ушкварилъ онъ незвычайную штуку, — жаль только, що точно не знаемъ того ловкого политика, въ которого мозгу она вылягла ся.

Бы цѣлое дѣло — непорозумѣнія и несогласія украинского выяснити, послалъ и Выговскій своихъ отпоручниковъ въ Москву, а именно корсуньского асаула пана Юрія Миневского (вѣроятно поляка) и сотника пана Евхима Коробку и передалъ имъ дуже важную грамоту, которая конечно должна была его сдѣлати бѣлымъ якъ снѣгъ, яснымъ якъ сонце. Грамота тая была письмомъ, будь то перехваченымъ вѣрными козаками, а назначенымъ для крымскихъ Татаръ. Въ томъ письмѣ находится прошеніе польского пана, взывающее Татаръ до помочи противъ козаковъ, тыхъ польскихъ душмановъ (невольниковъ-рабовъ), заохочующее ихъ до вespольного напада на спольныхъ враговъ — козаковъ — и предскажуеъ хорошій успѣхъ такъ для Поляковъ якъ и для Татаръ. Грамота тая должна бы-

ла убѣдѣти и царя и московскихъ бояръ, що всякіи доносы на него суть только злобною клеветою его вороговъ. Грамота, чорне на бѣломъ доказывала, що Выговскій за свою вѣрность царскому величеству такъ тяжко терпитъ отъ своихъ и чужихъ. Она должна была доказати, що власне теперъ, коли такъ грозна опасность сближается, согласіе на Украинѣ необходимо. Московскіи бояре, якъ и надѣяты ся слѣдовало слушали и довѣряли бѣльше отпоручникамъ законного гетмана, чѣмъ посланникамъ недовольныхъ Барабаша и Пушкаря. А добре приученный корсунскій асаулъ Юрій Миневскій, яко авторитетный знатокъ Украины, ея исторіи и ея правъ, якъ на долони доказаль легковѣрнымъ боярамъ, що выборъ Выговского былъ вполнѣ законнымъ, такъ якъ избрали его всѣ единодушно; даже отпоручники полковъ запорожскихъ. Но гетманъ охотно отдаеть булаву (мерзкое фарисейство), узнаеть каждого, кого избереть рада козацкая, бо онъ уже старый и хотѣлбы спочати по тяжкихъ трудахъ. На Украинѣ нужно сдѣлати ладъ, война неперемѣнно грозить. Миневскій указаль ловко на полковника Лѣсницкого, яко на головного виновника несогласій козацкихъ, не сважаль бо онъ на то, що Лѣсницкій былъ уже съ гетманомъ въ дружбѣ; бо на Пушкаря и Барабаша не уходило напаляти, такъ якъ ихъ отпоручники находили ся въ Москвѣ. Все таки умѣль хитрый асаулъ причѣпити латку и обомъ недовольнымъ, указуючи на обстоятельство, що на Запорожіи находятся только бездомни крестьянн и подданіи, оставившіи роботу у своихъ законныхъ господъ и жіючи грабжемъ и чужою кривдою. А и Пушкарь пріймаеть такихъ людей много, такъ що не стаеть рукъ для польныхъ работъ. А то обстоятельство власне, якъ ниже увидимъ, дуже не подобало ся и московскимъ боярамъ и было причиною, що симпатія къ нему упала.

Благородный царь и легковѣрны бояре не знали, якъ увѣряеть лѣтопись, що робити и кому вѣрити; наконецъ побѣдило высоко развитое чувство справедливости и чести, которыи и не позволяли отступати отъ буквы переяславского договора, и нарушати признанную Украинѣ и козакамъ автономію. Выговскій законно избранный и царскою грамотою утвержденный гетамъ долженъ остатись и на дальше; а существующіи несогласія съ легкостію устранить царскій посланникъ на мѣстѣ, хотя полного довѣрія для Выговского въ Москвѣ уже не было. Все таки побѣда осталася по сторонѣ хитрого измѣнника.

Если бо бы бояре вошли глубше въ суть дѣла, то могли переконались, що ихъ перехитрено, що они пали жертвою дерзкаго обманщика, благодаря свою лояльность.

Будьто перехвачене письмо польского полковника, предложили посланники Выговского боярамъ на конецъ, писано къ якому-тамъ татарскому мурзѣ, было бы навѣрно послужило яко доказательство явного обманства, не будь легковѣрія бояръ. Письмо не писано въ Польшѣ, но составлено въ канцеляріи гетмана, вѣроятно его извѣстными польскими пріятелями, бы его спасти. Знаемъ бо, що Польша звычайно вела ловкую политику, но не позволено намъ даже припускати, бы въ томъ часѣ могла въ Польшѣ подобная мысль родитись; тогда бо власне Польша находила ся въ великихъ хлопотахъ, которыи вызвала долголѣтная и еще не оконченная война шведская. Польша тогда безусловно не могла наразити собѣ никого, ни даже козаковъ, которыи цомогаючи Шведамъ легко могли бы ю довести надъ пропасть гибели. А между Польщею и Москвою былъ еще въ силѣ виленскій договоръ, который Польша подъ нѣякимъ условіемъ сорвати не осмѣлила бы ся. А если дѣйствительно, що въ прочемъ есть немислимымъ, существовало письмо польского полковника, то тогда снова до-

пустилбы ся Выговскій дѣла скверного, явной измѣны, на своихъ щирыхъ пріятеляхъ; предѣнь и сегодня называется онъ въ польской исторіи: „Przyjacieli Polski!“ — Возьмѣмъ дѣло изъ одной или другой стороны, чи письмо вышло изъ Польщи, чи составлено было въ канцеляріи Выговскій, все таки оставляетъ оно весьма чорное пятно на характерѣ, а собственно на безхарактерности украиньского гетмана. О томъ впрочемъ скоро убѣдили ся и тыи, которые ему еще вѣрили. Безпристанній тайній совѣщанія съ польскими и большое посольство Выговского подъ проводомъ Бута, высланное въ столицу татарского хана свѣдчили явно, що гетманъ, увѣрявшій всѣхъ о своей вѣрности для царя и переяславского договора, съ другими носился намѣреніями. Царь и бояре напротивъ стояли на почвѣ лояльной и законной; они хотѣли только несогласія и непорозумѣнія, яки были на Украинѣ, усунути; они желали снова завести согласіе и миръ, а тогда ни поляки ни татары не были опасны. Они и выслали боярина Хитрово, бы все тое законнымъ порядкомъ перевелъ. Если бы былъ Хитрово ишолъ по указаніямъ скверной римской политики: „роздѣляй и владѣй“ (*divide et impera*), то потребовалъ онъ тѣлько станути по сторонѣ Пушкаря и Барабаша, по сторонѣ козацкой и угнетаемой крестьянской черни, а тогда безсомнѣнно вліяніе Выговского, козацкой старшины и шляхты совершенно бы упало и отношенія Украины до царства стали бы снова прехорошими; а для польскихъ и татарскихъ вождельній и надеждъ не осталось бы удобной почвы и основанія.

Однакъ отпоручникъ царя, бояринъ Хитрово, держался давной русской политики, политики христіаньской и честной; онъ хотѣлъ щиро мирити спорящихъ братій безъ всякого лукавства. Выговскій боялся видно, такъ якъ у него нечистая была совѣсть, хотя и число его поплечни-

кôвъ видно подносило ся. Онъ напередъ созвалъ полкквникôвъ и старшину до Переяславля на совѣщанія. Тутъ Выговскій заявилъ, що Москаль намѣряеть дальше наши давній црава въ нѣвецъ обертати, онъ хочеть, бы гетмана назначалъ царь, а не козаки на радѣ... „не попускайте Москалеви — прибавилъ онъ — чтобы накидалъ намъ гетмана, обирайте его вольными голосами, якъ то въ старину бывало!“ Такъ приготавлилъ тотъ мерзкій хитрецъ своихъ поплечникôвъ до совѣщаній съ царскимъ посланникомъ; а самому ему не стало отваги стати передъ его лицомъ; преступники бо и злодѣи боятся свѣтла божого!

Хитрово же оказалъ ся не только вѣжливымъ, но и вполне любезнымъ для недостойного гетмана; онъ требовалъ, бы великая рада отбывала ся въ Переяславлѣ, въ сосѣдствѣ гетманской ствлицы, де бôльше поплечникôвъ гетмана явити ся могло, а не близше Запорожія, де противники Выговского малп бы перевагу. Правда тогда снова часть старшины отвернула бы ся отъ Выговского для его скритыхъ и нечистивыхъ дѣлъ, но и тыи мусѣли, якъ украинская лѣтопись увѣряеть, его боронити не для того, що его любили; они мусѣли разомъ съ нимъ боронити себе и весь свей станъ! —

Такъ начала ся великая рада въ Переяславлѣ съ початкомъ мѣсяця февраля 1658 г. Пріѣхалъ отпоручникъ царскій бояринъ Хитрово, пріѣхалъ и новый митрополитъ Діонисій съ численнымъ духгвеньствомъ, но не явился Выговскій; онъ бо хотѣлъ представить и себе яко тяжко оскорбленнаго своими и чужими, а то за свою приданность и вѣрность царю. Мѣсто него станулъ передъ собраніемъ монахъ Петроній и заявилъ: „Приказалъ мнѣ Выговскій заявити вамъ, що онъ отказуется отъ булавы, бо видитъ неласку царского величества до себе. Пусть — прибавилъ хитро наученный монахъ — бояринъ

постановить гетмана якого хочеть. Выговскій, утомившись долгимъ и тяжкимъ трудомъ, а видячи изъ всѣхъ сторонъ на себе лихіи заходы, бажаєть послѣдні дні своего живота посвятити Богу въ монастырѣ!“ (подлецъ!) Научени знатни козаки напередъ съ негодованьемъ приняли отказъ своего гетмана, которому и повѣрили, що бояринъ напосѣдается на Выговского. Такъ то хитро подготовилъ Выговскій своихъ добрыхъ пріятелей! Даже одинъ смѣлѣйшій козакъ дерзко заявилъ: „Бо дай никто не дождался, Выговского съ булавы скидати, ни цареви, ни тобѣ, Воеводо, козаки ничего не дѣлали, що вы право наше козацке — обирати гетмана — у насъ выдержли.“ Выговскій голову смаживъ, насъ зъ тяжелой неволи ляцкой вызволяючи; всѣ мы за него умирати и съ нимъ жити готові... то вся Украина: полковники, асаулы, отаманы, сотники и чернь, поприсягаємъ“. Згода, згода! крикнули козацкіи голоса.

А якійсь полковникъ на то сказалъ: „Все, що царь и ты бояре намъ прикажете, мы сдѣлаємъ, но не дамо собѣ выдерти права выбирання гетмана. Мы для того и пострѣлы и лютую смерть въ битвахъ съ врагами терпѣти готові, бы дослужитись славы и чести въ нашемъ козацкомъ народѣ!“

На тии лютыи, изъ горы приготовлены демонстраціи, отвѣтилъ бояринъ спокойно и лагодно: „Коли хочете дальше Выговского за гетмана, най будетъ; никто бо вашихъ давнихъ правъ нарушати и не думаетъ. Най только гетманъ присягнетъ на крестъ и евангеліе, що не будетъ еднатися съ врагами царскими; а Полякѡвъ, если они не додержуть заприсяженныхъ договорѡвъ, разомъ съ нами бити будетъ. Що и съ Турками и съ другими врагами царского величества вмѣстѣ съ нами воевати будетъ; а кромѣ того най присягнетъ, що скоро пріѣдетъ и въ

Москву яко и вѣрный и добрый гость царского величества“. —

На такое заявленіе всѣ замолкли, бо признали оное справедливымъ. Пріятели гетмана начали защищать вѣрность Выговского, а и бояринъ выяснилъ спокойно и поважно требованья государя, на которы рада воплнѣ и согласила ся. Такъ представилъ дальше Хитрово козацкой радѣ дѣло царскихъ воеводъ и ратныхъ (военныхъ) людей. Онъ сказалъ: „що давнѣйше терпѣла Украина много бѣдствій отъ Поляковъ, которы соединившись съ Татарами нападали на Украину и немилосердно пустошили и нищили иѣлый край. „Они палили вашіи хаты, забирали вашихъ женъ и дѣтей въ неволю; они грабили и вашъ цѣлый добытокъ, бо не было кому защищать васъ. Не было и ніякихъ укрѣплений (фортецъ), где бы войско собирати ся мѣгло, бы ихъ напады отпирати. Въ той цѣли слѣдуетъ взнести укрѣпленія, прислати и царскихъ воеводъ съ ратными людьми, а то все для вашего добра“. Звычайни податки будутъ собирати воеводы на содержаніе козацкихъ и царскихъ войскъ; а всѣмъ вамъ будетъ и пріятнѣйше служити, бо будете знати, що ваши хаты будутъ цѣлы, ваши родины не потерпятъ кривды, бо воеводы ихъ боронятъ!“

Слова царского посланника подобали ся дуже козацкой черни, бо она добре знала, що великую часть звычайной дани брала старшина для себе. А хотя старшина не дуже была довольна предложеніемъ боярина, все таки рада рѣшила, бы въ городахъ украинскихъ были и царскіи воеводы и ратныи люди.

Самъ Выговскій, якъ только узналъ що ему не грозитъ ніякая опасность, явился скоро на радѣ и согласился съ предложеніями боярина. Онъ былъ видно радъ, що удало ему ся еще разъ перехитрити москаля. Онъ заявилъ, що самъ предложитъ царскому величеству тыи мѣста, въ которыхъ слѣдовало бы осадити царскихъ воеводъ

съ ратными. Онъ и пріобѣдѣлъ, що скоро будетъ оглядати царски пресвѣтлѣи очи и принесетъ до вѣчнаго свое подданство.

Такожь дѣло козацтва на Литвѣ (Бѣлой Руси), о которомъ было выше сказано, рѣшено по мысли боярина, и то цѣлкомъ справедливо, ибо Бѣлая Русь лежала поза предѣлами козацкой области, обнятой переяславскимъ договоромъ. Слѣдовательно и рада рѣшила, бы козацкого полковника Нечая откликати изъ Бѣлой Руси. —

Слѣдующій вопросъ здавался быти дражливымъ, но онъ рѣшенъ былъ радю безъ сопротивленія. — Бояринъ бо признался отверто, що правительство не радо на тое смотреть, если число козаковъ значно подносится, бо тое обстоятельство часто стается вреднымъ громадскому ладу. Если молодежь пойдетъ въ козацкую службу, легко не станетъ по селамъ рукъ рабочихъ; не будетъ кому справляти землю, а тогда легко и голодъ къ намъ завитаеть. Бояринъ дальше жалился, що въ повѣтахъ царскихъ, которы лежатъ въ сосѣдствѣ козацкой области, имению въ цовѣтахъ, брянскомъ, карачевскомъ, путивельскомъ и рыльскомъ, часто мужики и крепаки изъ имѣній бояръ и помѣщиковъ утѣкають на Украину, стають козаками, а послѣ цѣлыми толпами, часто вооруженіи нападаютъ на села и грабятъ и убиваютъ не только крестьянъ, но и помѣщиковъ.

Выговскій самъ призналъ замѣчанія справедливыми и заявилъ, що о всѣхъ тыхъ людяхъ точно доведается, и каждый полковникъ или урядникъ будетъ наказанный (укаренный), „если по нашему приказу не будетъ дѣлати“.

Прибавити тутъ слѣдуетъ, що власне то дѣло — грабежи и напады козацкой черни, тѣмъ рѣшительнѣйше порицалъ Выговскій, бы тѣмъ мѣгъ очернити Пушкаря, своего головного врага. Вѣроятно и бояре оказали и для той самой причины большую симпатію въ Москвѣ послан-

никамъ, панамъ козакамъ, Выговского, чѣмъ делегатамъ Пушкаря и Барабаша. То и спасло на разѣ Выговского, хотя и не дасть ся заперечити, що бояре московскіи мали тутъ бѣльше свой интересъ, чѣмъ общее дѣло на опѣ. Выговскій на разѣ выигралъ справу, но на тѣмъ много а много потерпѣла и Русь и Украина!

Дальше оповѣдалъ бояринъ, що великому государю стало извѣстно, що монахъ Даніиль; который уже носить платье мірское, заходитъ часто къ гетману. Тотъ монахъ есть извѣстнымъ шведскимъ шпиономъ, онъ подстрекаетъ козаковъ противъ государя. Выговскій же отвѣтилъ, що не вѣрилъ и не будетъ вѣрити ніякимъ сношеніямъ, а всказаного шпиона вышлетъ въ Москву, якъ только появится на Украинѣ.

Дальше упрекалъ бояринъ козаковъ, що не сдержали данного слово и до сегодня не выслали посольства до Швеціи съ зявленіемъ, що заключенный съ ними договоръ прекратилъ ся. И на тое Выговскій согласился и приобѣщаль скоро сдѣлати то, что его величеству угодно.

Выговскій, на дальше требованіе боярина, бы козацкое войско было готово до войны и выступило, якъ только прійдетъ царскій указъ, далъ слѣдующій отвѣтъ: „Мы готовы ити на польского короля и загадали написати универсалы и выслали всѣмъ козакамъ, радо бо сложимъ нашии головы за державу его царского величества; мы пойдемъ и на Шведовъ и на всякого царского врага, и все повинujemyся царскимъ приказамъ.“

Вотъ вамъ мерзкій хитрецъ, подписавшій уже, вѣроятно за добрыи гроши, условія т. зегадцкой новой эры... допустившій ся ужъ скверной измѣны, заявляетъ свою вѣрности условіямъ переяславского договора, который ужъ давно нарушилъ. Онъ держалъ еще въ тайна тую угоду, бо пора еще не прійшла. Не Москв была ему страшна, бо она оказала ся легковѣр-

ною и дала ся переохитрити явному обманьщику, а страшный ему былъ любимецъ козацкой и крестьянской черни, полковникъ Пушкаръ, знающій добре его чорную душу, его дьявольскіи замыслы. Доки Пушкаръ жилъ, измѣна мерзкая гетмана была прямо не осуществима. За всякую цѣну Пушкаря усгнати, его безпощадно убити, вотъ вамъ задушевное желаніе злодѣя-гетмана, который уже напередъ числилъ юдейскіи червонцы, которы скоро уже сплынутъ въ его карманъ за измѣну (зраду), которая принесла тяжкій вредъ не только царю и Руси, но и Украинѣ; она бо вызвала всякіи бѣдствія, кровопролитія и правдивую руину къ цѣлой южной Руси, которой свободу долженъ онъ былъ яко украинскій гетманъ защищати. Счастье и добробытъна долгіи лѣта уйшли, а остало ся крепачство, которое завели на Украинѣ, тѣ сями, що воевали за свободу, а именно Выговскій, старшина козацкая и ихъ достойніи наслѣдники.

Не даромъ нашъ народный поетъ Тарасъ Шевченко, проливаетъ горкіи слезы надъ недолею своего закрѣпощенного народа. Не Москва того виновникомъ а знатніи и славни козаки и ихъ старшина.

Виновниками были; — не вольно бо исторіи правду таити, и бояре московскіи и самъ царь. Но виновниками они были для того, що были вѣрніи своей политикѣ христіанской, совѣстно и честно держали данное слово, и подъ ніякимъ условіемъ не хотѣли нарушати переяславскій договоръ, не хотѣли нарушати признанной Украинѣ автономіи! — Такъ есть царь былъ виноватъ, бо у него была за лагодная, за мягкая рука! — Наконецъ поднесъ посланникъ дѣло самого гетмана, которое не мало поразило царя и могло статись причиною серіозныхъ непорозумѣній. Пок. Хмедыницкій подписовалъ ся въ грамотахъ урядовыхъ: вѣрный; или вѣчный подданный его царского величества и пр. Выговскій же началъ

подписоватись „вольный подданный...“ И власне то поразило царя и бояръ. Вольный подданный можетъ своевольно и связь сорвати, а тогда опасность явна. Царь бо отдалъ ключи отъ своей хаты, бо черезъ ихъ область могли вдертись въ его государство и поляки и татары и нанести великій вредъ. Предцѣнь въ Переяславлѣ кричали одушевленіи соединеніемъ козаки: „хочемъ вѣрно едино быти!“... Слѣдовательно и не позволено самовольно козакамъ тое соединеніе нарушати. Впрочемъ козаки самы уже переконали ся, що ихъ область отъ хвили коли узнали турки, татары и другіи сосѣды о ихъ подданствѣ его царскому величеству, спокойно и свободно могла культурно розвиватись; никто бо уже не смѣлъ на ню нападати, такъ якъ сильная рука государя была и есть для нихъ вѣрную защиту.

Быль то вполнѣ оправданный упрекъ; понятно, що Выговскій принялъ покорно, безъ всякого возраженія заслуженный выговоръ.

Въ доказательство того присягъ еще разъ украинскій гетманъ на требуемую вѣрность государю, не знати однакъ, котрый разъ зъ ряду! На томъ и окончили ся совѣщанія великой переяславской рады въ февралѣ 1658. г.

Царскій посланникъ, вполнѣ довольный своимъ посланничествомъ, бо ему удалось всякіи непорозумѣнія устранить — такъ бо ему и здаваться могло — передалъ Выговскому отзнаки гетманьского достоинства, а именно величавую булаву и великолѣпно украшенный бунчукъ — отъ государя. Обсыпалъ Выговского, козацкую старшину, духовенство, знатныхъ и простыхъ козаковъ цѣнными подарками, якъ соболями и рублями — и поѣхалъ въ Москву въ томъ крѣпкомъ увѣреніи, що все устроило ся благополучно, що „хотятъ вѣчно едино быти“ — дѣйствительная правда; що подозрѣнія подношенія на Выговского лишены основанія.

Такъ думалъ легковѣрный бояринъ, но черная душа Выговского не стала бѣлѣйшою!

Все таки для насъ интересно замѣчаніе козацкой лѣтописи, що бояринъ пріѣхалъ, бы передати другому гетманскую булаву; но подкупленный богатыми дарами Выговского оставилъ, а даже торжественно передалъ въ его руки гетманьскую власть. По моему мнѣнію вѣсть тая не вполне вѣрна, бо якъ знаемъ, що тотъ кто любить брати, не любитъ давати. Впрочемъ думаю, що Выговскій, если бы ему удало ся было, боярина подкупити, то онъ бы былъ вѣроятно смѣло выступилъ передъ радю, а не усувался; онъ бо явился на радѣ только тогда, якъ узналъ, що приготовлени нимъ демонстраціи осягнули успѣхъ; якъ узналъ, що ему не грозитъ бѣльше ніякая опасность.

Одно безсомнѣнно доказуетъ повысшая замѣтка лѣтописи козацкой, а именно: що козаки были убѣждены о виновности гетмана, — были убѣждены, що Выговскій затѣваетъ измѣну (зраду).

18. лютого 1658. г. опустилъ Хитрово Переяславль.

Пушкаръ вѣроятно уже передъ пріѣздомъ царского поеланника намѣрялъ цѣлою своею силою напасти на своего врага; довѣдавшись однако о пріѣздѣ царского посланника остановился и ожидалъ подѣ Гадячемъ коньца, бо нападѣ его коли былъ въ Переяславлѣ царскій посланникъ, можна бы было уважати за явный бунтъ, хотя онъ горячо былъ убѣжденъ, що бунтовщикомъ былъ Выговскій а не онъ.

Видно, що и Хитрово не цѣлкомъ вѣрилъ Выговскому, бо переписывался и съ Пушкаремъ; и абы лучше узнати цѣлое дѣло лично посѣтилъ Пушкаря. Онъ съ начала уговаривалъ полтавского полковника, бы повиновался гетману; но коли Пушкаръ увѣрилъ царского посланника, що

Выговскій затѣваетъ измѣну и готовится въ короткомъ времени вмѣстѣ съ татарами и поляками напасти на Украину и на царское владѣніе и просялъ о скорую помощь; посланникъ обѣщаль все то сдѣлать. Онъ благодарилъ теперь Пушкарю именемъ царя за его вѣрность и обсыпалъ его царскими подарками. На прощанье сказалъ Пушкаръ; „Узрите, якій огонь изъ сего розгорится!“

Въ Москвѣ снова не знали, що дѣлать; никто бо не припускалъ, щобы лукавство Выговского такъ далеко посунуло ся. Правда, що довѣріе къ нему падало, бо онъ снова не додержалъ даннаго слова и не приѣздилъ въ Москву, хотя и Пушкарю не дуже вѣрили и спріяли бояре для извѣстныхъ намъ уже причинъ. Правда и то, що онъ вѣчно старался оправдати тѣмъ, що Украина по причинѣ бунта Пушкаревого въ великой находится опасности, и ему не возможно оставлять Украины въ такой хвилѣ, а передъ козаками говорилъ, що въ Москву не поѣдетъ, бо тамъ хотять скоротити козацкіи права! Однакъ и посольства Пушкаря и его письма непокоили серіозно и царя и бояръ. Высылати на Украину воеводъ съ войскомъ тоже не было всказаннымъ, такъ якъ Выговскій обѣщаль самъ, якъ только приѣдетъ въ Москву. указати города, въ котрыхъ царскіи воеводы должны были резидовати. Такъ хитрость Выговского осягнула успѣхъ, бо въ Москвѣ ничего не приготовлено; за тое Выговскій приготовилъ все, що ему и улекшило нанести рѣшительный ударъ. Порозумѣніе съ поляками уже было вполнѣ готове; а Винѣвскій сдѣлалъ въ Польшѣ все, бы условія того порозумѣнія, хотя они и казались для Польши не корыстными, сенаторы и паны съ горы уже приняли. Нужно было еще и съ татарами порозумѣти ся. Первое посольство съ письмомъ къ татарскому хану не привело къ цѣли, бо козаки, довѣдавши ся о скверномъ замыслѣ своего гетмана

переловили членовъ посольства и утопили ихъ, а письмо Выговского отправили въ Москву, де конечно и его вѣрность стала сомнительною. Другое посольство въ Крымъ было счастливымъ. Ханъ радо принялъ предложеніе Выговского, якъ о томъ переконскій бей писалъ, и приобѣщалъ помочь. Около половины мѣсяця апрѣля прибылъ въ таборъ Выговского давный его знакомый Карабай, который и намъ извѣстный яко побѣдитель Поляковъ подъ Батогомъ, съ 40.000 татаръ съ увѣреніемъ, що дальшихъ 50.000 станеть скоро подъ Полтавою. На встрѣчу ему выѣхалъ Выговскій и оба они долго переговорювали самъ на самъ; а вечеромъ пріѣхали оба въ козацкій таборъ. Тутъ сердечно принимали Выговскій и его пріатели милого гостя и его товарищей, пировали разомъ до поздной ночи, Бенкетъ при пушечныхъ выстрѣлахъ былъ величавый; тутъ заключили Выговскій и его пріатели съ татарами договоръ и приобѣщали, а даже присягали собѣ взаимную помочь противъ всякихъ вороговъ. Чи и то не была явна и скверна измѣна Выговского и его пріателей, присягавшихъ уже не разъ вѣрность государю? Чи можетъ тутъ быти и наименьше сомнѣніе на счетъ вопроса, кто нарушилъ такъ благотворный для цѣлой Руси переяславскій договоръ?

Правда, що тая скверная нарада о мало не кончила ся для головного измѣнника печально: Въ таборѣ бо козацкомъ находился и б. полковникъ, давный товаришъ и пріатель Богдана, извѣстный намъ уже Джеджалыкъ (называютъ его и Джеджалій). Сей татаринъ отъ давна полюбильширо свое нове отечество и привязалъ ся сердечно до него. Онъ вславился въ войнахъ козацкихъ своею необычайною храбростію и присутствіемъ духа такъ, що его обрали полковникомъ. Онъ належалъ до козаковъ щирыхъ, бо и былъ пріателемъ и защитникомъ козацкой черни. Его втягнули на пиръ вѣроятно для того, що онъ яко татаринъ

зналъ добре свой матерный языкъ и мѡгъ помо-
чи до скоршого и лучшого порозумѣнія ся обо-
ихъ сторонъ.

По бенкетѣ, на котромъ — якъ звычайно —
пили здорово и козаки и татаре, а самъ гетманъ
добре удавалъ пьяного, розойшли ся гости по
своихъ салапахъ.

Тогды старый рубаха Джеджалыкъ точно
узналъ въ чемъ цѣлое дѣло. Онъ узналъ, где
есть корѣнь зла; онъ убѣдился, що Выговскій
уже наведетъ на Украину всякіи ужасы и кро-
вопролитія; а зналъ онъ добре, що татарскій
нападъ кончится не только ужаснымъ кровопро-
литіемъ, но и совершеннымъ разореніемъ области,
въ которой приходится воевати татарамъ. Онъ
видѣлъ только одно спасеніе, такъ якъ Москва
была далеко, а двѣ орды татарскіи дуже а дуже
близко. Онъ простымъ, татарскимъ судопроизвод-
ствомъ рѣшилъ ся спасти Украину отъ грозя-
щихъ ей ужасовъ. Вооруженъ козацкимъ рати-
щемъ, войшолъ онъ тихо въ спальню Выговско-
го и устроилъ сильною рукою острое оружіе
въ гетмана-измѣнника, лежащего на постели, и ему
здавалось, що онъ гетмана убилъ, для того и
выйшовши изъ спальни крикнулъ гордо: „Ле-
житъ собака, що кровь козацкую Ляхамъ та Та-
тарамъ продаетъ! У чорта теперь гроши числи-
ти будешъ!“... Однакъ и теперь не оставило сча-
стье измѣнника; Выговскій еще не спалъ, но ко-
рыстаючи изъ темноты ночи усунулъ ся изъ по-
стели на землю и такимъ способомъ спасъ свою
жизнь. Що ся съ Джеджаликомъ стало, не зна-
емъ; а знаемъ только, що о немъ больше не упо-
минаетъ козацкая лѣтопись. Слѣдовательно пред-
положеніе дуже вѣроятно, що Выговскій изъ чи-
стой благодарности своему старому товаришу
улекшилъ переходъ на другій свѣтъ. — А цѣлое
событіе свѣдчитъ явно о скверныхъ замыслахъ,
о явной измѣнѣ Выговского. Не защищаемъ

убійства, хотя и признаемся, що вина Джеджалика не велика, такъ якъ онъ не дѣлалъ изъ корыстолюбія или мести. Дармо еще 1. апрѣля писалъ Пушкаръ воеводѣ путивельскому и просилъ его, бы передалъ въ Москву вѣсть, що Иванъ Выговскій и не думаетъ ѣхати въ столицу его пресвѣтлого величества; бо онъ уже своихъ пословъ повыправлялъ: до Турковъ, до Хана крымского, а письма свои до Татаръ и до Поляковъ выслалъ.

Вѣсть о братанью Выговского съ Татарами за непокоила народъ, который и такъ не любилъ гетмана. Вѣсть та дойшла скоро и до Кіева. Полковникъ паволовскій Суличичъ самъ увѣдомилъ Кіевского воеводу о тѣмъ, що Выговскій соединяется съ Татарами и съ Поляками. Въ Кіевъ приходили вѣсти изъ всѣхъ сторонъ, що Татары прійшли до гетмана, що и Ляхи скоро прійдутъ; почнуть снова церкви наши руиновати, а людей нашихъ у полонъ гонити. До воеводы кіевского Бутурлина приходили численни письма съ прошеніемъ, бы царь прислалъ войско свое на помочь Пушкарю, бы боронилъ Украину, бо татарскіи и ляцкіи войска нападуть и на царскіи области.

Приходили однакъ и письма, що причиною всякихъ бѣдствій есть Пушкаръ. Бутурлинъ доложилъ въ Москвѣ о всемъ, но тамъ снова не могли рѣшиться, бо не знали кому вѣрити. Дармо писалъ Пушкаръ, що даже пріятели гетмана и самъ Хмельницкій пишетъ о явной измѣнѣ Выговского.

Но Выговскій еще не выступилъ открыто, бо жилъ еще Пушкаръ, его опаснѣйшій непріятель. Онъ выдумалъ новую хитрость, бы обманути Москву: Онъ выслалъ извѣстнаго генеральнаго судію, послѣ полковника Лѣсницкого, бы своимъ именемъ его въ Москвѣ защишалъ. Лѣсницкій, человекъ опытный и якъ на козака довольно просвѣщенный поѣхалъ, бы именемъ гетмана стати передъ лицомъ его величества. Въ слѣдъ

за нимъ и на помочь ему прїѣхали и другіи прїятели Выговского, именно полковники Бережедкій и извѣстный Богунъ. Они увѣряли боярѣ, що призвали Татаръ для наглої потреби; бо если бы были Татары не прїйшли были бы бунтовщики убили гетмана и зруйновали весь край. (Ложь и клевета!) — Они дальше, абы Пушкаря очернить, не соромили ся заявити, що Пушкарь уже porozумѣлся съ Татарами, Поляками Шведами, Уграми, Волохами и пр., бы спустошити Украину и цѣлое царство. Хитрецъ Лѣсницкій просилъ именемъ гетмана и войска запорожского о присланье комисарей для упорядкованья козацкихъ реестровъ (того Москва ждала!). Со- временно просилъ о присланье воеводъ и войска въ Бѣлую-цорковъ, Корсунь, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ. (Власне на тое ждали только въ Москвѣ.) Лѣсницкій просячи о тое, прибавилъ: „о тое гетманъ и все войско запорожское челомъ бьетъ..“ бо толькo тымъ можна бунтъ сдусити. (фарисеи — обманщики). На конецъ прибавилъ еще отпоручникъ и заступникъ гетмана: „если великій государь схочетъ и по другимъ городамъ воеводъ съ войскомъ постановити, то еще лучше, спокойнѣйше будетъ...“ Понятно, що снова въ Москвѣ принято посольство благосклонно, а Лѣсницкій абы еще больше докорити Пушкарю, предложилъ именемъ молодого Хмельницкого покорную жалобу, що Козаки Пушкаря граблять въ имѣніяхъ его и убиваютъ безошадно его людей или берутъ въ неволю, и просилъ о освобожденіе изъ неволи невинныхъ.

Мимо всей, добре обдуманной хитрости въ Москвѣ начали сомнѣватися о вѣрности гетмана, для того и рѣшили выслати стольника Скуратова къ Выговскому съ приказомъ, бы вѣрно слѣдилъ всѣ дѣла и постановленія гетмана.

Въ хвили, коли Выговскій все пригото- вилъ, бы Пушкарю задати послѣдній ударъ

пріѣхаль царскій посланникъ и засталъ Выговского въ Полтавѣ. Понятно, що Выговскій не былъ доволенъ его пріѣздомъ, що принялъ его холодно, хотя Скутаровъ умѣлъ удержати свою повагу и передъ гетманомъ и передъ козацкими полковниками. Все таки Выговскій изъ легко понятной досады хотѣлъ всякими способами освободиться отъ царского посланника. Но тотъ заявилъ рѣшительно, що останется по повелѣнію государя, при боцѣ гетмана и убѣдится о причинѣ несогласія въ козацкой области. Скутаровъ передалъ гетману два письма отъ государя съ поздравленіемъ для гетмана и всего запорожского войска. Одно письмо перечиталъ гетманъ самъ и скрылъ его передъ полковниками и козаками. Дальше сообщилъ Скутаровъ гетману и полковникамъ, що подобни письма отправлены Пушкарю и Барабашу, обомъ приказано бы повиновалися законному гетману, бы другъ друга любили и поважали; а если Пушкаръ и Барабашъ не повинуются, тогда государь ихъ накажетъ. Тое вполне лояльное заявленіе не могло подобаться Выговскому, для того онъ нарушая даже должное приличіе и вѣжливость началъ съ досадою нарѣкати на московское правительство. За Польщи, казалъ онъ намъ довѣряли; а якъ прислали надзирателей, начали ся бунты и надзирателей убили. То значить, що и тобѣ то можетъ приключиться. Еще дальше тягнулъ озлобленный гетманъ и нарѣкалъ, що на основаніи договора царь переписуется только съ гетманомъ, а не съ полковниками; царь поробилъ съ полковниковъ гетмановъ, и въ томъ лежитъ причина несогласія и бунтовъ!

Намъ однакъ достаточно извѣстно, що власне царь въ ничемъ не нарушалъ договоровъ и терпѣлъ Выговскому долше, чѣмъ былъ обязанъ.

Правдива причина негодованія Выговского лежала въ тѣмъ, що царскій посланникъ не го-

диль ся на намѣреніе гетмана, безъ проволоки на Пушкаря напасти и его огнемъ и мечемъ нищити; для того Выговскій дерзко заявилъ, що не перестанеть, доки Пушкарь или его голова не будетъ въ его рукахъ. Впрочемъ Выговскому уже не было якъ ждати на отвѣтъ Пушкаря, такъ якъ орда татарская прибывшая ему въ помочъ находила ся уже на Украинѣ. Не уважая на дальшіи постановленія Скуратова, оставилъ его Выговскій въ Голтвѣ, а самъ рушилъ подъ Полтаву.

Скуратовъ въ Голтвѣ наочно убѣдился, що козацкая чернь въ самомъ полку гетманьскомъ спріяла явно Пушкарю а не Выговскому, а многіи изъ козаковъ не хотѣли брати участія въ походѣ противъ Пушкаря, крестьяне же просили посланника о воеводѣ и войско въ помочъ Пушкареви. Дармо писалъ Выговскій и письма въ Запороже, въ которыхъ прямо бунтовалъ козацкую чернь противъ своего начальства, говорячи, що только у него правдивыи письма государя, а ихніи начальники тѣлько обманють козаковъ запорожскихъ; но запорожцы давно ему уже не вѣрили.

И Скуратовъ не внималъ остереженіямъ, що въ походѣ противъ Пушкаря его жизнь выставлена на опасность; и оставилъ Голтву и явился въ самъ часъ полтавской битвы въ таборѣ Выговского. Вернулись и посланники Выговского: Лѣсницкій, Бережецкій и Богунъ съ Москвы и увѣряли его о благоволенію царя къ нему и довѣрію къ Пушкарю. но и то не повзддержало гетмана отъ его лукавого намѣренія. Война рѣшительная съ Пушкаремъ стала ся для него неизбѣжимою. Болтовня его и обвиненія русскаго правительства лишени были всякаго основанія, на противъ оно было въ полномъ правѣ не довѣрять Выговскому, который дерзко нарушалъ договоры, хитрилъ и безлично обманювалъ тыхъ, котрымъ присягалъ вѣрность. Требованье, бы пра-

вительство отдало Пушкаря и Барабаша, оказавшихъ полную лояльность и вѣрность было бы преступленіемъ непростительнымъ. Впрочемъ и то бы не помогло, такъ якъ измѣна его была уже исполнена и довершена; онъ бо пригласилъ уже дикихъ враговъ, съ которыми стисло соединился, въ предѣлы государства и наразилъ народъ и край на бѣдствія, якіи имѣли нанести дикіи татары цѣлой области. Онъ сталъ преступникомъ, онъ сталъ измѣнникомъ явнымъ, за що его ожидало и заслуженное наказаніе. Онъ уже не мѣгъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ, бо уже розходило ся о его жизнь; онъ бо вполне заслужилъ на смертную казнь. — Тутъ для извиненія и оправданія не было уже мѣста.

Въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца мая былъ уже гетманъ подъ Полтавою. Онъ высунулъ напередъ Нѣмцовъ, которымъ довѣрялъ, а Татаръ скрылъ въ „Соколячемъ Байрацѣ.“ Послѣ приказалъ на большій горбокъ подъ самою Полтавою высунути великіи возы, бы ихъ изъ города видно; была то хитрость, которая принесла ему полный успѣхъ. Такъ насталъ роковый день (1. Юня 1658) полтавскій. Кромѣ великихъ, наполненныхъ — такъ здавало ся — продовольствіемъ воевъ, видно было только малыи отдѣлы козацкаго войска. Военная сила Пушкаря была правда значна, однакъ великаа часть его воиновъ была слабо вооружена; были то извѣстные намъ уже дейники (дручкари). Тыи неопытныи добровольцы, узрѣвши передъ всею возы и не численне войско, требовали отъ полковника, бы имъ позволилъ напасти на врага, которого они и съ легкостію разбити надѣялись; однако опытный полковникъ хотѣлъ прежде всего близше узнати о силѣ непріятельской, для того не скоро рѣшилъ ся на напасть, бо было и певнѣйшимъ защищати ся, чѣмъ нападати на войско, не знаючи ни его числа ни положенія. Однакъ голодные дейники

поднесли дикій ропоть и грозили бунтомъ, называячи даже трусомъ своего любимца полковника; котрый наконецъ и не оперся дерзкому требованью голоты. Дейники побѣгли въ направленію воевъ, розбили станувшій имъ въ дорожѣ малый отдѣлъ нѣмецкихъ козаковъ и напали съ жадностію на возы. Тутъ оказалась ся дуже обильна и привлекательная добычъ; на возѣ бо были великіи бочки съ доброю водкою, которую и храбрій герои взяли яко надгороду за ихъ доблестный подвигъ. Лѣтописецъ же пишетъ: „Тутъ не надѣяли ся они конца своему счастью.“ — А коли въ коротцѣ и другій отдѣлъ непріятельскій они доблестно отбили, уважали они уже вполне справедливо козацкіи лакотки за свою собственность и начали божими дарами съ великимъ удовольствіемъ наслаждаться. Бѣдолахи и не подумали що то была только ловушка, заставлена голоднымъ, абы ихъ погубити! — Такъ оказалъ ся Выговскій вполне опытнымъ и способнымъ, якъ мы то и выше замѣтили. Понятно, що дейники — не любившіи грѣшити тверезостію, мертвецки запытыи скоро, и то безъ сопротивленія, остались порубани татарскими саблями. Современно начала ся лютая война подъ стѣнами Полтавы. Выговскій посылалъ чѣмъ разъ бѣльшіи отдѣлы козацкіи, но скоро перемѣнила ся битва въ страшную рѣзню, такъ яки до теперъ скрытыи татаре прилетѣли якъ саранча и окружили Пушкаря и его вѣрныхъ. Въ разгарѣ ужасной рѣзни удалился недостойный Барабашъ, навѣрно бы спасти свою жизнь. А окруженный изъ всѣхъ сторонъ Пушкаръ защищался храбро и передавалъ голосно приказы своимъ вѣрнымъ товаришамъ. Въ тую минуту втиснулъ ся козакъ въ толпу окружающую полковника и сильнымъ ударомъ отрубалъ Пушкарю голову, абы ю отдати, разумѣется за добрую заплату, Выговскому. Такъ вполне

осягнулъ свою цѣль измѣнникъ, отнесъ побѣду; хотя и виновникомъ мерзкаго скрытоубійства не былъ добре заплаченный козакъ. Войско Пушкаря по трагичной смерти вождя не устояло передъ сильнымъ напоромъ соединенныхъ вражескихъ силъ, такъ какъ по смерти Пушкаря и бѣгству Барабаша не найшолъ ся никто; кто бы обнялъ начальство. Знаменательнымъ для характеристики то, что изъ пушкаревыхъ недобитковъ никто не перейшолъ подъ команду измѣнниковъ; они частью ушли на Сѣчь, а частью пошли служить радо русскому государю...

Выговскій правда увѣрялъ Скуратова, что какъ только будетъ голова Пушкаря въ его рукахъ, послѣдуетъ ла Украинѣ непремѣнно ладъ и покой. Предсказанія однакъ не исполнилися, а были бы навѣрно послѣдовали, если бы царь и бояре меньше вѣрили и спріяли Выговскому, чѣмъ Пушкарю!

Мѣсто лада наступили всякіи ужасы татарскаго нападенія. Хорошая и видно цвѣтушая Полтава, которая не видѣла въ своихъ стѣнахъ черезъ сорокъ и девять лѣтъ непріяеля, была татарами розграблена и почти цѣла сожжена-такъ, что снова полныхъ сорокъ лѣтъ нужно было ждати, бы снова видно зацвила. Села и другіи города и городки потерпѣли тую самую участь. Тысячи мирныхъ и бѣдныхъ жителей гнали татары въ плѣнъ вмѣстѣ съ добыткомъ и всемъ, что двигати могли, взяли милые союзники съ собою. Правда, что не долго, радовалися Выговскаго гости добре заслуженнымъ полономъ, бо самыи козаки, ихъ союзники, давнымъ своимъ обычаемъ, нападали на отдѣльно вертающихся въ Крѣмъ и силою выдирали имъ ихъ добычъ. А самъ ханъ не гнѣвалъ ся на Выговскаго, такъ какъ не онъ былъ того виновникомъ, а только

самоволя козацкая. Впрочемъ умѣлъ и Выговскій одобрить татаръ и снова завязати съ ними щирую пріязнь, такъ какъ и Татары добре знали, что пріязнь козаковъ для нихъ неоцѣнена. Они бо добре знали, что Соединенная Русь то ножъ у горла татарскаго! А если имъ ся удало розъединить Русь, были они вполне счастливы и спокойны о свою будущность!

4. Гадяцкая угода. (8. Сент. 1658. г.)

Незвычайно хитрый и способный Выговскій умѣлъ не только относити побѣды, но зналъ и порядочно воспользоватись ними. Тутъ энергія была необходима, которую онъ и указалъ. Съ Татарами безъ великаго труда перепросился и дальшую ихъ помочъ собѣ обеспечилъ. На самой Украинѣ же ненайшолся по печальной смерти Пушкаря никто, кто бы посмѣлъ итти его слѣдами. Барабашъ, атаманъ запорожскій въ полтавской битвѣ оказалъ ся неспособнымъ, хотя и его бѣгство могло быти оправданнымъ. Полковники, спріяючи Пушкареви по неволи перейшли на сторону Выговского, или потеряли свой урядъ: Такъ лубеньскій полковникъ Швець, пріятель Выговского, сталъ подъ напоромъ козаковъ сторонникомъ Пушкаря. Однакъ полковникъ Гуляницкій напалъ на Лубны, прогналъ мнимого измѣнника, а козаковъ его насиліемъ перетягнулъ на сторону Выговского. Козаки же полку Миргородского, на вѣсть о происшествіяхъ въ Лубнахъ, увязнили своего полковника Довгаля, избрали Козла и оголосили, що они стоятъ по сторонѣ Выговского. И Гадячъ поддался Гуляницкому, такъ що теперь всѣ полки реестровы стояли по сторонѣ Выговского; а даже дейники, которы находили ся въ каждомъ полку, кидали свои дручки и про-

силы ласки гетмана, жалуючи ся на своихъ полковниковъ, хотя скрыто не терпѣли гетмана.

Только Скуратовъ не ишолъ на руку Выговскому, которому по полтавской битвѣ рѣшительно заявилъ, що при немъ и дальше оставатись будетъ. Не помогли замѣчанія и представленія Выговского, который не щадилъ нарѣканій, ни представленій, и то чѣмъ разъ бѣльше дерзкихъ. На замѣчаніе Выговского, що на его письма Москва даже не отвѣчаетъ, а еге посланниковъ вязнить, отвѣтилъ справедливо царскій посланникъ, що онъ самъ доручилъ гетману отвѣтъ на его письма, а посланцы его остави для своихъ дѣлъ долше въ Москвѣ, но всѣ вернули здорово назадъ домовъ. Выговскій позволѣлъ собѣ сдѣлать даже упрекъ, що подъ Польщою козакамъ было лучше, якъ подъ великимъ царемъ; „и намъ будетъ лучше, додалъ, якъ снова будемъ подъ Польщою“. Не тяжко прїйшло Скуратови доказати противное... и опровергнути явную ложь, що будь царь и бояре рѣшительно стояли по сторонѣ Пушкаря и помагали ему, що и было причиною бунтовъ на Украинѣ.

По дорозѣ стрѣтили они козака, посланника отъ полковника Бѣло-церковского съ увѣдомленіемъ, що царскіи воеводы входятъ съ войскомъ въ украинскіи города. На тую вѣсть лукавство и злоба Выговского перейшла всякій предѣли приличія. Онъ зачалъ кричати и ругати воеводъ и бояръ. „На чорта намъ бояръ и воеводъ, они бо тѣлько вызываютъ бунты и колотню!“ Но коли Скуратовъ поважно замѣтилъ, що Выговскій самъ и чрезъ своихъ посланниковъ Лѣсницкого Бережецкого и Богуна просилъ о воеводѣ и войско, означилъ даже города, въ которыхъ они перебивати мають, рѣзко заявилъ гетманъ, що онъ николи о воеводѣ не просилъ, онъ только просилъ о 1000 драгунъ, бы подъ его комендою помогли ему покорити бунтовщиковъ. Выговскій загнался въ своей дерзости такъ.

далеко, що даже царя обвиняль, що помагаєть бунтовщикамъ противъ законного гетмана; „такъ говорилъ онъ дальше, и подѣ Полтавою помагали московскіи войны Пушкареви противъ насъ.“ Хотя и Выговскій и Скуратовъ знали точно, що то ложь, которую Скуратовъ опровергнуль, но упрямства Выговского не можно было усмирить. Такъ въ безустанныхъ спорахъ доѣхали оба до Чигирина, де Скуратовъ домогался, бы ему опредѣлено квартиру близко гетмановаго двора, бо ему часто съ нимъ сносити ся прійдетъ. Выговскій не радо на то согласился, однакъ своимъ дальшимъ поведеніемъ перекональ Скуратова, що онъ въ дѣйствительности не признаєть переяславского договора; що онъ есть даже явнымъ непріятелемъ Москвы и царя. Онъ бо принималъ явно и безъ церемонно и польскихъ и татарскихъ посланниковъ, и посылалъ явно письма и посольства въ Польшу и въ Крымъ, хотя то ему на основанію переяславского договора было недозволено. А коли Скуратовъ взывалъ гетмана къ себѣ, бы оправдалъ свое поведеніе, тотъ не прійшолъ, но переказалъ що татары его защищати будутъ передъ московскими шпіонами!.. Тая грубость гетмана была явною обидою, такъ якъ царскій посланникъ чувствовалъ себе оскорбленнымъ и наконецъ переконался, що его посланничество кончено, а то тѣмъ бѣльше, якъ Выговскій заявилъ, що онъ въ Украинѣ московскихъ воеводъ терпѣти не будетъ и ихъ силою прожинетъ. Пріѣхалъ наконецъ въ Чигиринъ и панъ Стрѣлковскій и заявилъ, що не за долго прійдетъ яко посланникъ извѣстный уже козакамъ панъ Янъ Бинѣвскій съ условіями договора — угоды, которы козаки навѣрно радо пріймутъ.

Правду сказавши: Выговскому не было уже другого выхода, хотя не разъ еще онъ торжественно заявляль своими посланниками, свою

вѣрность и щиру приданность въ Москвѣ; но ему уже не вѣрили.

Было то явно, що онъ уже связанъ и съ Татарами и съ Поляками, и взялъ за тое добрыи гроши; такъ якъ такій договоръ не толькѣ Татарамъ и Полякамъ запевнялъ великіи корысти, но и Старшинѣ козацкой казался дуже выгоднымъ!

Скуратовъ пріѣхалъ въ Чигиринъ 17. Юня, а въ мѣсяцѣ Юлѣ его уже въ Чигиринѣ не было; ему бо вполне ясно стало що Выговскій затѣваетъ. Грубость его и его пріятелей, Богуна и Лѣсницкого, были явнымъ доказательствомъ, що они уже сорвали связи съ Москвою и готовились до рѣшительной росправы. Было и очевидно, що скоро начнутъ ся высказаны грозбы переводити въ дѣло. И въ дѣйствительности измѣна Выговского скоро вызвала явный бунтъ, отвертую войну противъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ. И не Москва, но Выговскій отвѣчательный за кровопролитія и всякіи ужасы войны, которы и скоро послѣдовали.

Скуратовъ доложилъ конечно въ Москвѣ о опасномъ положеніи... Украины, онъ конечно вѣрно предложилъ дѣла, для того и правительство распочало приготовленія къ необходимой защитѣ. Кіевскій воевода Вутурлинъ, котрый оказалъ ся мягкимъ и нерѣшительнымъ уступилъ, а его мѣсто занялъ твердшій и рѣшительнѣйшій Шереметевъ. Въ самой Украинѣ былъ только одинъ царскій воевода, извѣстный намъ уже князь Ромодановскій, и то съ малымъ числомъ войска. Являла ся затѣмъ конечность, выслати и въ Кіевъ и Ромадоновскому подкрѣпленія, такъ якъ они были безсильни во виду соединенного козацтва, котрымъ и Татары и Поляки навѣрно принесутъ помочъ. Еще теперъ писалъ Выговскій письма въ Москву, на имя царя и обвинялъ и Ромодановского и Шереметева, що они не повинуются ему, единсму управителю края: „Не можъ жити

инакше, якъ оточивши себе Татарами“ говорилъ гетманъ и писалъ свои жалобы, увѣряючи о своей вѣрности. — А якая то была вѣрность — узнаемъ заразъ: Миргородскій полковникъ Козель одержалъ приказъ, бы цѣлою своею силою ударилъ на Ромодановского, якъ на явного ворага. Хорошая вѣрность царю!!

Ромодановскій, который съ горсткою своего войска не былъ въ состояніи мѣрится съ ватагою козацкою, а можетъ быти и татарскою, на разѣ уступилъ и ожидалъ обѣщаннаго ему подкрѣпленія. И Шереметеву готовилъ Выговскій подобную участь, а можетъ быти еще бѣльшую, такъ якъ его за его дѣятельность ненавидѣлъ видно гетманъ всею душою.

Тымъ часомъ былъ на 10. Юля въ Польшѣ созванный соймъ. Здавалось, що Польша наконецъ вступила на дорогу правую, на дорогу щирого порозумѣнія съ великимъ и благороднымъ сосѣдомъ, который спасъ ю отъ великой опасности, грозившей ей отъ шведского напада. Въ универсалѣ королевскомъ, созывающемъ соймъ было съ удареніемъ намѣчено, що: „намъ ничего бѣльше не бажати, якъ щирого соединенія съ царемъ московскимъ!“ Договоръ виленскій уже былъ началомъ согласія межи двома братными народами, а согласіе тое должно быти важнымъ; такъ якъ оба выйшли изъ одного жерела славянской крови и мають точно однаковыи; вѣру, языкъ и обычаи!“

Можетъ быти, що намѣренія короля были и щиры, бо онъ уже много пережилъ и досвѣдчилъ; онъ могъ легко дойти до переконанья, що только щирый союзъ съ великимъ царемъ забезпечить Польшѣ прочный миръ и дать ей всякіи условія, конечный для прочного мира, а тымъ самымъ для культурного прогреса. Замѣчательно и то, що своимъ универсаломъ далъ король сво-

имъ подданнымъ явныи указанія и объявилъ убѣжденіе, що не римско-іезуитская политика, которая приносила и приносить Польщѣ тѣлько минутныи успѣхи, а политика христіаньская, опертая на славянъской взаимности и любвѣ, принесетъ ей явную и прочну пользу. Жаль только, що королевская власть въ Польщѣ была ничтожна, и соймы рѣшали такъ, якъ шляхтѣ, а не королю и державѣ, было удобнѣйшимъ.

Выговскій, вѣроятно опираючи ся на пословицу: „коня куютъ, а жаба ноги наставляетъ“, выслалъ своихъ делегатовъ на польскій соймъ. Вѣдь и то было и явное и дерзкое нарушеніе переяславского договора; а не уважаючи на то, посольство козацкое было для шляхты польской милѣйшимъ, бо давало ей бѣльшіи корысти.

Правда, що и польскіи паны не смѣли брати явно въ защиту козацкой дерзости и безъ всякого сопротивленія согласили ся на требованіе царскихъ посланниковъ, бы козаковъ удалить изъ польского сойма, такъ якъ они — яко подданы, не мають права переговорювати съ иностранными державами. Козаковъ выведено изъ сойма и отведено на передмѣстье; но все таки съ ними пересправляли польскіи паны и представляли ихъ даже королю, которому козаки рѣзко представляли свои требованія. На помочь Носячу, предводителю козацкого посольства пріѣхалъ скоро и полковникъ Тетеря, явный и щирый дріатель поляковъ. Соймъ скоро, будто по причинѣ якихъ тамъ заразливыхъ хоробъ, розвязался. Царскіи посланники уѣхали съ ничемъ; за то козацкое посольство добило торгу съ польскими панами, що и довело до заключеніе интересного договора, принесшого однакъ тѣлько вредъ и позоръ. Помагали козакамъ усердно и польскіи паны, а именно добре намъ извѣстный Бинѣвскій, Вороничъ, Стрѣлковскій, Еляшевскій и пр., которые и успѣшно агитовали межи сенаторами и панами, и перенятыхъ скверною рим-

ско-іезуитскою политикою съ легкостію переконали, що присяга изъ конечности, и то дана шизматикамъ никого не вяжетъ. Впрочемъ слѣдуетъ козакамъ якъ наибѣльше пріобѣдяти, бы ихъ къ себѣ склонити; „а якъ послѣ возмемъ въ нашіи твердыи руки, то имъ и отхочется, они забудутъ на тьи условія!!“ — Хорошая этика!

Много помагалъ Выговскому и козакамъ въ той отвратительной работѣ жившій тогда въ Чигиринѣ львовскій мѣщанинъ грекъ, Теодосій Томкевичъ, ѣздившій безустанно изъ Чигирина въ Варшаву и изъ Варшавы въ Чигиринъ, яко посредникъ межи Выговскимъ и Бинѣвскимъ.

Уже давнѣйше (еще весною 1658 г.) писалъ Бинѣвскій, що вражда межи козаками и москалями его заходами побольшаетъ ся, и надѣятися належитъ, ще уже скоро прійдетъ до щирого porozumѣння и союза съ козаками. — А уже около половины мѣсяца юня выслалъ Выговскій щирого пріятеля Польщи, Тетерю къ Бинѣвскому съ письмомъ, въ которомъ и писалъ: „що зрѣкается союза (спѣлки) съ царемъ, и радо будетъ съ Татарами на царя бити, якъ только окажется того потреба. Вѣдь то уже не только измѣна, но и явный бунтъ; а предцѣнь дождалъ ся, якъ ниже узнаемъ, Выговскій не только защиты, но и явного славословія! (Стыдно!).

Заразъ по польскомъ соймѣ выслалъ Выговскій универсалы къ всѣмъ козацкимъ полкамъ и приказалъ имъ вооружатися и быти готовыми, такъ якъ ворогъ сближается. А въ томъ самомъ часѣ посольствами и письмами объявлялъ Москвѣ, що онъ вѣрно стоитъ и при союзѣ, заключеномъ въ Переяславлѣ, все таки онъ обавлялся, що въ Москвѣ узнають точно о его лукавыхъ замыслахъ и вышлютъ противъ козаковъ царское войско. Для того и приготавлился на

тотъ случай и выслалъ извѣстны намъ уже универсалы къ всѣмъ козацкимъ полкамъ.

Въ Москвѣ же по польскомъ соймѣ завладѣло мнѣніе, опертое и на заявленіяхъ Выговского, що Поляки сорвали соймъ, бы зыскати на часѣ, и що не козаки Поляковъ, но Поляки баламутятъ козаковъ и стараются перетягнути ихъ на свою сторону, — хотя непокои на Украинѣ были въ Москвѣ извѣстни. — Що въ августѣ еще спріяли и довѣряли въ Москвѣ Выговскому, на то есть вѣрни доказательства: Въ Чигиринѣ бо пріѣхалъ 9. августа царскій посланникъ, поддчій Яковъ Портомоинъ, съ богатыми подарками и съ ласкавымъ письмомъ царскимъ къ гетману. Въ письмѣ хвалилъ царь вѣрность Выговского и взываетъ его и козакавъ, бы не вѣрили лукавымъ проклямаціямъ польскимъ, котрыми чернятъ бояръ и воеводъ царскихъ, подстрекають и намавляють до бунту, бы вызвати на Украинѣ вражду и несогласіе.

Скоро однакъ переконался царскій посланникъ, що тутъ уже другій вѣтеръ вѣетъ. Гетманъ правда принялъ подарки и заявилъ на лестни слова посланника, що радо служитъ царевѣ, но заразъ распочалъ совсѣмъ другую пѣсню: „Пишутъ мнѣ, говорилъ онъ, полковники, сотники и асаулы розличныхъ нашихъ полковъ, що прислано на Украину воеводу Василя Борисовича Шереметева и князя Ромодановского, бы мене сгладити! Пишутъ мнѣ, що люди Ромодановского убиваютъ нашихъ людей, или ихъ грабятъ. Самъ князь принялъ до своего полку Барабаша, Лукаша и другихъ моихъ враговъ. А коли я просилъ на Пушкаря помочи, царь не далъ; а коли я самъ упорался съ Пушкаремъ, царь сталъ помагати его дейникамъ, бы новыи вызвати бунты. Не буду уже ждати на царскихъ военныхъ людей, но пойду съ поляками за Днѣпръ, и разомъ съ Татарами пойду на цар-

ское войско, если прійдетъ на Украину. Вышлю своего брата Данила въ Кіевъ, бы выгнати Шереметева и уничтожити укрѣпленія, сдѣланіе по приказу его царского величества!“ Не помогли спокойніе представленія и замѣчанія посланника; що воеводѣ высылаетъ царь на просьбу гетмана, що всякую самоволю боярѣ и царскихъ воиновъ укараетъ и пр. „А если ты уже, прибавилъ посланникъ, собралъ свое войско и призвалъ татаръ, то значить, що ты ломишь святую заповѣдь и свою присягу!“

На тое отвѣтилъ гетманъ, который не соромился брати царскіи подарки и заявляти и свою замѣчательную вѣрность, коротко: „Много я писалъ и неразъ посылалъ, но теперь только осталось ся мнѣ, ити съ войскомъ та съ Татарами!“

Якъ разъ тогда прислалъ Шереметевъ гонца съ письмомъ къ гетману съ прошеніемъ порозумѣти ся съ нимъ; но Выговскій отказалъ и заявилъ дерзко: „якъ полки соберутся, тогда и разовимся.“

Скоро явился другій гонецъ изъ Москвы, Тюлюбаѣвъ, съ допросомъ, по якой причинѣ вооружаетъ ся козацкое войско, и противъ кого? Но отвѣта не было.

11. августа опустилъ Выговскій Чигиринъ. До Портомоина прійшло шесть человекъ и объявили посланнику, що гетманъ прислалъ ихъ караулить (сторожити) его. Послѣ приведено тамъ и Тюлюбаѣва. Съ начала посланникамъ оставлено свободу размавлиати и отправлиати письма; но уже 30. августа прійшли къ посланникамъ по приказу гетмана мѣщанскій асаулъ съ двумя бурмистрами и многими козаками и взяли ихъ подъ свою особенную опѣку: взяли ихъ кони, поздирали съ нихъ одѣжь и повели въ гетманскій дворъ, а на конецъ ззковали ихъ въ кайданы и приставили большій караулъ. Такъ берегли культурныи козаки международное

пркво! Такъ сидѣли посланники, якъ послѣ оповѣдалъ Портомоинъ, и терпѣли голодъ и всякую нужду. Три недѣли сидѣли они въ кайданахъ. Послѣ ихъ розковано и роздѣлено по дворахъ, где и дальше сидѣли подъ карауломъ.

Все еще московское правительство было справедливымъ, а даже вѣжливымъ; даже съ Барабашемъ ведено слѣдство, бы не прогнѣвати гетмана. Однакъ посѣпакамъ Выговского удалося схватити Барабаша и перевести его въ Переяславль, а послѣ на судъ за Днѣпръ.

И тутъ собралась козацкая рада подъ проводомъ Выговского, где онъ уже явно выяснилъ свои намѣренія, замысли и лукавства. Росходилося теперь ему о то, бы даже умѣренныхъ козакѣвъ подстрекнути противъ царя и Москвы хоть бы ложію, клеветами и обманьствомъ. На радѣ бо оповѣдали, що на Днѣпрѣ схватили козаки московского гонца съ письмомъ къ Шереметеву, въ которомъ приказано ему взяти подъ караулъ измѣнника Выговского съ одномышленниками и отвести его въ Москву. Письмо тое было и отчитано на радѣ. Хотя точно доказано, що то все была ложь и клевета, що гонца нѣкакого не было, а письмо было подроблено (сфалшовано), все таки некультурни козаки, именно явни поплечники Выговского вѣрили или по крайней мѣрѣ удавали, що вѣрятъ тымъ дерзкимъ сплетнямъ. Цѣль бо была осягнута, а подстрекательство противъ Москвы усилилося еще больше, коли самъ гетманъ новую и дерзкую сказалъ ложь и клевету: „Дезертиры изъ московского войска оповѣдали, сказалъ Выговскій, що царь хочетъ выслати на насъ свое войско та выгубити все козацтво, лишивши всего тѣлько десять тысячъ.“ Конечно, що такая вѣсть больно доткнула козацкую чернь, а передъ всѣмъ численныхъ дейниковъ, которые только мечтали о томъ, бы стати правдивыми козаками; бо они покинули свою службу и тяжкій трудъ, бы вести розгульную жизнь. Они,

тыи ненавистники Выговского, стали якъ разъ его наилучшими пріятелями, бо онъ свои слова утвердилъ найпевнѣйшими козацкими доказательствами; выкотивши нисколько бочокъ доброй „горѣлки“. Одушевлени словами доброго гетмана начали они и ненавидѣти „Москалей“ всѣмъ своимъ существомъ, начали нападати и грабити москалей; а то не тѣлько жившихъ на Украирѣ, но и тыхъ которые мирно жили въ предѣлахъ русскаго государства, и то тѣмъ усерднѣйше, що уже за грабежи не карали, но хвалили! (Стыдно и печально!)

Теперь приказалъ Выговскій своему брату Даніилу, которому и придѣлилъ пять полкѣвъ полныхъ, бы ишолъ поспѣшно и тихо взяти Кіевъ и привести Шереметева передъ гетманское обличіе. Нападъ однакъ не удался. Шереметевъ бо отбилъ счастливо нечаянный нападъ, а плѣнныхъ великодушно отпустилъ, бо они были только слѣпымъ орудіемъ гетмана и только съ принужденія ишли на Кіевъ.

Послѣ той неудачи отправился гетманъ на востокъ, въ Гадячъ, будто для поскромленія бунтовщиковъ: а разомъ съ нимъ ишли и его щиріи пріятели, польскіи посланники Бинѣвскій и Ёвляшевскій, съ отдѣломъ польскаго войска и численнии татаре. Польскіи посланники везли ннструкціи для новаго союза принятого уже польскими панами, а навѣрно и богатыи дарунки для гетмана, за его щирую работу.

Въ Москвѣ наконецъ уже добре знали о скверной измѣнѣ гетмана и о его лукавыхъ замыслѣхъ. Знали добре, що Выговскій за далеко зайшолъ, и що вернуться ему не легко, для того и завладѣла въ Москвѣ общая печаль, бо добре тамъ предвидѣли, якіи ужасы и грозы спадуть и на Украину и на русское государство отъ союза козаковъ съ поляками и дикими татарами. Власте для того рѣшено сдѣлати еще одну, можетъ

быти, послѣднюю пробу, бы отвернути кровопролитіе грозящее цѣлому русскому и православному міру.

Рѣшено выслати опытного, а даже козакамъ симпатичного политика, царского дьяка (канцлера) Василия Михайловича Кикина, который уже давнѣйше бывалъ и у Богдана и у Выговского. Онъ явился въ козацкомъ таборѣ 31. августа 1658 г.

Войско козацкое приняло посланника торжественно и отдало ему, яко царскому посланнику приналежную честь, хотя онъ не прійшолъ съ похвалами и дарунками, но съ упрекомъ и выговоромъ для гетмана. Однакъ, якъ надѣялися належало, переговоры не принесли ніякого успѣха. Кикинъ правда поважно пригадалъ Выговскому его присягу на евангеліе, обѣтующую торжественно вѣчную вѣрность государю и предсказалъ заслуженное наказаніе страшного владыки херувимского. „Палець божій, сказалъ онъ, наказалъ уже Тебе въ Кіевѣ, а и дальшая кара непременно послѣдуетъ. Смотри, якіи приготавлиются ужасы для Твоихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ; отправъ татаръ и поляковъ и щиро помирися съ добрымъ государемъ, бо за терпѣнія Руси и православія послѣдуетъ непременно наказаніе!“

За поздно уже было; и бесполезныи всякіи переговоры, бо перемѣна сбывшихъ ся произшествій оказала ся уже немыслимою. Выговскій якъ звичайно лгалъ и клеветалъ на всѣхъ. Онъ жалился, що его врага Барабаша принялъ царь подъ свое покровительство, що Шереметевъ и Ромадановскій, оба они чигають на его жизнь, приглашаютъ къ себѣ, бы его убити. Огъ, — лгалъ Выговскій дальше, — выслалъ я своего брата Данила въ Кіевъ, бы мирно и по дружески порозумѣлся съ Шереметевымъ, но сей послѣдній скрыто и нечаянно на него папалъ и его убилъ!.. (дерзкая клевета).— А Ромодановскій высылаетъ

своихъ воиновъ, грабить и убиваетъ бѣдный православный народъ, нападаетъ на православныя церкви и монастыри и грабить ихъ немилосердно... Болтовня Выговского навѣрно имѣла на цѣли вызвати военное дѣйствіе Москвы, бы могъ послѣ кричати, що не козаки, а Москва нарушила союзъ и договоръ, а козаки только въ своей защитѣ хватили за оружіе.

Кикинъ позналъ, що страшная война распочнется и то скоро. Въ таборѣ козацкомъ распоряжался, якъ въ собственномъ домѣ извѣстный факторъ и шпіонъ Немиричъ, слѣдовательно Кикинъ зналъ добре, чѣмъ все кончится. Заразъ первого дня зайшолъ въ квартиру Кикина полякъ, и заявилъ, що будетъ его товарищемъ; значило то, що Кикинъ стоялъ постоянно подъ польскимъ надзоромъ, бы сохрани Боже не прійшло до порозумѣнія межи козаками и царемъ. Заходилъ къ нему и Богунъ и Немиричъ, и обвиняли Москву, а защищали гетмана. Разъ сказалъ Немиричъ, що гетманъ одержалъ вѣсть, будто Ромодановскій выслалъ своихъ воиновъ въ мѣстечко Борисиполь и велѣлъ тамъ вырѣзати всѣхъ православныхъ христьянъ, и що его полковникъ Курсанъ грабить и мордуетъ православныхъ въ Перелславли; все явны клеветы абы тѣмъ больше огорчити козаковъ противъ москалей. Того рода поплечники гетманьскіи заявляли дерзко Кикину, що татаре домагаются его выдачи, но заявили заразъ, що гетманъ противится, бо хочеть употребити его до устроенья укрѣплений такихъ, якіи царь устроилъ въ Кіевѣ. Даже полковникъ Ковалевскій, извѣстный пріятель Выговского зайшолъ къ Кикину и заявилъ ему, що онъ спріяетъ царю, а такихъ есть много; но гетманъ насиліемъ не пуститъ никого остати ся вѣрнымъ царю. Не знати, чи то была угроза, чи только простыя кпины. Царскій посланняъ ждалъ, бы его уже отпустили, но Выговскій обѣ-

цять „побалакати“ съ полковниками и дати ему окончательный отвѣтъ.

Разъ приглашено Кикина на обѣдъ; онъ отправилъ ся и по дорожѣ замѣтилъ передъ самымъ шатромъ — въ которомъ подавано обѣдъ, челоуѣка обдертого замараного болотомъ, привязаного грубымъ ланцухомъ до каноны: былъ то несчастный Барабашъ, давный сѣчовый атаманъ и „пріятель царя“. Тотъ самый, съ которымъ любезно но хитро переписовался Выговскій, тотъ самый, который своимъ бѣгствомъ улекшилъ подъ Полтавою гетману надъ Пушкаремъ побѣду. Тутъ былъ онъ выставленъ на поруганье, и абы всякого отстрашити отъ вѣрности и симпатіи къ царю.

Кикинъ наконецъ снова требовалъ, бы гетманъ отправилъ и поляковъ и татаръ, и роспустилъ войско: Но Выговскій далъ дерзкій отвѣтъ: „Войска не роспушу, а поляковъ и татаръ еще бѣльше прійдетъ, хочу бо наказати моихъ враговъ и недостойныхъ воеводъ!“ На замѣчаніе Кикина, що не уходитъ самому дѣлати собѣ справедливость; стѣдуетъ зажаленіе предложить государю, а онъ по своей извѣстной справедливости разрѣшитъ цѣлое дѣло... „Мнѣ ніякъ ждати, отрубаль гетманъ, у мене бо великое войско, а прокормленія нѣтъ, мнѣ война конечна, бы содержать численное войско...“ Такъ снова область должна кормити войско!! Чи то не правдивая руина?! На требованье Кикина, бы пождалъ спокойно до разрѣшенія его споровъ; отвѣтилъ гетманъ: „подожду еще три, а на дальшее представленіе Кикина, чптыри недѣли, а долше ждати не могу и не хочу“. „Впрочемъ, прибавилъ гетманъ, и то къ ничему не доведеть: мои бо письма гетманьскіи переймаеть царскій секретарь (думный дьякъ) Алмазь Ивановъ и читаетъ царю докладъ не изъ подлинника, а изъ отписи которую составляетъ, якъ самъ хочеть“.

„Я знаю то добре, бо и я яко писарь пок. Хмельницкого докладалъ ему такъ, якъ я хотѣлъ, соображая, чи то писалъ мой пріятель, чи ворогъ.“

Такъ признался Выговскій до явного обманства; а по его замѣчательному заключенію долженъ былъ и Алмазь Ивановъ быти такимъ самымъ негодаемъ, якимъ былъ Выговскій.

На другій день прійшолъ Немиричъ къ Кикину и призвалъ его до гетмана „на отпущкъ“.

Снова повторилъ требованье гетману, бы отпавилъ татаръ домовъ, но Выговскій заявилъ, що отъ сегодня будетъ ждати на царскій указъ четьри недѣли. А тогды царскій посланникъ уклонился и выйшолъ.

Сотня козаковъ оопровождала его, но не прямою и короткою дорогою, а крутыми дорогами черезъ Миргородъ. А коли удивленный тѣмъ посланникъ спросилъ, що то означаетъ; отвѣтили козаки, що то нарочно, абы его охоронити передъ Татарами. Не знати однакъ, чи то была правда, чи козакамъ тоже росходилося о то, бы зыскати на часѣ. Царское правительство же не пошло на ловушку, не распочало военныхъ дѣйствій, а только терпѣло и спокойно приготовляло ся на всякій случай.

Якъ только оставилъ Кикинъ козацкій таборъ, погналъ Выговскій, обѣцавшій торжественно ждати на рѣшеніе царское четьри недѣли, съ своими пріятелями и съ старшиною козацкою подъ Гадячъ, где прійшло скоро до заключенія формального договора съ польскими посланниками Биневскимъ и Еляшевскимъ.

Тутъ на майданѣ подъ Гадячемъ собралася козацкая Рада. Въ серединѣ майдана засѣла козацкая старшина, вся въ праздничной одежи, съ одзнаками своей власти, съ своими клейнодами. Выговскій съ бунчукомъ въ руцѣ открылъ Раду словами: „Войско запорожское бажаетъ вѣч-

ной згоды и соединенія съ Рѣчію посполитою и хочеть услышати ласкавое слово отъ комисаровъ его королевского величества!“

Комисари поклонились, а Бинёвскій сказалъ :

„Найвысше существо, которое подноситъ и понижаетъ царства, вложило въ наши сердца любовь родиму къ батьковщинѣ; для того то и каждый, де бы онъ и блукалъ, бажаеть вернуться до дому. Отъ теперъ стало ся то съ войскомъ запорожскимъ, которое и свернулось къ его величеству Ивану Казимиру, бажаючи вѣрно-го подданьства и просячи его протекціи собѣ и всему украиньско-русскому народу. Се добре вы робите: дай Боже, щобъ съ того вышло счастье для спольной батьковщины нашої. Уже десять лѣтъ спорять двѣ матери за одну дѣтину, за Украину; два народы, Поляки и Москали. Поляки называютъ ю своимъ плодомъ и членомъ а Москали корыстаючи съ вашой храбрости, съ вашей шабли, бажають чуже собѣ присвоити! Москаль только сѣетъ ненависть межи нами, а дїаволь радуется тому. Однакъ божая благодать тое сдѣлала, що вамъ отворили ся очи, а мы познали, ударивши себе въ груди, грѣхи нашіи и простили одни другимъ нашіи вины. Вы скинули ярмо неволи и повернули до стародавней свободы. Съ якою радостію и любовію услышалъ король вашіи просьбы, розкажуть вамъ тыи, которыхъ вы до насъ прислали. Теперъ прислала насъ цѣлая Рѣчь посполитая, она просить васъ, соединитись съ нами, бы разомъ спасти батьковщину, разомъ славы здобывати и разомъ въ згодѣ любити ся. Вы бо уже испытали и польскую и московскую долю, вы уже зазнали волю и неволю, вы казали, що Полякъ лихій, но теперъ скажете, що Москаль еще гѣршій. А що привлекло народъ украинскій подъ московское ярмо? Кажете, що вѣра; но то неправда, у васъ бо вѣра греческая, а у Моска-

левъ Московская. Впрочемъ они вѣрятъ только то, що имъ царь прикажетъ! Гонятъ вашихъ священниковъ, вашихъ монаховъ, а даже вашихъ епископовъ и митрополита; а предѣльнъ того всего нколи въ Поѣщѣ не бывало. Отняли вамъ вашіи свободы, позаводили кабаки, лычаки и другіи московскіи порядки; не вольно вамъ бѣднымъ ни пива, ни горѣлки, ни вина выпити. Вы давнѣйше свою старшину сами обирали, а теперь вамъ накладываютъ, своихъ на Украину посылаютъ Москалѣвъ, а Украинцевъ гонятъ на бѣлое озеро. Такая неволя, такое тиранство грозитъ вамъ; соединяйтесь съ нами и спасаймо наше всѣмъ оtcество! У насъ зацвитетъ полная свобода; и церкви будутъ блестѣти, и хлѣбробы свободнѣ отъ гнета пановъ, будутъ радо управлять богатую землю, ремѣсникъ спокойно трудиться будетъ, а и купцы богатѣти станутъ. Теперь у насъ всѣмъ оtcевая справа, вы насъ, а мы васъ спасаемъ, а чортяка вязы собѣ скрутить! Отечество къ вамъ отзывается: „я васъ породила а не москаль, я васъ выплекала, выгодовала, для того и будьте правдивыми моими дѣтьми а не вырожденками!...“

Не буду розбирати рѣчь хитрого агитатора и политика; ты самъ мыслящій читатель легко зрозумѣешь, скѣлько въ словахъ Биневскаго правды, а скѣлько лжи, клеветы, крутарства, обманства и фарисейства. И козаки сами на запросъ гетмана крикнула только: „гараздъ говорить!“

Прибавляемъ только, що та великая рада не была великою; была на ней правда старшина, которая на передъ знала, що дальше послѣдуетъ, и она за добрыи дарунки и за бѣльшіи еще обѣщанія согласилася съ Выговскимъ, были може и „дручкари“, готовы впрочемъ на всякую пошлость бы стати козаками.—Простыхъ козаковъ было, мало и они или не розумѣли или не слышали хитрой рѣчи Поляка; а если кто нибудь былъ не согла-

снѣй, тотъ и молчалъ, не хотѣлъ бо на себе стягнути участь бѣднаго Барабаша. Не дивно, що рѣчь такого Бинѣвскаго, котораго сами козаки не давно хотѣли убить, принято безъ возраженій. И не козаки, но самъ гетманъ избралъ изъ каждого полка комисарѣвъ, бы съ польскими комисарями надъ условіями угоды порозумѣли ся.

Въ комисіи были и споры: козаки домогались, бы по уніи и слѣда не осталось, на що на конецъ пристали и польскіи комисари, хотя и представляли, що уніятамъ церквей, монастырей и другихъ имѣній безъ суда и процесовъ отнять не легко. Хотя и козаки добре знали, що унію сдѣлано не для спасенія душъ православныхъ, а тѣлько употреблено яко таранъ до розбитья и ослабленія Руси. Козаки требовали, бы до того новаго княжества присоединено и Подолье и Червоную Русь, вообще всѣ области, которыя давнѣйше были подъ владѣніемъ русскихъ князей. На то уже польскіи комисари пристати не могли, а имъ помогъ извѣстный пріятель Польщи Тетеря, который своимъ крикомъ утихомирилъ козаковъ пословицею; „Покорное теля двѣ коровы ссеть!“ „Годѣтъ ся, казалъ онъ, а будете мати еще больше!“ Вылѣзло и шило изъ мѣшка, коли козаки затребовали для себе польскаго шляхоцтва; польскіи комисари великодушно на то и пристали и согласились, бы изъ каждого полка 100 козаковъ стали польскими шляхтичами. Абы и козацкую чернь утихомирить, согласили ся польскіи паны и на то, щобы и посполитыи козаки (козацкая чернь) могли дослужитись польскаго шляхоцтва.

Такъ що найменьше 1200 новыхъ польскихъ шляхтичей мало на разѣ участвити новое украинско-русское княжество, или другими словами: 1200 козакамъ признано власть бѣдныхъ, но свободныхъ русскихъ хлѣборобѣвъ крестьянъ перемѣнить на крепакѣвъ. Не стыдно, не отворачи-

тельно то, що тыи, которыи продали Полякамъ Украину и еще величалися, що они бороли ся за свободу и независимость Украины, и найшли такихъ, которыи сегодня еще славословять измѣнниковъ!

Угода уже на слѣдующій день была готова и на око казалась быти дуже выгодною для Украины и козаковъ: Украина, нынѣшни губернии: полтавская, черниговская, кievская, восточная часть волыньской и южная часть подольской, добровольно соединилась съ Польшою на правахъ самостоятельного государства подъ названіемъ „Великого княжества русскаго“. Верховная исполнительная власть должна была почивати въ рукахъ гетмана, избранного пожизненно и утвержденного королемъ. Великое русское княжество должно мати свой верховный трибуналъ съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ, своихъ чиновниковъ, свое финансовое управленіе, свою монету, свое войско, состояще изъ 30.000 реестр. козаковъ и 10.000 регулярныхъ. Обѣцано тоже унию уничтожити. Обѣцано завести два университеты: Одинъ въ Кіевѣ, а другій где окажется надобность. Обѣцано завести училища безъ ограниченія числомъ; обѣцано и полную свободу слова, совершенно вольное книгопечатанье.

Наконецъ оставлено гетману право, представляти козаковъ для возведенія ихъ въ шляхецкое достоинство съ тѣмъ, чтобы число ихъ изъ каждого полка не было выше ста человекъ.

Снова посыпалися дарунки и польскіи червонцы межи старшину козацкую и посполитыхъ, но преданныхъ гетману; а потомъ съ необычайнымъ поспѣхомъ помчали польскіи посланники съ делегатами въ Варшаву, где скоро и король и польскіи паны условія угоды козацкой утвердили торжественною присягою; однакъ съ силь-

нымъ постановленіемъ не додержати ни одного заприсяженного постановленія, якъ то уже выше отмѣчено. Члены козацкой делигаціи одержали польское шляхоцтво, снова подарки и увѣреніе на дорогу, що теперь лучше будетъ.

Козацкая чернь и украинскій народъ не знали о томъ цѣломъ договорѣ, ихъ на гадяцкой Радѣ почти и не было, а тѣи которые участвовали, хорошо знали, що Польша условій договора не додержитъ; такъ якъ они добре знали возрѣнія Поляковъ на цѣлое дѣло.

Они добре знали, що Польша подъ грозою шведской войны и напада козаковъ въ союзѣ съ Ракоціемъ. подъ угрозою войны съ Россією царскому посланнику Рѣшнину, требовавшему только утвержденія или соблюденія Зборовского договора, дала извѣстный намъ уже отвѣтъ: „что уничтожити унію невозможно, що то требованіе равняется тому, если бы Поляки потребовали въ московскомъ Государствѣ уничтожити греческую вѣру... а съ Хмельницкимъ не стануть миритися не только на основаніи зборовского но и на основаніи Бѣло - церковского договора, и приведутъ козаковъ къ тому положенію, въ якомъ находили ся передъ началомъ междоусобія,“

Чи можъ было надѣяться, бы Поляки, которые теперь находились, и то благодаря Россію и виленьскій договоръ, въ лучшемъ положенію, додержали подобного рода условія?!

И у козаковъ перейшло скоро подхмѣлье, они скоро переконались, що они не обмануволи, но были немилосердно обманены. Начали ся споры; даже Ковалевскій упрекалъ гетмана за его легковѣріе, на що Выговскій далъ отвѣтъ, що ишолъ за совѣтомъ Ковалевского. Козаки собирались ударити на царскіи области, а то въ цѣли злодѣйства и грабежа, которые были имъ на радѣ дозволены; однакъ были рѣшительно отби-

ти, изъ чего слѣдовало, що у царскихъ воеводъ довольно уже было войска. Самъ Выговскій ожидалъ еще царского посланника и надѣялся цѣлое дѣло привести въ ладъ; онъ писалъ даже воеводѣ царскому Долгорукому и увѣряючи о своей вѣрности и приданности, просилъ его о посредничествѣ и протекцію; но одержалъ рѣшительный отказъ. Скоро послѣдовало и полное розчарованіе: Извѣстнаго интриганта и шпиона Немирича, ставшаго начальникомъ регулярныхъ, козаки своими шаблями буквально порубали въ куски; а на Выговского сдѣлали дерзкій нападъ въ его собственной столицѣ; и только постыдное бѣгство спасло его жизнь. Такъ то правдивыи козаки оказали свою благодарность за гадяцкій договоръ. Однакъ Выговскій до послѣдней хвили ожидалъ царского посланника и вѣроятно надѣялъ ся проданную уже Полякамъ и Татарамъ Украину; продати добродушнымъ Москалямъ. Однакъ и онъ дожилъ скоро терпкого розчарованья, бо мѣсто посланника прійшло царское письмо, адресованное „до козацкихъ полковъ“, въ котромъ открыта была вся мерзкая работа и измѣна Выговского. Теперь уже только война могла рѣшити дѣло, которая скоро началась. Угода гадяцкая принесла и Полякамъ и Татарамъ корысти, такъ якъ послѣдовалъ явный роздоръ на Руси. Война была страшная и долголѣтная, послѣдовали вообще ужасныи событія, о котрыхъ розкажемъ въ слѣдующей части.

На теперь застановимся еще побѣжно надъ тымъ короткимъ — бо четырехлѣтнимъ — періодомъ исторіи нашей, — котораго злощасныи послѣдствія тяжкимъ бременемъ до сегодня лежать на судьбѣ русского народа.

5. Замѣтки.

Такъ розказалъ я тобѣ, милый читатель, короткій но важный періодъ нашей отечественной исторіи; предложилъ вѣрный и обстоятельный отчетъ и о высоко патріотическомъ договорѣ переяславскомъ и о постыдной годяцкой угодѣ. За первую належится справедливо честь и нашему славному Богдану и благородному царю Алексѣю Михайловичу; за послѣднюю же належится полное презрѣніе Выговскому и его русскимъ и польскимъ пріятелямъ. Я предложилъ довольно доказательствъ на то, що до послѣдней угоды ни благородная идея, ни добро народа и края, а мерзкій егоизмъ, ординарное корыстолюбіе и алчность единицъ были головными мотивами; впрочемъ оставляю свободный судъ мыслящему читателю.

Все таки домагаться будешь, милый читатель, узнать близшіи и дальшіи причины тыхъ печальныхъ событій, а моею должностію считаю, по силамъ и совѣсти, дати требуемый отвѣтъ.

Главнымъ акторомъ въ нашей трагедіи есть безсомнѣнно Польша и ея политика, слѣдовательно належится ей и первое мѣсто.

Польша одождаетъ свое рождество головно римско-нѣмецкой державѣ и ея политикѣ. На нѣмецкомъ соймѣ явился около 950 г. князь польскій, Мечиславъ, яко нѣмецкій маркграфъ, т. е.

защитникъ предѣловъ нѣмецкого государства и пріятель нѣмецкого народа. Поднесла и возвышила его римско-нѣмецкая политика, и то на основанію извѣстной засады: „divide et impera“ (роздѣляй и владѣй); бо и нужна ей была помощь противъ довольно еще сильной державы чешской. Мечиславъ и его наслѣдники оказались ся вѣрными помочниками и союзниками Нѣмцевъ даже въ иойнахъ съ Чехами-славянами, и близкими родственниками польскими, полабскими Славянами. Поляки скоро и радо перемѣнили обрядъ славянскій, тое достояніе славянскихъ апостоловъ и приняли обрядъ латинскій. Отдалили ся отъ Славянъ и сблизили ся до Нѣмцевъ. Наслѣдникъ Мечислава, Болеславъ храбрый началъ розширять свою маленькую державу на счетъ чешско-славянского государства, и то са помочію и радостію Нѣмцевъ.

Но коли Болеславъ завладѣлъ почти цѣлымъ чешскимъ королевствомъ, Нѣмцы станули въ защитѣ немилыхъ имъ Чеховъ, бо не хотѣли допустить до большой силы Поляковъ: для нихъ бо было найвыгоднѣйшимъ, вызвати межи Чехами и Поляками споры, а тымъ способомъ однихъ и другихъ за чубы держати. Такъ остались и Чехи и Поляки зависыми отъ нѣмецкого государства, нѣмецкими васалами. Снова римское: „divide et impera“ помогло Нѣмцамъ не только удержати несогласіе межи братними народами, но власнѣ и для того удало имъ ся завоевати великую славянскую область и совершенно покорити собѣ полабскихъ Славянъ, властелиновъ той великой и богатой области. Вотъ діавольская, но успѣшная политика. А коли Польша успѣла вытворити большую силу и начала снова розширять ся, тогда снова политика нѣмецко-римская показала великодушно ей цѣль; и Польша, ободрена Нѣмцами и Римомъ, начала успѣшно посувати ся на востокъ, бы тамъ ширити западную культуру, т. е. католическую пропаганду и свое вліяніе. Снова

вызвали Нѣмцы долголѣтнюю войну межи Польщою и Русію, т. е. межи братьями, абы тымъ часомъ пожирати славянскіи народы, котры еще на европейскомъ западѣ животѣли.

Мѣсто въ согласію съ Чехами защищати передъ совершенною загладою славянскую братію, стали Чехи и Поляки орудіями римско-нѣмецкой политики, и причинили ся до ослабленія Славянъ, которы занимали тогды еще большу часть Европы.

Чехи снова поднесли ся подъ наслѣдниками Премислава, а даже въ Нѣмеччиѣ, пользуясь минутными несогласіями и розстройствомъ, одержали большое вліяніе; но скоро Нѣмцы соединились подъ славнымъ Рудольфомъ I и загрозили славному чешскому королю Оттокарю II. Оттокаръ, видячи серіозную опасность, просилъ, молилъ о помочь своихъ братнихъ сосѣдовъ Поляковъ, роздѣленныхъ на удѣльниі княжества. Польша оказалась глухою на мольбы брата Славянина, хотя тотъ просячи ихъ предсказалъ, що — если ему не помогутъ, то и ихъ пожретъ ненасытимая паща нѣмецкая! — (*Ne et vos insatiabilis hiatus Teutorum devoret!*) Предсказанія исполнились, бо и Чехи и Поляки были орудіями и стали жертвою нѣмецкой политики! — Еще разъ Чехи успѣли въ XV. столѣтію поднестися и обнаружить невычайное геройство, благодаря славныхъ: Ивана Гуса, Жижку, двоухъ Прокопьевъ и пр. Но въ Польшѣ былъ тогды кардиналъ Олесъницкій всемогущимъ, и Польша отказала Чехамъ въ помощи. Чехи по геройскихъ подвигахъ пали чрезъ внутренни, Славянамъ — собственниі несогласія и перейшли подъ большую еще зависимость. Сегодня они уже вылѣчени, они бо неразъ уже убѣдились, що только политика, основана на славянской взаимности и любвѣ ихъ спасетъ. А тая нѣмецкая паща сегодня пожираетъ поляковъ, а то въ ихъ старинной колыбели,... а то подъ потомкомъ князя прусского, ихъ давного васала! Поль-

ща, якъ сказано оставила братьей своихъ на жирѣ Теутонамъ, а сама двигала ся на востокъ и подбивала Русь. Дѣло то оказало ся не тяжкимъ, такъ якъ большая часть Руси, тоже благодаря питомое Славянамъ несогласіе, перешла подъ владѣніе Татаръ. Ягайлоны одержали престолъ польскій и увеличили польское государство. Они были бѣльше толерантни (терпѣли другіи вѣроисповѣданія), для того и Польша прійшла до большого значенія. Она пріймала гостинно переслѣдованныхъ за свою вѣру чужинцовъ, а даже была временно склонна, узнати народный костелъ, народное богослуженіе.

Въ XVI. однакъ столѣтію все измѣнило ся: орденъ іезуитовъ, которого головною задачою была борьба въ защитѣ католицизма, а собственно папы, прійшолъ въ Польшу, а послѣ и на Литву и Русь, и тутъ распочалъ свое дѣло. Чрезъ воспитанье молодежи онъ совершенно перемѣнилъ воззрѣнія наслѣдниковъ польскихъ всемогущихъ пановъ; такъ що не только православное дворянство перешло на унію и скоропотомъ на латинство, но и отрѣкло ся своего народа. Пропаганда католицизма стала головною идеею польской политики. А понеже большая часть подданныхъ Рѣчи посполитой належала еще до церкви восточной, распочала ся война долгая и тяжкая, которая наконецъ вызвала отпоръ народныхъ масъ, и тѣ задали чувствительный ударъ сильной еще Рѣчи посполитой. Тымъ часомъ и великая Русь собственными силами освободилася изъ подъ татарского владѣнія и стала до борьбы о православіе и о Русь; такъ якъ русскіи цари принявъ титулъ Государей всея Руси, — а яко наслѣдники византійскихъ царей стали защитниками православія. И та идеѧ отнесла полную побѣду въ переяславскомъ договорѣ (1654 г.). Политика польска, видячи, що латинство не находитъ на Руси симпатіи, попирала унію, бы ослабити Русь и вѣрила въ полный успѣхъ, уповаючи на помощь за-

пада. Помочниками Польши были и крымскіи Татары, которые познали, что только несогласіе на Руси даетъ имъ условія и средства на жизнь; для того и стали они — хотя и добре платными — союзниками политики польской. Татары бо не перестали быть номадами, у нихъ рольничество, промыслъ и торговля мало были развиты, такъ что только грабежъ и война подавали имъ средства до дальшого существованья; для того и сильна, соединенная Русь была, якъ выше сказано, ножемъ у горла татарского. Козаки были въ свое время правдивыми героями, якъ долго высшая идея ихъ одушевляла. Хмельницкій одушевилъ ихъ для войны за вѣру, за православіе и они шли за нимъ и относили славныя побѣды надъ могущественною еще Польщою. Коли однакъ по переяславскомъ договорѣ идея тая стала слабѣти, а даже зникала, козацтво потеряло скоро и головное условіе своего существованья, такъ якъ по переяславскомъ договорѣ уже ніякая православославію и Руси не грозила опасность. Козаки разбились на партіи, и тымъ самымъ сами себе ослабили. Культурности у нихъ оказалось мало, а и мало смысла, бы устроити государственность и ладъ въ великой области, надъ которою переяславскій договоръ призналъ имъ полную автономію. Старшина козацка и шляхта уважала за свой идеаль устройство польское; они слѣдовательно мечтали о томъ, бы только приобрѣсти бѣльше земли, бѣльше крепакѡвъ подданныхъ, бы могли якъ польскіи паны пользоваться извѣстными правами и вести веселую и выгодную жизнь. Для нихъ Польша была идеаломъ и они волѣли быти въ зависимости отъ ней, чѣмъ отъ россійской абсолютной монархіи, которая скорше чи познѣйше прійдетъ съ нею въ столкновение. Тая часть козаковъ, спріяющая Польшѣ довела до гадацкой угоды.

Простыи козаки (посполитыи, или т. з. козацкая чернь) привыкли до военного житья; кро-

вопролитіе, грабежи и убійства были ихъ привычнымъ занятіемъ, они бо жили чужимъ трудомъ. У нихъ извѣстная уже намъ засада: „война сама себе кормить“ до того довела, що бѣднѣйшій хлѣборобы и мѣщане принуждены были имъ всякое продовольствіе и прокормленіе давати. Въ часъ войны было ихъ существованье понятно, но въ покою они оказались ся излишними, бо были только тягаромъ робучого народа. Они для того охотно причиняли ся до всякихъ непокоевъ и несогласій, для того и были головною причиною войны, которая — якъ знаемъ — головно мѣшаетъ всякому культурному прогрессу. Въ упорядкованномъ государствѣ козацтво такое, якимъ оно было, должно конечно прекратиться, если росходилося о покой и прогрессъ. А ихъ напады на сосѣдовъ, ихъ грабежи въ сосѣднихъ краяхъ, хотьбы для удержанья своей жизни, были бы вѣчною причиною, не устающихъ военъ, которыхъ снова добре устроенное государство терпѣти не могло.

Козацтво могло съ временемъ вымерти и спокойно прекратиться! Однакъ не такъ легко и скоро, бо кромѣ козаковъ было въ козацкихъ полкахъ множество, извѣстныхъ намъ дейниковъ, которые покинувши свою трудовую жизнь бажали стати козаками, бы вести легкую и розгульную жизнь на чужій счетъ. Тыи бѣдаки, безъ одежды, хлѣба и оружія жили грабежемъ и всякими другими злодѣйствами; а вернуться до давнѣйшаго занятія они не хотѣли и не могли, такъ якъ за розличнѣйшій сквернѣйшій дѣла грозило имъ тяжкое наказаніе, и только яко военни люде уходили они передъ заслуженною карою. На жаль, грабити позволяло имъ начальство, а даже хвалило ихъ за то! А если бы и до того прійшло, щобы ихъ изъ полковъ прогнати, то они скорше стали бы опрышками-бандитами, чѣмъ спокойными и полезными рабочими. Нѣтъ що говорити, то хорошій элементъ для порядоч-

ной державы! — А якъ знаемъ, находили ся въ полкахъ козацкихъ и поляки; они вписывали ся въ козацкіи полки, бы забезпечити свои имѣнія передъ грабежемъ, а можетъ быти и передъ конфискаціею; они правда таили ся съ своимъ польскимъ патріотизмомъ и католичествомъ, однакъ было яснымъ, що въ полкахъ козацкихъ нѣтъ общей идеи, нѣтъ необходимаго одушевленія, хотя переважная часть козацкаго войска была русская и православная, слѣдуетъ пригадати, що отдавна приходили на Сѣчь и Сербь и Волохи и Поляки, а даже и Нѣмцы, межикоторыми было много преступниковъ и изгнанниковъ (баннитовъ), слѣдовательно они и не могли быти надежнымъ матеріаломъ для культурной государственности. До того всего вытворила ся новая и то аристократическая партія изъ старшины козацкой и шляхты; а хотя и посполтыи козаки бажали и надѣяли ся съ временемъ въ ихъ вступити слѣды, все таки козацкая и крестьянская чернь ихъ нетерпѣла, що и грозило въ близкомъ будущемъ страшною домовою соціальною войною; а она въ дѣйствительности уже и объявляла ся, якъ судьба Немирича и Выговского доказуетъ. Вообще извѣстны намъ обстоятельства до того причинили ся, що головными чертами козацтва были: хитрость, жестокость, мстивость; якъ разъ черты противоположни всякой культурности; а средства ихъ политики: ложь, клевета, обманъство, клятвoprеступленіе и подобнаго рода пошлости. И такъ склалося, що козаки не умѣли вытворити надеждной государственности, а яко союзники, чи Россіи, чи Польши не приносили добра. Политика католической пропаганды Польши довела до варварской и ѳвратительной гайдамачины; а политика гуманна и моральна Россіи, идучая въ розрѣзъ съ стремленіями вліятельнѣйшой козацкой партіи, хотя и сначала бѣльшая часть Украины спріяла Россіи, была

отъ части причиною печальныхъ произшествій, о которыхъ поздѣйше розскажемъ. Що Россія, жестоко обманена, своими союзниками, оказала съ временемъ твердую руку и меньше довѣряла обманщикамъ, то не ей вина; такъ якъ она не только была въ правѣ, но и обязана защищати себе, а даже свое существованье! —

Не потребуемъ и повтаряти выше сказанного, бо и никто не заперечить, що политика козацкихъ верховодовъ была скверна: На передѣ розсѣвано клевету, що царь намѣряеть отдати Украину ненавистнымъ Полякамъ. То было и глупо и скверно, бо никому не было тайнымъ, що именно царь, одушевленъ союзомъ съ единовѣрными и единокровными, усердно радовался, що предсказанія его великого предшественника, Ивана Васильевича, назвавшего себе „государемъ всея Руси“, исполняются. И онъ бы хотѣлъ отдати русскую и православную Украину ея природнымъ врагамъ?! А сами клеветники продали Украину Польшѣ!! Но нужно было конечно засѣяти ненависть къ Россіи, а то не для свободы и независимости Украины, а для заведенія тамъ постыднаго крѣпачества-рабства. Полковникъ козацкій Нечай хотѣлъ и на Бѣлой Руси хозяйство козацкое завести; а коли Москва тому самовольствію противилася — такъ якъ Бѣлая Русь находила ся по за предѣлами козацкой области, то снова поднесено клевету, що Москва нарушаетъ переяславскій договоръ. Введеніе воеводъ и царскихъ чиновниковъ, о которыхъ просилъ народъ, козацкая чернь, а даже верховоды козацтва, снова уважано за нарушеніе договоровъ!.. Чи справедливо? Мерзкое злодѣйство Выговского (гроши Хмельницкого), скрытоубійство (Пушкаря), ломанье торжественныхъ присягъ, явніи обманства, водка (побѣда, отнесена надъ Пушкаремъ и деморализація явна черни козацкой, которой даже позволено грабити, бы только усилити

ненависть къ Москвѣ и довести до постыднаго гадяцкаго договора и пр. и пр. И то была политика? — Сохрани насъ Господи отъ такихъ подвиговъ!

Правда и политика польская не была лучшею, бо и она часто не опиралася на началахъ христiаньской морали. Договоръ виленскій, который и спасъ Польшу передъ опасностію; былъ заключенъ и заприсяженъ, но никто въ Польшѣ и не думалъ о его соблюденіи. Польскіи посланники намавляли козаковъ до измѣны Россіи, съ которою Польша находила ся въ пріязныхъ отношеніяхъ, и то на основаніи заприсяженного договора! Чи было то по христiаньски, чи было то морально? Обманени, чрезмѣрно лестными обѣщаніями, козаки заключили и послѣдній договоръ, который польскіи паны, сенаторы, а даже король заприсягли, однакъ съ явнымъ постановленіемъ, не додержати его условій? Чи и то было морально и по христiаньски? — Правда, що Янъ Казиміръ видно каялся и хотѣлъ и желалъ разъ отнестись съ довѣріемъ къ своему сосѣду и брату Славянину; оказалось однакъ, що не польскій король, но польскіи паны управляютъ польскою политикою, и заприсягли гадяцкую угоду, которая не принесла имъ ни чести, ни прочной пользы.

Правдивымъ управителемъ политики народовъ, есть, якъ выше было отмѣчено, Провидѣніе Божье, палецъ божій, который возвышаетъ праведныхъ, и понижаетъ неправедныхъ. А исторія всемірная, то всемірный судъ, которого приговоръ есть часто строгій, но все справедливый!

Вотъ вамъ и примѣры: Страшніи и хищныи Татары сегодня уже никому не страшны; ледво слѣдъ осталъ по ихъ ордахъ, которые были бичемъ восточной и средней Еврпы. А Польша, та могущественная держава, которой и виленскій договоръ могъ былъ ошадити тяжкіи удары, якіи ей приготовила ей неморальная политика; не уй-

шла передъ тымъ приговоромъ! Гадяцкая угода принесла ей правда минутную корысть, но удары послѣдовавшіи за нею принесли ей тяжкій вредъ, который сегодня еще гнететъ хорошій славянскій народъ. А злосчастныи подѣлы Польщи нанесли не только ей самой, но и Славянству и Руси чувствительный вредъ; такъ якъ на тыхъ подѣлахъ заработали наибольше Нѣмцы, тотъ лютейшій ворогъ Славянства!

Но свѣтъ славянскій чѣмъ разъ больше переконуется, що только политика, опертая на христіанскихъ добродѣтеляхъ, на христіанской этицѣ, оперта на любовь и взаимности славянской, — принесетъ спасеніе.

А щожъ говорити о козакахъ, и якая была ихъ участь, ихъ судьба? Давно бо уже Сѣчь разрушена, давно уже нѣтъ ни реестровыхъ, ни сѣчовыхъ, ни низовыхъ козаковъ. Они пережили ся, бо ихъ устройство не соглашало ся съ устройствомъ культурной государственности; они должны были пасти, они и пали; а паденіе ихъ прискорилъ безсомнѣнно Выговскій и гадяцкій договоръ! —

Политика же русскаго государства была оцѣлое небо вышюю и лучшою; она была вполнѣ моральною и христіанскою. Коли то козаки лопили легкомысленно присяги и нарушали договоры, приносячи имъ видную корысть; слова бо царскаго посланника, заключающаго переяславскій договоръ именемъ царя, отъ котораго требовали козаки, бы, подобно польскому королю и польскимъ панамъ, утвердилъ присягою, именемъ царя, заключенный договоръ, сами отдають полную честь и признательность православному государю. „Государь православный не присягаетъ, его бо слово стоитъ выше, чѣмъ всѣ присяги другихъ государей!“ отвѣтилъ посланникъ, и козаки тѣмъ и довольствовались, бо то была правда! Богданъ Хмельницкій, тотъ правдивый христіанскій герой, позналъ скоро, що онъ мимо

своихъ славныхъ побѣдъ не устоитъ противъ соединенныхъ Поляковъ и Татаръ; онъ позналъ именно по извѣстной расправѣ подъ Берестечкомъ, що конецъ Украины печальный. Славный герой за Русь и православіе свернулся съ просьбою о помочъ къ русскому и православному царю, бы спасалъ пропадающій братній народъ. Просьбы въ Москвѣ черезъ шесть лѣтъ не принимали; бо царю, который стоялъ — на основаніи договора — въ пріязныхъ сношеніяхъ съ Польщою, данного слова ломити не позволено! Тревожни просьбы и заявленія нашего героя, попавшего въ отчаяніе и готовою даже лютымъ Туркамъ поддаться, бы только освободитися отъ фанатизма и гнета... царь обѣцалъ наконецъ помочъ. Онъ старался склонити напередъ польскихъ пановъ, бы не ломили заключенныхъ съ козаками договоровъ, и не допускали гоненій православія, такъ якъ цари, по завоеванію греческаго цѣсарства Турками, были головными защитниками православія.

Но гордыи польскіи паны грубо ѡтказали царскому посланнику, а даже не хотѣли дати удовлетворенія за нанесенныи обиды русскому государю. Тогда то посланникъ Рѣпинъ-Оболенскій и заявилъ, що дальше переговорювати не будетъ; возвратился въ Москву и предложилъ вѣрный отчетъ о новыхъ оскорбленіяхъ русскаго государя. Но царь еще медлилъ, а предложилъ цѣлое дѣло представительству русскаго государства, земскому собору, который и однодушно призналъ правду своему государю. Ажъ тогда рѣшилъ ся Алексѣй Михайловичъ принати козаковъ подъ свою высокую руку и объявити Польщѣ войну. Такъ Россія твердо соблюдала принятіи на себе обязанности и держала совѣстно данное слово; хотя можетъ быти тая благородно-консервативная, основана на началахъ христіаньской этики политика, не разъ мѣшала успѣхамъ; бо — якъ извѣстно — успѣхъ лекшій при ровномъ о-

оружіи. А тутъ смѣютъ, и то тыи самыи, которы такъ легко ставали вѣроломными, обвиняти царя въ нарушеніи договора! Глупо и злобно!

Во виду сказанного будетъ и отвѣтъ на поставленніи выше вопросы безсомнѣнно легкій и ясный; а вопросы слѣдующіи: 1. Кто былъ виновникомъ нарушенія, для цѣлой Руси необычайно благотворного переяславского договора? 2. Кто былъ виновникомъ страшного кровопролитія и всякихъ ужасовъ войны — правдивой руины Украины? 3. Кто былъ виновникомъ, що отношеніе царя къ козакамъ, Москвы къ Украинѣ, стало послѣ не такъ сердечнымъ и любезнымъ, якъ было непосредственно по заключеніи того договора, — или кто былъ виновникомъ, що довѣріе царя къ козакамъ охолодѣло и симпатія его и щирая любовь къ нимъ уменьшили ся, а рука его стала твердшою?

Хотя исторія правдивая на тыи вопросы дасть ясный отвѣтъ, все таки до сегодня не перейшло еще заслѣпленіе тыхъ которы изъ дороги правой сойшли на крутыи стежки на мановцы, ведущіи въ пропасть. Они нашли ся на стопѣ военной, а то не только съ исторією, правдою, дѣйствительностію и послѣдовательностію; они находятся на стопѣ военной даже съ самыми собою. Не дивно що многіи даже интеллигенты не нашли еще вѣрного отвѣта на вопросъ „кто мы е“; у нихъ часто и нѣтъ отвѣта на вопросъ „что мы хотимъ?“ А яко доказательство на тое, вотъ вамъ два новѣйшіи, малыи, но характеристични, хотя и печальніи обявы.

Интеллигентный и трудолюбивый издатель большого сочиненія: „Руска исторична бібліотека“ Т. XIII. пишетъ въ введенію (Водъ издавництва) слѣдующе: „бажаючи подати... енциклопедію историчну рускои бувальщины, а супроти свѣтла историчной правды щезне всяка тьма объединительныхъ теорій!“

Смертний чловѣкъ вѣритъ, що исторіи, задача—правда, а не тенденція, и то тенденція, которая сама на себе издаетъ строгій засудъ! Пане радникъ! не идѣть такъ далеко, а спросѣть не якую бы то ни было политическую тенденцію, но простой и здоровый хлопскій розумъ, а одержите отвѣтъ вѣрный и ясный: „Несогласіе и розъединеніе было и есть, хотя оно и лежитъ въ характерѣ и въ крови славянської, головною причиною нашего положенія, нашей культуры, однимъ словомъ нашей нужды. А только соединеніе (объединеніе), тое учить якъ разъ XIII. Т. Вашего изданія, творить силу, которая и ведетъ къ прочному миру; а прочный миръ ведетъ безсомнѣнно прямо къ поднятію культурности, слѣдовательно и къ участиленію народовъ, — quod erat demonstrandum: А роздоры и несогласія ведутъ прямо къ руинѣ, що вы въ вашемъ сочиненіи, которымъ и я смиренный рабъ божій здорово пользовался, убѣдительно доказали. У Васъ Выговскій является политикомъ, а тогдашни козаки такими, якими они должны были... милости просимъ: перечитайте Ваше сочиненіе съ большою увагою, а прійдите до заключенія того самого, до якого и я, ито на основаніи логического мысленія дойшоль.

Историчная правда, то идеаль правдивого историка, а не — хотя бы и украинского политика! У Васъ Выговскій мыслилъ о измѣнѣ ажъ тогда; коли Москва нарушила договоръ (хотя того не было); а у мене, и то на основаніи вашего сочиненія, Выговскій подъ вліяніемъ Немирича, Биневского и другихъ давно уже мечталъ о измѣнѣ, и то не для свободы и независимости Украины, якъ изъ Вашего сочиненія слѣдуетъ. Тоже даетъ Ваше сочиненіе неопровержимыи доказательства на счетъ тогдашнихъ козаковъ, изъ которыхъ сдѣлалъ я только логическое заключеніе. Такъ въ письмѣ царя къ Выговскому, якъ только гетмана стали подозрѣвати его сѣчовыи коза-

ки, стоить: „Вы вже колись зрадили королю Шведському, зрадили й хану Крымському й Ракоцію Угорському, й господареві Волоскому, а тепер і насъ хочете зрадити. Чи довго же вы хильцѣ справляти мете?... На що гетьманъ.... почавъ радити козакамъ, царю покоритися!“ „Якъ що, каже (Выговскій), роз'єднаємось съ царскимъ величествомъ, то нѣхто намъ бѣльше вѣры не нятиме за нашу несталоість, мусимо конечно розору дѣзнати“...! (Барв. Руска істор. бібліотека Т. XIII. ст. 16). До того всего прибавляєть авторъ свои слова: „Гетьманъ хотѣлъ роздмухати незадоволене, що повстало вже на царя и пр.“ — А якъ то погодити съ повышею увагою!? — Пора уже перестати баламутити насъ, и то за нашіи гроши (книжка бо печатана на счетъ субвенції соймовой), пора уже и познати, що исторія оперта на правдѣ, а политика на тенденціяхъ! Слѣдовательно не одно простять политику, що ніякъ не простять историку! Вы даже Нечая. и то безъ всякого законного основанія захищаєте! —

Замѣчательно и то: Во время переяславскихъ договоровъ завладѣло небывалое одушевленіе, небывалая общая радость, а козаки здорово гукали: „хочемъ вѣчно едино быти...!“ А тое стало ся слѣдствиемъ сознанія е д и н о в ѣ р і я и е д и н о р о д с т в а, що и всѣ единодушно признавали. Но уже подѣ Гадачемъ выдумалъ ловкій Бинѣвскій двѣ вѣры, греческую и московскую, хотя малорусскіи ученіи были и учителями православія въ Руси царской, а часто іерархами тамъ; и никто не перечилъ, що царь есть защитникомъ православія. Бинѣвскій лгалъ для политики, хотя и никто ему не вѣрилъ. Сегодня пошли его послѣдователи дальше и заперечують даже единородство, которое и исторія, и дѣйствительность и наука признають! Такъ то оказалось ся явное несогласіе межи Правдою и тенденціею, межи исторіею и политикою. Такъ и вы

нечаянно нашли ся на стопѣ военной; а то съ самымъ собою!!

Друга „подія“ еще интереснѣйша: Панъ Б., извѣстный журналистъ, а сегодня посолъ, чловѣкъ интеллигентный, трудо-способный и мыслящій, писалъ интересни сочиненія, „(Хлопская политика“), которыми рѣшительно подносилъ и просвѣщеніе и сознательность нашего народа. Ноува! — тотъ самъ Б., которого я, не смотря на партійны дразги, посѣтилъ въ его квартирѣ, бы ему заявити благодарность за его серіозный трудъ, которого я даже публично хвалилъ (см. мое „Наше нынѣшное положеніе), устроилъ торжественный юбилей въ память и честь Выговского! Чи то было подвигомъ писателя, чи посла, ніякъ не розберу и розбирати не хочу, бо снова и п. Б. явится на стопѣ военной съ собою самымъ! Сегодня и я каюся и стыдаюся самъ себе! П. Б. долгою рѣчію, а можетъ быти лекцією, величалъ „ловкого политика“ и ставилъ его дѣятельность въ примѣръ подражанія достойный — славословилъ мужа, который на правду былъ головною причиною, а то не только извѣстной руины, но даже нынѣшного нашего печального положенія; мужа, которого исторія называетъ измѣнникомъ, негодаемъ. (См. Барвіньского Истор. библ. Т. XIII.) Несвычайно интересно и знаменатально!

Мужъ серіозного труда, мужъ мыслящій, хвалить тенденцію, идучую въ розрѣзъ съ правдою: Борець за свободу славословить того, кто на Украинѣ приготовилъ почву подъ неволю-рабство, кто утвердилъ тамъ крепацтво.

Демократъ голосный величаетъ головного представителя украиньского аристократизма! У Васъ бо безъ сомнѣнья двѣ души: Вы передъ выборами чистый Пушкаръ, а тутъ чистый Выговскій!! — Не иду дальше въ моихъ дедукціяхъ, бо становится и мнѣ, а кажется и Вамъ непріятно; прошу Васъ однакъ, любезный, — снова

вступити на здоровую почву серіозного труда и не стояти дальше на стопѣ военной съ собою самымъ. — Подобного рода подвиги оставте.... смѣхотворнымъ паяцамъ!

Такъ якъ я крѣпко вѣрю и положительно знаю, що межи нами и вами много съ горячимъ сердцемъ и съ здоровымъ умомъ, для того и не отзываюся словами Хмеляницкого: „вѣльна дорога“, а словами нашего народного поэта: „схаме-нѣтся“ и ступайте на дорогу правды и любви! Пригадую однакъ слова проклятiя, оставленiя на смертной постели, безсмертнымъ Костомаровымъ для русского сепаратизма!

А если уже конечно хотите изъ Выговского сдѣлати достойный подражанiя примѣръ, то идѣте его слѣдами дальше и покайтесь; такъ якъ и онъ наконецъ каялся и пытался снова навязати съ Москвою щирiи сношенiя, бо позналъ, що союзъ съ Польщою не принесетъ Украинѣ добра. Выговекiй никогда не оспаривалъ единородства русского, послѣдуйте ему! — Не смѣю бо предполгати, що измѣна больше привлекательна, чѣмъ щирое покаянiе! Выговскому правда не позволили каятися его союзники, бо позбавили его жизни; но сегодня не грозитъ подобная опасность, а напротивъ — щирое покаянiе отпускаетъ грѣхи. Простая уже послѣдовательность требуетъ отъ насъ, бы мы ишли въ мѣстѣ всѣ слѣдами исторiи и правды, которыи указываетъ намъ нашъ славный историкъ и ученый. Правда, що и Выговскiи не родять ся каждый день, но торжественно его память величати, прямо не позволено; хотя онъ былъ протитопомъ того, що мы называемъ „пенсiя“ и „корытце“. Онъ правда своимъ поведенiемъ приобрѣлъ и гроши и достоинства, онъ бо сталъ за свои заслуги и польскимъ сенаторомъ и кiевскимъ старостою! Пусть празднуютъ его память тѣ наши патрiоты, которыи мечтають о пенсiяхъ, и которыи тиснутъ къ

обильному и смачному корытцю, а не тѣ, на которыхъ прапорѣ — идея!

Демократамъ и радикаламъ прямо не позволено чествовати память мужа, который насадилъ на Украинѣ неволю и крепачтво; который своею политикою вызвалъ всякого рода ужасы, опустошенія, кровопролитія: однимъ словомъ извѣстную руину на Украинѣ. Не позволено чествовати памяти Выговского тымъ, которы не потеряли еще смысла для культурныхъ добродѣтелей, для идеи и чести; не позволено бо идеализовати мерзкихъ преступленій, которы доказала ему даже исторія Барвиньского. Вѣдь крадежъ — а онъ обокралъ родину покойного Богдана, которой былъ законнымъ опѣкуномъ; убійство — вѣдь онъ былъ моральнымъ виновникомъ убійства полковника Пушкаря, который такъ горячо любилъ Украину и козаковъ, якъ Выговскій свой карманъ, — вѣроломство и измѣну, которыхъ перазъ ся допускалъ нашъ жалкій Выговскій, не станетъ еще никто захвалати и идеализовати, кто еще не пересталъ быти человекомъ. На жалъ юбилей Выговского вызвалъ и юбилей ровного ему Мазепы, которого цѣлая Русь за убійство, вѣротомство и измѣну прокляла и проклинаеть!

Не стыдно своего рода фантастамъ за дерзкое нарушеніе этики передъ культурнымъ міромъ?! И угоду гадацкую не позволено величати юбилеемъ; она бо якъ разъ причинила ся, якъ ниже докажемъ, до тыхъ ужасовъ, о которыхъ выше было сказано; слѣдовательно не принесла ни Украинѣ добра, ни творцамъ ея чести.

Не первый разъ приходится дсвѣдчити, що идутъ прямо въ пропасть тѣ, которы разъ сойшли изъ прямой дороги!

Прости милый читатель мнѣ, що полемику я еще не кончилъ; она бо необходима, если хочемъ выйти на прямой путь. Наше общее добро, нашъ печальный опытъ требуютъ того настойчиво, а не дѣтинная охота хвастати и докоряти

кому бы то не было. Виновниками являемся мы всё, слѣдовательно всё обязаны ити за голосомъ правды; такъ какъ тутъ не расходится о амбицію единицъ, а о общее добро, которого требуетъ наша земля, которого домогается нашъ народъ.

Безъ споровъ нѣтъ прочного согласія, безъ переговоровъ нѣтъ требуемого договора; а мы вѣдь зайшли за далеко, отдалилися другъ отъ друга, слѣдовательно и крайняя пора сблизиться и дружно жертвовать наши силы для общего дѣла. Есть у насъ довольно уже мужей свѣтлыхъ и честныхъ, которые и познали причины нашихъ частыхъ и большихъ неудачъ; для того и слѣдуетъ надѣяться, что эгоизмъ и корыстолюбіе единицъ замолкнетъ въ виду грозного положенія, въ которое мы — и то не безъ собственной вины попали. Мы перестали быть правдивыми патріотами, а стали горячими поборниками нашихъ партійныхъ идеаловъ; а то не принесетъ пользы ни нашему народу, ни русской землѣ. — А общій кличъ: „нищити кацапа“ или „нищити украинца“, то только самое большое удовольствіе для нашего общего врага!

Допускаемся легкою рукою даже злоупотребленія науки, дерзкаго фальшования исторіи, бы только догодити своимъ партійнымъ воззрѣніямъ, или даже требованьямъ нашихъ лютѣйшихъ враговъ, которыхъ стаемъ слѣпымъ орудіемъ — и усердно работаемъ для цѣлей ихъ скверной политики. Оставмо уже разъ тую будто историческую политику: „хитрый Малорось“ въ покоѣ, она бо невѣрна, она ложна; развѣ схочемъ назвати того хитрымъ, которого всякій перехитрилъ!? Наша бо исторія вѣрно намъ передаетъ, що безсмертному Богдану не разъ удало ся перехитрити своихъ враговъ, однакъ не все; а его наслѣдниковъ, гетмановъ и полковниковъ, и то безъ исключенія умѣли перехитрити ихъ враги. Не Малороссамъ, но польскимъ интригантамъ и политикамъ належится справедливо тая честь, а не

Малороссамъ, которыхъ правдивая исторія, и то вполне справедливо, назвала бы скорше добродушными и легковѣрными, а не хитрыми. — А наша молодежь — наша будущность — все идетъ еще за влеченіемъ сердца, а не за голосомъ ума. „Свое“, „питомое“, „самостійное“, „свобода“ и другіи подобны фразы электризуютъ ю такъ, що ея фантазія, ея мечты безъ реальной подкладки, не отвѣчаютъ дѣйствительности и будутъ только причиною ихъ болельного розчарованья. Но и тая молодежь, увлекаемая неосуществимыми мечтами и внушенными идеалами, затребуетъ на конецъ вступить на реальную почву, бы узнати дѣйствительность и правду; а отказати ей въ томъ не будетъ легко, такъ якъ она въ полномъ правѣ того требовати. И она узритъ, она узнаетъ тую правду, но тогда уйдетъ изъ ея сердець благодарность для своихъ — лжеучителей. А тое больное розчарованье не принесетъ добра, ни ей, ни русскому обществу! — Вотъ вамъ и примѣръ, вотъ правдивы факты: Г. А. Барвинскій, мужъ незвычайного труда, а даже науки, напечаталъ „вѣрный“ переводъ цѣльных сочиненій нашего славного историка И Костомарова. Переводъ назвалъ онъ самъ „вѣрнымъ“, но присмотрѣмъся той захваленной вѣрности: замѣчательно бо, що тотъ вѣрный переводъ переводить, каждой русской дѣтинѣ понятное слово Костомарова „русскій“ на русскій, російскій, украиньско-русскій и московскій. Если вѣрный переводчикъ тѣ слова считаетъ синонимами, то и я съ нимъ согласенъ; а если нѣтъ, то допускается простого и явного фальшованья, сирѣчь злоупотребленія науки или даже ординарного обманьства, бы розумѣется догодити своимъ партійнымъ возрѣніямъ. Вотъ то въ культурномъ мірѣ ніякъ не позволено. Такимъ то дѣломъ творится отдѣльный украиньскій народъ, украиньскій языкъ, которыхъ никогда не было

и не будетъ, о которыхъ Малороссѣ Костомаровъ ничего не знаетъ. Такимъ то дѣломъ фабрикуется у насъ сепаратизмъ, и то на основаніи сочиненій Костомарова, который былъ рѣшительнымъ противникомъ русскаго сепаратизма. Ужасная иронія судьбы! Неумолимого противника сепаратизма сдѣлалъ г. Б. сепаратистомъ! Я изъ своей стороны рѣшительно противъ того протестую. Я позналъ Костомарова изъ его сочиненій, я лично съ нимъ сносился, почиталъ его необычайный талантъ и знанія; я убѣдился — и то неразъ — о его широмъ и сознательномъ русскомъ патріотизмѣ, а тутъ его „вѣрный“ переводчикъ сдѣлалъ его сепаратистомъ, хотя точно знаетъ, что тотъ самъ Костомаровъ русскіхъ сепаратистовъ проклиналъ. Позволено ли то? — позволено ли каляти чистое имя мужа науки, а то для якихъ тамъ политическихъ соображеній, хотя бы то и было въ интересѣ высшей политики Берлина, Кракова и Вѣны? — Всѣмъ ясно, что политика берлинская, а она теперь ведетъ примъ, горячо бажаетъ роздробленья Руси, а не русскій народъ, не интересъ Руси!

Было бы понятнымъ, если бы г. Б. сегодня говорилъ о украинскомъ языкѣ, коли тотъ терминъ получилъ уже апробату въ высшей политикѣ; но говорити о украинскомъ языкѣ за часовъ гетманщины, то не только анахронизмъ, но и явное фальшование исторіи. Читатель довѣдался, и то изъ сочиненія того самого Б., что въ Переяславли одушевлялися козаки своимъ единородствомъ съ москалями; онъ узналъ, что польскіи интреганты даже утверждали, что православіе кіевское другое чѣмъ московское. Однакъ ни Биневскій, ни Вороничъ не посмѣли ни говорити ни даже мыслити, что есть два русскіи языки; а то по той простой и всѣмъ понятной причинѣ, что языкъ кіевской академіи слѣдовательно нашъ, малорусскій, былъ языкомъ officialнымъ въ Мо-

сквѣ, а воспитанники кіевской академіи были тогда учителями, іерархами и другими достойниками въ царствѣ. Даже первы наши писатели, якъ Котляревскій, Квитка, Шевченко и другіи писали только для простолюдина на мѣстныхъ говорахъ, а для интеллигенціи на литературномъ языцѣ, языцѣ, который былъ и есть до сегодня въ сущности малорусскимъ. Въ польскомъ словарѣ найдешъ любезный читатель Украину, найдешъ и Москву; но не найдешъ тамъ украинского языка, а только „ruski“. А новенькій терминъ, выкованный въ львовской кузни „rusiński“, хотя онъ для польского уха и миловзвучный, не получилъ еще права гражданства. Слѣдовало бы продати то новенькое слово гр. Еренталю, а онъ навѣрно употребить и на тотъ самъ модель прикажетъ ввести и слова: „сербинскій“, болгаринскій“, бы примѣнити ихъ къ извѣстной засадѣ „divide et impera“. —

Такъ „наивный“ Костомаровъ зналъ только одипъ русскій языкъ, а его вѣрный переводчикъ, якъ то и въ дальшемъ моемъ оповѣданіи окажу, говоритъ уже о языкахъ русскомъ, россійскомъ, украинско-русскомъ и московскомъ. Слѣдуетъ еще пригадати и о языцѣ гуцульскомъ, лемковскомъ, о розличныхъ говорахъ угро-русскихъ и воскликнути: „Якъ богата ты святая Русь въ языки и націи, ты незвычайно благословленна. Вотъ вашъ незвычайный прогресъ: дивизомъ для историка является правда; схоластикомъ девизъ былъ: „qui bene distinguit, bene docet“, все таки и они не отрыцали правды. Но за то приняли сепаратисты о много славнѣйшій девизъ, а именно: „qui bene dividet, bene docet“. Слѣдовательно належится и благодарность тому видному прогресу, такъ якъ онъ открылъ намъ наше незвычайное богатство въ націяхъ и языкахъ. Но прогресъ ли - то? и мы должны его благодарити?

Незвычайная злоба, правдивая встеклость

объявила ся въ одной части нашей прасы противъ делегации, которая ѣхала въ Москву, бы отдати послѣднюю; но заслуженную честь великому Гоголю, которого считаетъ уличетвореніемъ своей идеи, культурного единства всего русскаго міра. Делегация тая была внолнѣ лояльна, ей были чужды всякіи политическіи соображенія и стремленія, такъ якъ въ томъ торжествѣ принимали живое участіе почти всѣ культурныи народы, все таки нашъ миленькій и маленький Русланецъ не щадилъ своей добре заплаченной любезности, бы тую делегацию по своему очернить и осквернить. Цѣлыи легенды публикуетъ онъ о делегации, которая кромѣ культурного долга не имѣла и не могла имѣти цѣлей, подходящихъ подъ денунціаторскій кличъ: измѣна, Nochvergath, рубли, всякаго рода нелояльность и Богъ вѣсть якіи тамъ дальшіи тайны вождельнія. Цѣлыи легенды съ злобными и лживыми денунціпіями онъ публикуетъ, бы заслужитись передъ своими хлѣбодателями и бы нанести чувствительный удаъ роднымъ дѣлающимъ свой долгъ, которого требуетъ отъ нихъ ихъ народная честь, ихъ чистая идея.

Вѣдь знаютъ то всѣ добре, що мы поѣздкою нашою въ Москву не нарушили нашої завѣтной лояльности, що ни паломники въ Почаевъ и Кіевъ 1908 г., ни мы не нанесли нашей уніи церковной ни малѣйшого вреда, а только посѣтили и познали ближе нашихъ дорогихъ зарубезныхъ братій, а то намъ было и дозволено, и никто намъ не смѣетъ отказати въ правѣ посѣщати нашихъ родныхъ. Въ престарѣлую клевету о рубляхъ никто уже не вѣритъ; и мы ихъ не брали, ибо никто не давалъ. Въ программѣ нашої было только посѣщеніе Москвы; но коли большость делегации рѣшила принять приглашеніе въ Петроградъ, оказалось, що некоторые члены были принуждены брати въ заемъ у своихъ това-

рищей таки гульдены, бо имъ не ставало на не-
надѣйныи издержки, бы доѣхати домовъ. Не
продали мы Австріи, бо даже не было торгу; не
продали мы ни Руслана, ни нашихъ реформова-
ныхъ Василянъ; а сдѣлали бы мы тое дуже ра-
до, хотя и на тое фпрмальнаго рѣшенія нашей
делегаціи не было, — бо не было купца, и да-
ромъ ихъ никто не хотѣлъ брати. Правда, що мы
силою нашихъ печальныхъ отношеній всецѣло
отданы политиканству, были бы вѣроятно и по-
писались нимъ и ушкварили не одинъ фаерверкъ;
однакъ намъ того за „здалегід“ (прости читатель
за пьекне слово, которое мнѣ вельми сподобало-
ся) не позволено. Нашии бо милыи хозяи, гг. гр.
Бобринскій и Гижицкій, не меньше и достойный
комендантъ кронштадтской крѣпости рѣшительно
заявили, що политикою заннматись не хочемъ и
не будемъ, а мы яко культурныи гости безуслов-
но повиновалися желанію нашихъ дорогихъ хо-
зяевъ. Слѣдовательно были политическіи конспи-
раціи немислимы, такъ якъ насъ и тщательно
стерегли щиріи пріятели Руслана.

Такъ малый фаерверкъ г-на В-на никому не
повредилъ, бо не найшолъ даже отгомона; впро-
чемъ г. В. не былъ членомъ нашей делегаціи и
мы за него не отвѣчаемъ.

Говорять звычайно, що старыи люди стают-
ся говорливыи; и у нихъ то на языцѣ, що на
сердцѣ; а може то и правда, що они уже меньше
способны въ дипломаты и политики для того, бо
любятъ правду. Прости милый читатель, если я
больше скажу, чѣмъ бы кому-нибудь и сподоба-
лося, я бо хочу приобрѣсти собѣ на старость
друзевъ а не вороговъ. Открыю тобѣ всю тайну
и выясню, по какой то причинѣ нашъ Русланъ,
который долженъ быти вполне довольнымъ и
сердечно радоватися, що нашии политическіи аспи-
раціи и соображенія потерпѣли полное крушеніе;
и ни св. уніи, ни Австріи, ни сепаратнстамъ ни

даже Руслану и нашимъ реформованымъ Васи-
ліянамъ и волосъ съ головы не спалъ; що мы
возвратилися изъ богатой Россіи съ порожними
карманами. Однакъ только въ строгомъ секретѣ.

Вѣдь Русланъ навѣрно не употребляетъ та-
баки, и у него еще здоровый носъ; онъ бо и до-
гадался, що поѣздка наша не была безъ успѣха
безъ пользы. Признаюся, що лютѣйшая злоба
Руслана вполнѣ оправдана: мы дѣйствительно
вынесли необычайный успѣхъ; величезную поль-
зу, хотя въ политическіи дебаты мы не запуска-
лися. Тотъ успѣхъ и тая польза говорю откро-
венно, представляетъ дѣйствительно стоимость
многихъ, а многихъ миліоновъ, ба миліардовъ,
которыми мы радо подѣлилися съ нашими закор-
донными братьями а прочее увезли домовъ; и
даже подѣлимся радо съ вами, якъ только захоче-
те. Правда, що львиная часть миліоновъ прина-
ла менѣ въ удѣлѣ, и я ю радо складаю на жер-
твеннику любви и согласія и то на славу св.
Руси.

Я слѣдовательно пережилъ уже, и то въ
Петроградѣ, тотъ найсчастливѣйшій день моей жиз-
ни, въ которомъ единодушно признано, що идея
и національное единство всего русскаго міра, за
которую то идею я уже полныи десятки лѣтъ
упрямо свое копые крушу, стало въ полномъ то-
го слова значеніи дѣйствительностію и неоспори-
мою уже правдою а я спокойно могу сказати
„Нынѣ отпускаеши раба...“ бо вижу свѣтлую бу-
дущность Руси!

Политическихъ дебать мы не вели; но за
то розбирали мы въ меньшихъ кружкахъ усер-
дно нашии экономическіи и національныи дѣ-
ла, а то при участіи цвѣта русскои интели-
генціи, знающей превосходно нашу историю и
нашъ языкъ. Первый, и то громаднѣйшій успѣхъ
нашихъ совѣщаній былъ знаменитый. Мы бо у-
бѣдилися, що нашии русскіи братья, которые до

вчера, яко воспитанники иностранныхъ своихъ воспитателей — нѣмецкихъ, французскихъ, профессоровъ и педагоговъ, нѣмецкихъ, французскихъ, швейцарскихъ бонъ, гувернеровъ и гувернантокъ и то слѣдствіемъ простаго внушенія величали западъ, въ которомъ видѣли культуру, свободу и всякій прогрессъ, а бранили Россію, будто представительницу варварства и грубости. Сегодня всѣ, безъ исключенія обнаруживаютъ любовь къ своей родинѣ, любовь къ русской землѣ, къ русскому солдату, къ русскому мужику: обнаруживаютъ свой ширій патріотизмъ, и то является безсомнѣнно вѣрнымъ залогомъ лучшей и свѣтлой будущности; и то не только Руси, но и Славянства. Вотъ вамъ успѣхъ, вотъ вамъ польза, которыхъ дѣйствительную стоимость пока опредѣлители не возможно!

Тѣ совѣщанія дальше однодушно сконстатовали не только, что культурное и національное единство всего русскаго міра есть дѣйствительностью; они сконстатовали, что нынѣшній звучный, хорошій, образованный общерусскій литературный языкъ, тотъ цѣннѣйшій плодъ всѣхъ русскихъ нарѣчій, есть передъ всемъ языкомъ малорусскимъ, такъ какъ Малая Русь наибольше къ его образованью причинилась. Вѣдь знатоки русской исторіи добре знаютъ, что колыбелію русскаго языка, русской образованности была Малая Русь, былъ Кіевъ; мать русскихъ городовъ и кіевопечерская лавра; изъ которыхъ — какъ отъ правдиваго солнца, расходили ся лучи свѣтла и правды на всѣ стороны святой Руси. Вѣдь никому не тайно, что коли сѣверно-восточная Русь по 200 лѣтней татарской неволи своею стойкостію и правдивымъ героизмомъ сбросила тяжкое иго, снова Малая Русь а собственно кіевская академія, принесла свѣтло, попавшей въ неволю физическую и моральную, своей сестрѣ, освободившейся, и то собственно силою отъ

тяжкого ига. Языкъ кievской академіи, языкъ малорусскій, сталъ снова языкомъ офиціальнымъ и научнымъ въ цѣломъ русскомъ государствѣ, хотя онъ съ временемъ принималъ и формы, слова и фразы изъ велико и бѣлорусскихъ говоровъ; а собственно для того сталъ полнѣйшимъ и вполне общимъ, и то для всѣхъ русскихъ племенъ!

Вотъ вамъ правдивая причина встеклой злобы Руслана и его прихвостниковъ; онъ бо хорошо понималъ, что не только почаевско-кievскіи паломники, но и члены нашей делегации, а именно крестьяне смѣло, бо вполне убѣждены, голосять теперь, что московского языка нѣтъ, что русскій языкъ есть языкомъ нашимъ, чисто русскимъ. Они смѣло голосять и голосити будутъ: „насъ всѣ поняли, и мы всѣхъ понимаемъ, мы говорили по нашему, по русски; а они говорили точно такъ, какъ мы, хотя некоторые буквы немножко иначе произносили!“ Вѣдь правдивая причина злобы; теперь бо для лжеучителей изъ Руслана, которымъ явно только расходуется — и то для вражей намъ политики — бы дробити и ослабляти Русь — нѣтъ удобного мѣста, бо ученикамъ и послѣдователями того вредного и ложного ученія будутъ теперь развѣ круглыя дурачки.

Въ Москвѣ и Петроградѣ принимали участіе въ тыхъ розговорахъ виднѣйшіи и свѣтлѣйшіи Велико-Бѣло и Малороссы, для того и тѣмъ цѣннѣйшіи будутъ для цѣлой Руси ихъ возрѣнія и убѣжденія. Замѣчательно, что вполне оправдано было и мнѣніе некоторыхъ о нашихъ апостолахъ розъединенія; для нихъ было то невычайно страннымъ, что собственно некоторые Малороссы, которыхъ языкъ сталъ общерусскимъ оказали ся тѣмъ недовольны; Бѣло- и Велико-россамъ можъ бы скорше простити неудовольствіе, такъ какъ фонетика, а фонетика малорус-

ская вошла вполне въ общерусскій языкъ. И мы на то замѣтили, що высшая политика, а не наука и правда у насъ рѣшается! — вполне обоснованнымъ и умѣстнымъ было быстроумное замѣчаніе Бѣлоросса: „очень странно; привычно много нарѣчій складается на одинъ литературный языкъ, а ваши политики пытаются изъ одного нарѣчія выкрасить два литературныхъ языка, мыслимо то?“ Знатоки другихъ европейскихъ языковъ дѣлали замѣчанія, надъ которыми слѣдовало бы ся застановити ближе всякаго рода сепаратистамъ. Нѣмцы, Французы, Итальянцы, а передъ всѣмъ Англичане — приняли одинъ литературный языкъ, хотя у нихъ множество нарѣчій, которыя отъ себе очень отделили ся; они приняли одинъ языкъ, и на томъ выиграли прогрессъ и культура. Намъ же, хотя у насъ нарѣчій меньше, и онѣ благодаря общій нашъ языкъ церковный, мало другъ отъ друга отделилися, хочется творить новыя языки, до чего нѣтъ никакой разумной причины. Мы бы пошли въ разрѣзъ и съ Провидѣніемъ, которое намъ указываетъ и приказуетъ соединити, а не разъединити ся. Говорено о произношеніи, принятомъ въ Россіи: однакъ всѣ узнали то за мелочь, такъ какъ во всѣхъ языкахъ культурныхъ то самое замѣчается, — и никто не оспариваетъ Малороссамъ въ правѣ, свое произношеніе и дальше употреблять; они бы поймутъ Бѣло- и Великоросса такъ само легко, какъ тѣ ихъ, Вѣдь Нѣмцы не только самогласны, но и некоторые согласны, какъ h, g, d, t, и др. различно произносятся а никому не приходится въ умъ, для того новыя языки творить. У насъ произношеніе некоторыхъ самогласныхъ есть очень разнообразное; въ некоторыхъ областяхъ великорусскихъ произношеніе больше сближено къ малорусскому, чѣмъ къ велико- и бѣлорусскому. А если бы самое произношеніе было причиною творенія от-

дѣльныхъ языковъ, то у насъ было бы больше языковъ чѣмъ нарѣчій.“ И вполне вѣрно; и намъ бы тогда прійшло для Гуцуловъ и Лемковъ дѣлать отдѣльные языки, такъ якъ у нихъ не только различное произношеніе, но и гласоудареніе. Прямо глупо было бы для того, що Великороссы говорятъ атець, а мы отецъ; що они говорятъ дѣло, а мы діло, роздѣлятися. Мы напротивъ должны довольствова ся и гордиться ся тѣмъ, що они такъ пишутъ, якъ мы пишемъ и говоримъ; що они приняли нашъ языкъ.

Вѣдь у насъ говорятъ, и то въ мѣстностяхъ отъ себе не отдаленныхъ „семый“ и „сьомый“; „вьеруй“ и „вѣруй“; а чей то не будетъ причиною для творенья новыхъ языковъ. Поляки считаютъ даже Кашубовъ, которыхъ почти не понимаютъ Поляками, а намъ велятъ Бѣло- и Великороссовъ считать чужими!!

Такъ просвѣщенные Бѣло- и Великороссы смотрятъ на нашу манію творити новыи языки, ояи бо ясно видятъ, що тутъ ни азыковы, ни граматическіи, но чисто политическіи соображенія, и то для насъ безусловно вредни, рѣшаютъ. Пора и намъ итти за исторією, дѣйствительностью и правдою.

Пригадалъ я собѣ во время нашихъ розговоровъ, и то не разъ на слова молодого Великоросса д-ра Щербакова: „намъ говорили, что нашъ языкъ есть языкомъ кіевской академіи, языкомъ малорусскимъ, а тутъ Малороссы отказуются отъ него;“ или на слова нашего Потебни: „ни этнографъ, ни языковедъ не въ состояніи потягнути границу между велико- и малорусскимъ населеніемъ.

Пригадалъ я собѣ на слова моего доброго пріятеля, полковника Рулева: „Вашіи литераторы должны писать на общерусскомъ языкѣ, а

тогда тотъ языкъ станетъ еще больше малорусскимъ, чѣмъ есть сегодня!“ Удивительное согласіе, слѣдовательно и неоспоримая правда! — Пригадали ся мнѣ проклятіе Костомарова, и слова того же самого Рулева: „Сепаратизъ мѣшаетъ прогресу культуры“. Sapienti sat.

6. Argumentum ad ocnlos, argumentum ad hominem.

У насъ однакъ все не такъ якъ у людей. Въ столѣтію пары и электрики двигается все въ передъ, а мы стоимъ неподвижно на мѣстѣ — бо такъ намъ приказуетъ чужій интересъ а даже идемъ въ задъ. Культурны народы сближаются, соединяются, бы культурный прогрессъ сдѣлать быстрѣйшимъ, певнѣйшимъ, а мы дробимся, ослабляемся. Мы даже усердно четвертуемъ тую Русь, которую наука, исторія и дѣйствительность считаютъ не роздѣльною, бо высшая политика — и то чужая — требуетъ настойчиво дробленья и ослабленья. Интеллигенты вымысляютъ даже новыи языки, якъ волапикъ и эсперанто, бы чужии народы до себе сближити, бы только культурный прогрессъ сдѣлать быстрѣйшимъ; а мы дѣлимъ то, що было и по природѣ должно быти нероздѣлено!

Бываютъ споры и въ культурной средѣ, но ихъ рѣшаетъ и усмиряетъ наука. А послѣдуетъ разъ авторитетное рѣшеніе споры прекращаются; бо „Roma locuta, causa finita“! А у насъ не такъ. Найславнѣйшии учены слависты, а между ними и австрійскіи, якъ Миклосичъ и Ягичъ однодушно признали даже національное единство всего русскаго міра (см. мое: „Наше нынѣшное

положеніе“) а у насъ сепаратизмъ не прекратился. Если въ культурной средѣ, и то по авторитетномъ рѣшеніи спора, станетъ кто упрямо при своемъ ложномъ мнѣнію, то называютъ его — и то справедливо — маньякомъ, утопистомъ или даже фиксатомъ; а у насъ на голосъ науки часто даже люде науки не обращаютъ вниманія, бо у насъ въ краѣ невѣроятностей не наука, но политика рѣшаетъ даже научны споры.

Надѣяти ся однакъ належитъ, що и съ временемъ войдемъ въ кругъ культурной сферы и станемъ повиноватись голосу науки и правды. Не такъ легкимъ будетъ дѣло съ полукультурными и некультурными, для которыхъ наука, яко абстракція не приступна. Абы и ихъ перекопати и свести на путь правды необходимо сойти на почву конкретности и вѣскими доказательствами доказати, що то, що наука рѣшила, не позволено оспаривати и перечити. Правду будетъ и имъ легко узнати, бо за правдою стоятъ и доказательства такъ сильны, що даже типоумый шовиинистъ передъ ними корытися станетъ.

Я доставилъ Тебѣ любезный читатель, и въ подлежащѣй книжечцѣ и въ моемъ сочиненіи „Наше нынѣшнее положеніе“ довольно вѣскихъ доказательствъ, що наша идея „культурное и національное единство русскаго міра“ стоитъ на крѣпкой почвѣ. Она для правильно мыслящихъ и для людей доброй воли есть явною и ясною правдою, она для того и красуется на нашемъ народномъ прапорѣ. Для загорѣлыхъ скептиковъ и для меньше просвѣщенныхъ радо доставляю и дальшіи доказательства, которыи даже и невѣрныхъ убѣдятъ, если ихъ мозогъ есть правильный. Нашии паломники и делегаты убѣдили ся вполнѣ, що литературный языкъ русскій есть нашъ, що національное единство неоспоримо, такъ якъ они своихъ зарубезныхъ братій, и тѣ послѣдни ихъ совершенно понимали. Знаю добре, що нашии скептики скажутъ: „Паломники

нашіи были только на малорусской области, слѣдовательно понятно, що ихъ розумѣли; а то еще не доказуетъ національного единства всего русскаго міра“.

Соглашаюся съ тѣмъ замѣчаніемъ, и иду еще дальше: я исключаю даже Черняковъ — яко живое доказательство единства; такъ якъ они яко жители бродскаго повѣта могли не разъ слышати обще-русскаго языка и съ нимъ немножко усвоитися. Для мене являютъ ся самымъ вѣрнымъ доказательствомъ единородства: коломыйскій цосолъ Заячукъ и Буковинець Мельничукъ, отдалены отъ предѣловъ русскаго государства, и говорящіи своими мѣстными говорами.

И дѣйствительно была то необычайная прелесть для насъ всѣхъ, якъ тѣ нашии крестьяне свободно и смѣло размавлили ся въ Москвѣ и въ Петроградѣ, а то не только съ учеными, профессорами и дворянами, но и съ мѣщанами, а даже съ крестьянами и работниками. Ихъ смѣлыи рѣчи въ различныхъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія розумѣли; и собственно то есть неоспоримымъ доказательствомъ нашего единородства! Я самъ говорилъ, и то нарочно, нашимъ галицкимъ языкомъ; я не льстилъ, но говорилъ правду, которая и не всѣмъ понравилася, — но убѣдился, що каждое мое слово, каждую мою мысль хорошо поняли.

Знаю добре, що послѣдуетъ отвѣтъ: „то все вполнѣ природне, такъ якъ всѣ славянскіи языки близкіи собѣ; слѣдовательно и Славяне другъ друга легко розумѣють.“

Отвѣчаю, що тое не цѣлкомъ вѣрно; вотъ вамъ и доказательство: Во время пращальнаго обѣда говорили всѣ нашии крестьяне, и всѣ ихъ хорошо розумѣли. Но говорилъ Сербъ интеллигентный, голова, большого сербскаго города, по сербски. Онъ зналъ и русскій языкъ, и въ своей рѣчи, бы его лучше поняли, употреблялъ и русскіи

слова. Все таки его мало розумѣли, и его умная и патріотическая рѣчь вызвала необычайный энтузіазмъ только тогда, когда ю другій Сербъ перевелъ на языкъ русскій. — Языки славянскіи суть сродны между собою, но не однородны, якъ русскіи нарѣчія. Начни любый скептикъ разговоръ съ сербскимъ, словиньскимъ или болгарскимъ крестьяниномъ, а скоро убѣдишь ся, що ни онъ тебе, ни ты его добре не поймешь. Такъ не зрозумѣешь добре и сочиненій другихъ Славянъ, хотя бы были у тебе подъ рукою и грамматика и словарь, а то безъ долшого упражненія и большого труда.

Сродство, а единородство, то не одно.

Пригадаю и опытъ, а то не только свой, но и опытъ многихъ десятокъ моихъ товаришей и знакомыхъ: Такъ я, яко ученикъ черновецкой гимназіи, на которой не учено такъ много русскаго языка, началъ читати сочиненіе Костомарова: „Гетманъ Богданъ Хмельницкій“, и докончилъ оное въ короткомъ времени; а то безъ грамматики и безъ словаря, знаніе бо достаточное нашей этимологической, а собственно исторической правописи, улекшило мнѣ цѣло такъ, що я все хорошо понялъ. Нашии старшіи люди помнятъ хорошо, якъ нашии ученики, а даже ученицы, при мѣрномъ знаніи этимологіи, читали сочиненія русскихъ классиковъ и переводили ихъ безуперечно на нашъ мѣстный языкъ; не есть то неоспоримымъ доказательствомъ нашего единородства?

Сдѣлай любый скептикъ малый экспериментъ, малую пробу, а убѣдишь ся легко — я бо подобныи пробы дѣлалъ часто и то съ знаменитымъ успѣхомъ. Перечитай своему товаришу, хотя бы онъ былъ и малограмотнымъ, статейку изъ Пушкина, Костомарова, Гоголя, Толстого или другихъ классиковъ, однакъ съ нашимъ произношеніемъ, перемѣнивши два три слова на нашъ

ладъ, а услышите оба хорошій, звучный — малороссійскій языкъ. Чи и то не будетъ неспоримымъ доказательствомъ нашего единородства?!

Спросѣтъ г-на Ром. давнѣйшего сотрудника „Слова“, а онъ навѣрно собѣ пригадаетъ, якъ то въ редакціи, и то въ первыхъ годахъ часто и голосно говорено; а можетъ быти и онъ тое говорилъ: „Перемѣнимъ только какъ на якъ, это на то, дѣлать на дѣлати; а съ языка россійского станетъ языкъ русскій!“ Чи и то не доказуетъ намъ нашего единства?

Мене теперь совершенно не удивляетъ книжечка пок. Дѣдицкого: „Въ одинъ часъ...“ Мнѣніе бо его не шутка, не фантазія, а полная дѣйствительность. Покойный Дѣдицкій не былъ ни фантастъ, ни эгоистъ, но серіозный наблюдатель и мыслитель; впрочемъ пояснилъ онъ и свое мнѣніе въ своей автобіографіи (см- Вѣстникъ Народ. дома).

Не подлежить наименьшему сомнѣнію, що высказанная и основно доказанная правда не дасть са ніякими политическими соображеніями и видами закрыти; и я самъ сильно убѣжденъ, що наши верховоды всѣхъ партій ю признають. Самъ головный защитникъ „новой эры“, а то при ея инаугураціи откровенно заявилъ, що нашъ галицкій говоръ въ короткомъ времени такъ преобразовался: „що якісь часъ можна було о всѣхъ предметахъ въ томъ нововыробленномъ (?) языцѣ писати....“ „Зъ того мусѣло прійти до узнання едности языка русского съ россійскимъ!...“ Спрашиваю, чи интеллигентный и мыслящій человекъ могъ то сказати, если онъ не былъ глубоко убѣжденъ о нашемъ единородствѣ! А онъ видно не хотѣлъ до того допустити, чего навѣрно и требовали инициаторы!

Вотъ ученыи и професоры, Вашою бо задачею есть защищати науку и правду, скажѣтъ

Вашое вѣское слово и укажѣтъ дорогу которою намъ дальше ступати слѣдуетъ, если Вамъ оставлено свободу слова! Прибавляю только, що „рускій“ и „россійскій“ были и есть синонимы.

И Вамъ доетойныи Послы: Окуневскій, Олесѣнпкій, предлагаю мои возрѣнія въ увѣреніи, що не будете глухими на слова Вашего старого товариша; который вѣритъ, що у Васъ есть способности и тактъ, що Вы щиро любите свой народъ, которому грозитъ серіозная опасность. Обращаю ся къ Вамъ съ словомъ: „Caveant..“!

Новѣйшая бо исторія войшла на другій путь, а мыслящіи политики отгадуютъ легко, що собственно грозитъ намъ поважная опасность. Послѣдняя бо война на балканьскомъ полуостровѣ вытворила новую констеляцію. Всѣ добре помнимъ, якая радость, якій восторгъ объявился въ Берлинѣ, въ Вѣднѣ, въ Краковѣ и Львовѣ на вѣсть о неудячахъ русскаго оружія подъ Плевною; всѣ добре помнимъ, якая печаль, прямо отчаяніе завладѣло въ тѣхъ самыхъ городахъ, якъ только узнали, що Плевна пала. Еще большее горе обявило ся тамъ, якъ только узнали, що русская армія перейшла Балканы, разбила Турковъ на голову и появила ся подъ стѣнами Константинополя, якъ только узнали, що Санъ-Стефаньскій договоръ не только призналъ Россіи великое вліяніе на цѣломъ полуостровѣ, но и христіянамъ, а передъ всѣмъ Славянамъ большіи льготы и свободы. Знаемъ добре, якъ середная и западная Евроца, подъ предлогомъ нарушенія европейскаго равновѣса, умѣла въ берлинскомъ конгресѣ престижъ Россіи и Славянства уменьшити. Но не конецъ на томъ: явилося горячковое стремленіе Берлина, собирати свои силы, бы давный „Drang nach Osten“ усилити. Нѣмецкіи

авантютисты находятся уже въ каждомъ большомъ городѣ балк. полуострова, а то еврейско-нѣмецкіи банкиры, лѣкари, купцы. инжинеры и инструкторы военныи. Посолъ берлинскій былъ до недавна всемугучимъ на султанскомъ дворѣ. Въ Анатолиі строятъ Нѣмцы желѣзницу и посунули свои аванпосты ажъ по перскій заливъ, бы даже Англичанъ, мнимыхъ союзниковъ Россіи въ Индіяхъ зашаховати. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ, а даже въ Галичинѣ Нѣмцы подносятъ свои головы, бо и они въ роковой войнѣ Германьства съ Славянствомъ отиграють видную роль. Кажется, що въ той самой цѣли прійшли межи соперниками Берлиномъ а Вѣднемъ до сердечной пріязни и довело до анексіи славянскихъ племенъ, которыхъ точно по принципамъ „divide et impera“ участвуютъ. Такъ собираетъ Берлинъ союзниковъ, бы ослабити своихъ непріятелей, бы въ роковой войнѣ отнести побѣду. И Римъ — а то вопреки своимъ принципамъ — пойшолъ политицѣ на руку. Чествовано бо величаво въ Римѣ нашихъ святыхъ, Кирила и Методія, которыхъ доси считано святыми низшого сорта; Римъ позволилъ даже некоторымъ католическимъ Славянамъ употреблять въ богослуженіи славянскій языкъ, а въ Вѣдні поднято даже мысль, соединяти католическихъ Славянъ противъ російскаго панславизма (австрославизмъ!) А и насъ не оставлено въ покоѣ, и намъ назначено роль противъ Православія и Славянства: Безъ вѣдомости намѣстника Ал. Потоцкого прислалъ Римъ своихъ вѣрнѣйшихъ іезуитовъ бы реформовали нашихъ Василианъ. И они дѣйствительно перевели реформу на свой ладъ: принимали поляковъ, да мазуровъ, бо тѣ больше были перенаты религійнымъ фанатизмомъ и скорше стали рьяными ультрамонтанами, чѣмъ наши смиренныи рутенцы. И о тое имъ росходилося, такъ якъ имъ — якъ знаемъ изъ нашей исторіи

не расходилося такъ о христiянство и католицизмъ, якъ головно о вщепленье своимъ питомцамъ ненависти противъ православiя противъ шизмы; и то якъ разъ въ тойцѣли, бы пригото-
вити матерiаль, который бы въ роковой минутѣ
станулъ въ рядахъ пикильгаубы, а то противъ
православiя—шизми, противъ Руси! и Славянъ-
ства. Въ томъ направленiи дѣйствуютъ уже ихъ
питомцы яко священники, а даже яко воспитате-
ли въ нашихъ семинарiяхъ; въ такомъ самомъ
направленiю дѣйствуетъ и извѣстный амери-
канскiй бискупъ, и то якъ знамъ — успѣшно.

А то легко можетъ довести до междоусоби-
цы, котра навѣрно не принесетъ нашему народо-
ви добра.

Абы и дальше число своихъ союзниковъ
побольшити, выдумалъ Бисмаркъ извѣстный
планъ; онъ намѣрялъ черезъ основанье мало-
русского, чи кiевского княжества Россiю ослаби-
ти, а число своихъ союзниковъ усилити. Онъ въ
согласiю съ Кальнокимъ распочалъ акцiю, кото-
рая и довела до т. зв. новой эры. А такъ якъ
отбудованье Польщи, которая скорше станула бы
по сторонѣ, Нѣмцевъ, чѣмъ Малая Русь, Нѣм-
цамъ не было симпатичнымъ, бо она съ време-
немъ могла войти съ ними въ столкновенiе о
пруско-польскiи провинцiи, давнѣйшии части
Рѣчи посполитой. Все то выявили намъ полити-
ки польскiи, а то по трагическомъ эпизодѣ изъ
дня 12. апрѣля 1908 г. О сколько въ томъ прав-
ды, точно годѣ знати, но предположенiе не только
возможное, но и вѣроятне.

Не обвинаю такъ нашихъ контрагентовъ,
бо они не были инициаторами а заманени груш-
кою на вербѣ вошли въ скверныи сдѣлки, якъ
нашихъ польскихъ оцѣкуновъ и педагоговъ, ко-
торыи обѣщаньемъ „самостiйной“ Украины
часть нашего народа переобразовали — а то по-
добно якъ Iезуити нашихъ Василиянъ. Изъ рус-
скихъ народовцевъ сдѣлано украинскихъ шови-

нистовъ и внушено имъ ненависть противъ Россіи. Такъ прійшло до замѣчательнаго договора: Поляки на желаніе Бисмарка и другихъ пріобѣщали создать „самостійну Украину“, за що снова участвивлены Народовцы обѣщали сотворити самостійную литературу, самостійный языкъ, отдѣльную націю. Такъ по внушенію Бисмарка подарили Поляки Народовцамъ „самостійность“ политичную такъ само, якъ извѣстный Янъ IV. въ 1848 г. подарилъ панщину. Однимъ словомъ заключено угоду - контрактъ, которыхъ условія ни одна ни другая сторона додержати не въ состояніи.

Поляки дали то, що не посѣдають, а Народовцы пріобѣщали то, що есть неосуществимымъ. Послѣдствіемъ того всего является уже сегодня несогласіе и вражда, которая навѣрно не принесетъ нашему народу добра, бо ни Поляки ни Прусаки не пожертвуютъ ни одной капли крови для освобожденія Украины, бо они вызвали только несогласіе и вражду, бы ослабити Россію, которой и нынѣшна сила есть имъ солию въ оцѣ. А если дѣйствительно прійдетъ до кроваваго рѣшенія, то кончится оно навѣрно полною руиною нашего народа и нашей земли, а тогда станется новая эра вѣрною копіею злощастной гадяцкой угоды.

Цѣлый бо тотъ печальный эпизодъ есть и не безъ траго-комическихъ чертъ. Наши бо Народовцы не пріобрѣли ни „самостійной“ Украины, ни создали отдѣльной отъ прочей Руси, а самостійной національности, а потеряли уже свое давнее честное имя. Въ нашей бо исторіи были двѣ Украины: одна (русская) находила ся за владѣнія нашихъ Романовичей въ сѣверной Волини, такъ бо звано малый рубецъ земли, положенный надъ лѣвымъ берегомъ долѣшного Буга (см. Шараневича Исторія гал. влод. Руси ст. 76.) — а другая провинція Рѣчи посполитой въ южно западной области нынѣшней Россіи (Украина

польская). Однакъ слово „Украинець“ не означаетъ такъ само національности, якъ „украиньскій“ (въ лѣтописи украинный) не означаетъ точно языка. „Украинець“ означаетъ въ вѣрномъ польскомъ переводѣ „mieszkaniec kresów“, а украиньскій—„kresowy“; слѣдовательно стали наши Украинцы безименными, анонимными т. е. некрещенными; а и псевдонимъ подходящій еще не найденъ.

Незвычайно интересными были для насъ замѣчанія нашихъ милыхъ хозяевъ и въ Москвѣ и въ Петроградѣ и на счетъ фонетики. Они согласно признавали, що малорусскую рѣчь всѣ хорошо и легко понимаютъ, тяжело имъ однакъ приходится розумѣти наши книжки и газеты, писани фонетикою. Такъ то фонетика сдѣлала мало или вполне не приступными плоды умственного творчества нашихъ Украинцевъ для Велико- и Бѣлоросса. А мы конечно замѣтили, що фонетика и намъ принесла чувствительный вредъ. Она бо отдалила нашъ народъ отъ церкви, такъ якъ ему пониманіе, а [даже чтанье нашихъ церковныхъ книгъ стало затрудненымъ. Она усилила несогласіе и вражду не только между крестьянами, но часто между крестьянами и ихъ священниками. А вѣдь религія и церковь причиняють ся видно къ ублагодородненію и нравственности вѣрныхъ. Благодаря фонетику усилилъ ся и радикализмъ, появляется уже и безконфесійность, а даже и безвѣріе!

Понятно, що то все не принесетъ добра.

Фонетика затормозила дальше нашей молодежи и входъ въ величавую палату русской свѣтовой письменности; бо этимологія улекшала, а фонетика безсомнѣнно затрудняетъ науку и розумѣніе литературного русского языка. Таки то послѣдствія принесъ вамъ дарунокъ вашихъ опікуновъ и педагоговъ, онъ васъ отдѣлилъ отъ культурного русского міра; онъ насъ чрезъ изоляцію сдѣлалъ въ своемъ родѣ „самостійными“!

Челомъ передъ польскою политикою!

Тотъ вашъ опѣкунъ и педагогъ не только усилилъ нашъ давній сепаратизмъ, но пожаловалъ намъ и новыи добродѣтели: римскій ультрамонтанизмъ и украинскій шовинизмъ, — и осягнулъ намѣченную цѣль. Вы для новой эры отреклися отъ своего богатого языка, надѣ которого образованіемъ и нашии предки полное тысячилѣтіе трудилися; и стали безименными, анонимами. Не украинофильство, бо щирыми украинофилами и мы и весь русскій міръ; а украиноманія принесла и приносить больное разочарованье, вредъ и позоръ, якъ то уже пок. Потѣбня давнѣйше предсказалъ. Тотъ проклятый шовинизмъ приносить и дальше свои плоды, вотъ на пр.: виднѣйшій буковинско-русскій и православный посолъ заявилъ не давно публично, що онъ станетъ — розумѣется за премію — въ роковой войнѣ Германьства съ Славянѣствомъ противъ Православія и Руси, бы — розумѣется — улекшити побѣду отвѣчнымъ врагамъ Православія и Славянѣства, бы причинитися къ гегемоніи Нѣмцевъ въ Европѣ. Тотъ самый посолъ и представитель православныхъ крестьянъ, не стыдалъ ся дѣлати явно православныхъ крестьянъ рабами юдео-мадьярскихъ лихварей! Такъ далеко мы зайшли. Тутъ уже пригадуется намъ не Гоголевскій смѣхъ сквозь слезы, но прямо подвиги Эфіальта и Юды!.. Діхі... Исторія часто строгій, но все справедливый судія!

Крайняя пора познати зло и навернути на дорогу исторіи и правды; крайняя пора сорвати контрактъ, который и такъ, и то на основаніи австр. кодекса цивильного не важный, такъ якъ ни одна ни другая сторона принятыхъ условій не додержала и додержати не въ состояніи. Крайняя пора залишити междоусобицу, а дружно и согласно начати трудъ, для добра русского народа и русской земли. — Отдѣльной литера-

туры и національности не вытворите и на заказъ (обсталунокъ) вашихъ союзниковъ!!

Помнѣть, що нашу высокопатріотическую и чистую идею — культурное и національное единство русскаго міра — и скверная римска политика ни умертвити, ни осквернити, ни даже ослабити не въ состояніи.

Помнѣть, що близорукость и легковѣріе въ политикѣ влечетъ непремѣнно за собою большое разочарованье съ печальными, а даже кровавыми послѣдствіями: „Der Wahn ist kurz, die Reue lang“.

Помнѣть на слова извѣстнаго поэта:

„Allein der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn!“

А если хотите уже дѣлать политику, то перечитайте прежде основно нашу исторію, исторія бо учительница жизни; а не сдѣлаете больше такихъ промаховъ, якъ гадяцкая угода или ей двойница, „новая эра“. Они бо останутъ постыдными пятнами въ нашей исторіи на долгие столѣтія!





Вниманію П. Т. читателя

Въ книжномъ магазинѣ

ИНСТИТУТА СТАВРОПИГІЙСКО

продаются сочиненія того самого автора :

1. Введеніе въ отечественную исторію часть
- 2, " " " " " часть I
- Обѣ книжечки по 50 г.
3. Наше нынѣшное положеніе (25 г.)
4. Исторія Бѣлой Руси и Бѣлороссы (50 г.)

Купующимъ большое число экземплярей дается
отвѣтный рабать.

- - Всѣ сочиненія продасть и авторъ

Львовъ IV. Курковая ч. 35.



ТЫ
ТЬ
П
И
СТ
а

ЙСКО

втора :

часть
часть I

(50 г.)

ей дае

автор

5.

6347

РЛ

4,53 (1987)

488 • ЕТМАНЪ БОГДАНЪ ЗИНОВІЙ
МЕЛЬНИЦКІЙ

и его наслѣдники (преемники).

Написалъ

Д-ръ Николай Мб. Антоневиць.

Часть I.

Цѣна 1 корона.

ЛВОВЪ.

Типографія Ставропигійского Института
подъ управленіемъ М. Рефца.
1909.